

ЗВЁЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ · КОЛЛЕКЦИЯ

ПИТЕР
УОТТС

ОГНЕПАД

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА · ЗЕРО
БОГИ НАСЕКОМЫХ · ПОЛКОВНИК
ЭХОПРАКСИЯ

Звезды научной фантастики. Коллекция

Питер Уоттс

**Огнепад: Ложная слепота.
Зеро. Боги насекомых.
Полковник. Эхопраксия**

«Издательство АСТ»

2006-2014

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Уоттс П.

Огнепад: Ложная слепота. Зеро. Боги насекомых. Полковник.
Эхопраксия / П. Уоттс — «Издательство АСТ»,
2006-2014 — (Звезды научной фантастики. Коллекция)

ISBN 978-5-17-100383-8

В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные разведывательные зонды пришельцев светящейся паутиной окутали Землю. Сгорев в атмосфере, они успели передать сигнал за пределы Солнечной системы. Два корабля, «Тезей» и «Терновый венец», отправляются выяснить, кто же стоит за всеми этими сигналами, и, возможно, впервые в истории человечества установить контакт с внеземной цивилизацией. Один из них летит в глубины пояса Койпера, другой, спустя 14 лет после первой экспедиции, — к Солнцу. Но ни знания, ни новейшая техника, ни кардинальные изменения в мозге не способны подготовить их к тому, насколько иным может быть нечеловеческий разум... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-100383-8

© Уоттс П., 2006-2014

© Издательство АСТ, 2006-2014

Содержание

Ложная слепота	6
Пролог	6
Тезей	10
Роршах	77
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Питер Уоттс

Огнепад: Ложная слепота. Зеро. Боги насекомых. Полковник. Эхопраксия

Peter Watts

Blindsight

Zeros

Insect Gods

The Colonel

Echopraxia

Blindsight © 2006 by Peter Watts

Zeros © 2017 by Peter Watts

Insect Gods © 2015 by Peter Watts

The Colonel © 2014 by Peter Watts

Echopraxia © 2014 by Peter Watts

© Даниэль Смушкович, перевод, 2015

© Николай Кудрявцев, перевод, 2019

© Данил Криворучко, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ложная слепота

*Сильнее всего поражает меня в мире явственная необходимость
вообразать то, что в действительности уже существует.*

Филипп Гуревич¹

Ты сдохнешь попусту, как собака.
Эрнест Хемингуэй²

Посвящается Лизе
Если нам не больно – значит, мы умерли.

Пролог

Попробуй коснуться прошлого.
Попробуй бороться с прошлым.
Его нет. Оно – просто фантазия.
Тед Банди³

Все началось раньше. Не с шифровиков или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказала бы, что все началось со светлячков, но и это неправда: ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо. В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, братьев-изгоев, связывали похожие несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его – наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не стоит исправлять плоды трудов Его. Привести в норму могли нас обоих, но случилось это лишь со мной.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пага окружили шесть пацанов. Те, кому удалось прорваться в первый ряд, методично били его по голове; остальные в ожидании своей очереди обзывали «ублюдком» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он неуверенно, словно сомневаясь, поднимал руки, пытаюсь заслониться ими от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, и ощущал его мысли яснее собственных: Паг боялся, что мучители могут подумать, будто он отбивается, усмотрят в этом акт сопротивления и возьмутся за него всерьез. Даже тогда – в нежном возрасте восьми лет, управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя. Вот только не понимал, что делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если лучший друг в беде, ему нужно помочь, так? Даже если все против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?), надо хотя бы позвать на помощь. За охранниками сбегать. Ну, что-нибудь!

¹ Филипп Гуревич – американский писатель и журналист (р. 1961). Получил известность, написав документальную книгу о геноциде в Руанде «Имеем сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют» (здесь и до раздела «Сноски и примечания» – примечания переводчика).

² Цитата из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935.

³ Тед (Теодор Роберт) Банди (1946–1989) – один из самых известных серийных убийц США. В 1970-х годах изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

А я застыл на месте: мне не особо хотелось его выручать.

Нелепо... Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Из-за припадков дети меня боялись и держались на расстоянии. В минуты полного бессилия я страдал от открытого насилия меньше Роберта, но тоже натерпелся оскорблений, насмешек и подножек, которые ни с того ни с сего прерывали мой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства...

Прежде. Но эту часть меня хирург вырезал вместе с глючными цепями. Я все еще про-рабатывал алгоритмы, чтобы вернуть ее, учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает и инстинктивно чувствует каждый ребенок. Может, следовало позволить процессу идти естественным путем и не мешать природе? С другой стороны, родители Пага не стали перечить естеству, и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро модифицированных «суперпацанов» бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я, скорее, наблюдал, чем думал; не столько делал выводы, сколько вспоминал. А мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников униженных и оскорбленных. Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух обидчиков Пага по затылкам, прежде чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум – и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку: лишь отметил, что стало одним противником меньше. Остальные, увидев кровь, перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне «хана», и, пятась за угол, крикнул: «Сранный зомбак!»

Только через тридцать лет я уловил в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались под моими ногами. Одного я пинал в лицо, пока он не перестал шевелиться; повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся – не глядя, не думая, – и Паг с визгом отскочил в сторону.

– Ой, – едва успев остановиться, произнес я. – Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

– Ой, блин, – пропыхтел Паг. Из его носа хлестала кровь, заливая рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк. – Блин-блин-блин...

Я сообразил, что сказать:

– Ты в порядке?

– Ой, блин, ты... то есть ты же не... – Он утер рот. На запястье осталась кровь. – Ой, ну все, нам конец.

– Они сами начали.

– Да, но ты... блин! Посмотри на них!

Тот, который стонал, пытался уползти на четвереньках. Я прикинул в уме, сколько времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. Может, убить прямо сейчас?

– Прежде ты таким не был, – прошептал Паг.

Он хотел сказать – до операции. Тогда я и почувствовал что-то внутри – слабое, едва уловимое, но живучее. Это была злость.

– Они же сами начали...

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

– Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что стою с поднятыми кулаками. Не помню, когда и как это сделал. Разжал руки, но не сразу: пришлось долго и старательно буравить их взглядом.

Булыжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

– Я хотел помочь.

До меня никак не доходило, почему Пагу это непонятно.

– Ты... стал другим, – прошептал он с безопасного расстояния. – Ты больше не Сири.

– Сири – это я. А ты – дурак.

– Тебе мозги вырезали!

– Только половину. Из-за припа...

– Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Но ты остался в той, вырезанной половине. Типа, кусок тебя, что... – он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, стоявшими за ними. – Короче, ты теперь совсем другой. Будто тебя папа с мамой зарезали и...

– Папа с мамой, – неожиданно просипел я, – спасли мне жизнь. Я бы помер.

– По мне, ты уже помер, – отрезал мой лучший и единственный друг. – Сири мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз. А ты какой-то левый пацан, который вырос на его месте. Ты не Сири! С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, мамаша выдернула сетевой шнур и вытащила сына из игрушки, которой тот был занят предыдущие восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух? Или он так долго отстреливался в виртуальном пространстве от людей-стручков⁴, что те начали ему мерещиться в реале? Может быть...

Однако отмести его слова с ходу не получалось. Помню, Хелен мне втолковывала, как ей было трудно привыкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», – говорила она. И, правда, похоже. Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, а оставшаяся начинает пахать за себя и почившего товарища. Представьте, как должно перекорезить несчастное одинокое полушарие, чтобы оно работало за двоих. Очевидно, мое справилось. Мозг – очень пластичный орган: поднатужился и приспособился. В смысле, я приспособился. И все же... Прикиньте, сколько всего выдавилось, деформировалось и перепрофилировалось, когда перепланировка закончилась. Можно смело утверждать, что я стал другим человеком, по сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

Потом, разумеется, прибежали взрослые: раздали лекарства, вызвали скорую. Родители бесновались, обменивались дипломатическими залпами, но сложно вызвать сочувствие к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записали, как милая кроха с пятью дружками пинала инвалида ногами. Моя мать воспользовалась поддержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца, который снова улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями – после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько узок круг общения для школьных изгоев, если те перестанут держаться друг друга.

Я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Вырос и приспособился. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Правда, без особой страсти. Как у всех, у меня появились друзья и враги. Я их выбирал, отсеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пушай я вырос сухарем, но объективным сухарем, и за это должен благодарить Роберта Паглиньо. Меня сформировало его ключевое наблюдение, оно привело в синтеты, обрекло на губительную встречу с шифровиками и избавило от той судьбы, что постигла Землю. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчет-

⁴ Здесь прямая отсылка к инопланетянам из романа «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея и его многочисленным экранизациям. Выражение «люди-стручки» (rod people), прозвище, данное в романе и фильмах инопланетным двойникам, стало частью американского сленга и в переносном смысле обозначает еще и малоэмоциональных, равнодушных людей.

ливо я это понимаю теперь – слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и впервые с того дня вижу, что избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, ошибался он. Вероятно, я. Но отстраненность – постоянное чувство того, что ты чужой для представителей своего собственного вида – не всегда плоха.

Она приходится как никогда кстати, если на голову сваливаются настоящие инопланетяне.

Тезей

*Кровь шумит.
Сюзанна Вега⁵*

Представь себе, что ты – Сири Китон. Ты приходишь в себя от мук воскрешения, захлебываясь воздухом после побившей все рекорды стосорокадневной задержки дыхания. Чувствуешь, как загустевшая от добутамина и лейэнкефалина кровь проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками: расширяются кровеносные сосуды, плоть отделяется от плоти, и ребра оглушительно трещат с непривычки, разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности закалились. Ты – палочник, застывший в противоестественном нетрунном окаменении.

Крикнуть бы, но не хватает воздуха.

«Вампиры такое испытывают постоянно», – вспоминаешь ты. Для них это норма, неповторимый подход к экономии ресурсов. Они могли бы научить твоё племя сдержанности, если бы на заре цивилизации их не сгубило нелепое отвращение к прямым углам. Может, ещё не поздно? В конце концов, вампиры вернулись, восстали из могил благодаря чудесам палеогенетического вуду: сшиты из спящих генов и окаменевшего костного мозга, выварены в крови социопатов и гениальных аутистов. Один из них командует твоим кораблём. Щепотка его ДНК вошла в твоё тело, чтобы и ты смог восстать из мёртвых – здесь, на краю межзвездного пространства. Ещё никому не удалось забраться дальше орбиты Юпитера, не став капельку упырем.

Боль начинает отступать – чуть-чуть. Ты запускаешь имплантаты, запрашиваешь собственную биометрию: пройдет не одна минута, прежде чем тело начнет откликаться на моторные сигналы, и не один час, пока утихнет боль. Мучения – неизбежный побочный эффект. Так бывает, когда человеческий генокод соединяют с вампирскими подпрограммами. Ты как-то спрашивал про болеутоляющие, но любая синаптическая блокада «нарушает восстановление метаболизма». Прикуси пулю, солдат!

Пытаешься представить, не так ли чувствовала себя Челси перед смертью, но эта мысль вызывает боль иного рода. Ты подавляешь её и следишь за тем, как жизнь проталкивается в самые дальние уголки тела. Страдаешь молча, сосредоточенно проверяя биометрические показатели.

А потом думаешь: «Это какая-то ошибка...» Ведь если всё правильно, тебя выбросило на другом краю Вселенной. Ты не в поясе Койпера, куда направлялся, а высоко над эклиптической и глубоко в облаке Оорта, царстве долгопериодических комет, раз в миллион лет осеняющих Солнце своими хвостами. Ты в межзвездном пространстве, а значит (вызываешь системные часы) твоё бессмертие продлилось тысячу восьмьсот суток.

Ты проспал лишних пять лет.

Крышка гроба соскальзывает в сторону. В зеркальной переборке отражается мумифицированное тело – высохший протоптер в ожидании дождей. На руках повисли пузыри с физраствором, как раздутые антипаразиты, пиявки наоборот. Ты вспоминаешь, как входили в тело иглы, прежде чем ты потерял сознание, когда вены ещё не превратились в тонко и криво нарезанную бастурму.

Из камеры справа на своё отражение глядит Шпиндель. Его лицо такое же мертвенное и бескровное. Запавшие глаза перекачиваются в глазницах, пока он восстанавливает связь. В его

⁵ Цитата из одноименной песни (сингл 1992 года) Сюзанны Вега – американской певицы и автора песен.

распоряжении настолько обширный сенсорный интерфейс, что, по сравнению с ним, действия твоих стандартных имплантатов больше напоминают театр теней.

Краем глаза ты замечаешь неясные отражения чужих судорог, слышится чей-то кашель и треск костей.

– Чт... – твой голос едва сильнее сиплого шепота. – Слч?..

Шпиндель шевелит челюстью. Явственно щелкают суставы.

– ...Нсс... поимли, – хрипит он.

Ты еще не встретил инопланетян, а они уже обвели тебя вокруг пальца.

* * *

Вот так мы и вылезли из гробов: пять трупов на полставки – голых, иссохших, едва способных шевелиться даже в невесомости. Мы поднимались из саркофагов точно бабочки, вырванные до срока из коконов и наполовину оставшиеся гусеницами: одинокие, затерявшиеся в пространстве, беспомощные. В таком состоянии с большим трудом вспоминаешь, что никто не стал бы рисковать нашими шкурами, если бы это не было так важно.

– С добрым утром, комиссар.

Исаак Шпиндель потянулся дрожащей, нечувствительной рукой к сенсорным перчаткам в основании своей капсулы. Сюзен Джеймс в следующем гробу разговаривала вполголоса сама с собой, свернувшись в эмбриональный клубок. Условная подвижность вернулась только к Аманде Бейтс: та уже оделась и под хруст суставов раз за разом выполняла набор изометрических упражнений. Время от времени она бросала в переборку резиновый мячик, но даже ей не удавалось поймать его на отскоке.

Годы пути свели нас к единому шаблону. Мясистые щеки и бедра Джеймс, высокий лоб и долговязая фигура Шпинделя, армированный карболатиновый дот, который считала своим телом Бейтс, – все усохло до стандартного набора обезвоженных жил и костей. Даже наши волосы за время перелета, казалось, странным образом выцвели, хотя я знал, что это невозможно. Скорее, просвечивала бледная кожа головы. До смерти у Джеймс они были русыми, у Шпинделя – настолько темными, что казались черными, а сейчас их черепа покрывали однообразные бурые водоросли. Бейтс голову брила, но и ее брови лишились памятного мне ржавого окраса.

Скоро мы придем в себя: «Просто добавь воды!» А пока старая злая шутка про живых мертвецов наполнялась новым смыслом: они действительно похожи друг на друга, если не знать, куда смотреть. Разумеется, если знать – забыть о внешности и следить за движениями, закрыть глаза на плоть и осмысливать топологию – перепутать их невозможно. Каждый мимический мускул служит датчиком, каждая пауза в беседе сообщит больше, чем слова обоих спорщиков. Я видел, как личности Джеймс рассыпаются и собираются вновь в мгновение ока. Уголки рта Шпинделя вопили о безмолвном недоверии к Аманде Бейтс. Каждое изменение фенотипа о многом говорило тому, кто знал язык тела.

– Где?.. – прохрипела Джеймс, закашлялась и махнула тощей рукой в сторону гроба Сарасты, зияющего распахнутой крышкой.

Губы Шпинделя искривились в слабой усмешке.

– К фабрикатору пошел? Может, приказал кораблю сделать себе земельки, а то ему спать негде?

– Вероятно, совещается с Капитаном.

Бейтс больше хрипела, чем говорила; ее гортань сухо шелестела, еще не осмыслив заново идею дыхания.

Снова Джеймс:

– Можно было и здесь.

– Здесь и отлить можно, – скрипнул Шпиндель. – Не все стоит делать на людях, а?

И не все стоит выносить на люди. Немногие исходники способны без трепета скрестить взгляды с вампиром – неизменно вежливый Сараста именно по этой причине избегал смотреть собеседнику в лицо. Но в его топологии были и другие грани, общие для всех млекопитающих, а значит, прозрачные для синтета. Если он скрылся с глаз, то, возможно, что и с моих. Или хотел сохранить тайну.

В конце концов, «Тезей» свою хранил.

* * *

Корабль пролетел добрых пятнадцать а. е.⁶ по направлению к цели, прежде чем нечто его спугнуло. «Тезей» взбесившимся котом метнулся на север и начал долгий подъем. Вначале – бешеный отжиг с ускорением в три «же» по направлению к эклиптике, когда тринадцать сотен тонн инерциальной массы бунтовали против первого закона Ньютона. Корабль опустошил баки, истек субстратом, за несколько часов промотал стосорокадневный запас горючего. Потом – долгое падение через стылую бездну и годы бухгалтерского крохоборства, когда тягу с каждого потраченного антипротона приходилось сравнивать с затратами на его отсев из вакуума. Телепортация – не волшебство: луч «Икара» не мог переправить нам реальную антиматерию, лишь квантовые спецификации. Сырье «Тезею» приходилось добывать из пространства, ион за ионом. Долгие, бессветные месяцы корабль двигался по инерции, сохраняя в себе каждый проглоченный атом. Затем – кувырок; ионизирующие лазеры полосуют пространство впереди, тормозная воронка Бассарда⁷ широко раскинута. Вес триллиона триллионов протонов замедлил «Тезей», заполнил его чрево, а нас так и вовсе чуть не расплющил. С того момента корабль неустанно шел на двигателях почти до самого нашего воскрешения.

Восстановить ход событий было легко: курс открывался каждому через КонСенсус. А вот почему корабль шел таким странным маршрутом, это другое дело. В ходе послереанимационного совещания все обязательно выяснится. Мы – далеко не первая экспедиция, изменившая направление, повинувшись секретным приказам. И если бы нам требовалось знать почему, мы бы уже об этом знали. Но все равно мне было очень интересно, кто же закодировал логи связи с Землей. Может, ЦУП? Или Сараста. Сам «Тезей», если на то пошло. Легко забыть, что в сердце корабля прячется квантовый ИскИн: он благоразумно держался в тени, лелеял нас, нес и пронизывал все наше существование, как ненавязчивый Господь Бог. И, подобно Богу, никогда не отвечал на наши молитвы.

Официальным посредником между нами был Сараста. Когда корабль подавал голос, он разговаривал с вампиром, а тот называл его Капитаном. Как и мы все.

* * *

Он дал нам четыре часа, чтобы прийти в себя. У меня ушло больше трех только на то, чтобы выбраться из склепа. К этому времени мозги уже размяли большую часть синапсов, хотя тело, все еще поглощавшее жидкость, точно пересохла губка, болело, не переставая. Я заменил опустевшие пакеты с физраствором на новые и двинулся на корму.

Пятнадцать минут до раскрутки, пятьдесят – до первого инструктажа после воскрешения. Тем, кто предпочитал спать в объятиях тяготения, как раз хватило времени, чтобы пере-

⁶ А. е. – астрономическая единица; мера расстояний, равная большой полуоси земной орбиты (приблизительно 149,6 млн км).

⁷ В 1960 году физик Роберт Бассард предложил концепцию ракетного двигателя, который работает на водороде и пыли, извлекаемых космическим кораблем, идущим на высокой скорости, из межзвездной среды (*прим. ред.*).

тащить личные вещи в вертушку и занять 4,4 квадратных метра, отведенных на одного члена экипажа.

Меня тяготение – или его центробежный эрзац – не привлекало. Я свое пристанище разбил в невесомости, как можно дальше к корме, у передней стенки челночного ангара по правому борту. Палатка гнойником вздулась на хребте «Тезея» – крошечный пузырек кондиционированного воздуха в темной пещере пустоты под панцирем корабля. Личных вещей у меня почти не было; чтобы налепить их на стенку, ушло ровным счетом полминуты и столько же – на программирование климат-блока.

Затем я отправился на прогулку: после пяти лет анабиоза хотелось размяться.

Ближе всего находилась корма, и я начал оттуда – с экрана, защищавшего грузовой отсек от двигательного. Точно по центру кормовой переборки бугром торчал единственный задраенный люк. За ним, мимо устройств, которые не стоило трогать грубыми людскими руками, вился служебный тоннель. Там лежал жирный сверхпроводящий бублик Бассардова кольца; следом тянулись лепестки антенн, развернутые в нерушимый мыльный пузырь, способный накрыть целый город. Его центр был направлен к Солнцу, улавливая слабый квантовый блеск от потока антиматерии с «Икара». За ним – еще один радиационный щит и реактор теленигиляции, где из сырого водорода и рафинированной информации волшебным образом рождалось пламя в триста раз жарче солнечного. Я, конечно, знал заклинания – крекинг антивещества, деконструкция, телепортация квантовых чисел. Но для меня наш стремительный полет оставался волшебством. Для любого остался бы. Кроме, может быть, Сарасты.

Вокруг та же магия трудилась при менее высоких температурах и для целей не столь неуловимых. Переборку усеивало множество люков и дозаторов. В некоторые не пролез бы и мой кулак, в один-два меня удалось бы пропихнуть целиком. Фабрикаторы «Тезея» могли воспроизвести что угодно – от ложки до рубки управления. Если дать им достаточный запас сырой материи, они могли бы построить второй корабль, правда, по кусочкам и далеко не сразу. Кое-кто интересовался, не способны ли они и новый экипаж построить, хотя нас уверяли, что такое невозможно. Даже у машин-сборщиков не настолько ловкие пальцы, чтобы воспроизвести несколько триллионов синапсов человеческого мозга. Пока – не настолько.

Я в это верил. Нас не стали бы перевозить в собранном состоянии, если бы существовала менее дорогостоящая альтернатива.

Я обернулся. Прислонившись спиной к запертому люку, просматривал «Тезей» насквозь, до самого носа. Все равно, что глядеть на огромную текстурированную черно-белую мишень: концентрические круги, люки в последовательно разделяющих внутренности корабля переборках, точно на одной линии, до крошечного «яблочка» в тридцати метрах впереди. Все распахнуто в равнодушном пренебрежении к правилам техники безопасности предыдущих поколений. Ради собственного спокойствия мы могли их закрыть, но эффект был бы сугубо психологическим: наши шансы на выживание это не повысило бы ни на гран. В случае аварии люки захлопнулись бы на несколько миллисекунд раньше, чем человеческий мозг осознал бы сигнал тревоги. Ими управлял даже не центральный компьютер, а безусловные рефлексy «Тезея».

Я оттолкнулся от кормовой переборки – поморщился от хруста и боли в отвыкших от движения сухожилиях – и поплыл вперед, оставив фаб за спиной. Проход стискивали шлюзовые камеры, ведущие к челнокам, «Сцилле» и «Харибде»; за ними хребет корабля расширился в телескопическую рифленую трубу диаметром в два метра и длиной около пятнадцати. Вдоль нее тянулись лестницы, одна напротив другой, а по сторонам пунктиром выпирали крышки люков. Большинство из них вели в пустой трюм, один-два были универсальными шлюзами на случай, если кому-то придет в голову прогуляться под панцирем. Один открывался в мою палатку, другой, в четырех метрах дальше к носу, – в палатку Бейтс. Из третьего, у самой носовой переборки, выползал Юкка Сарасты, похожий на тощего белого паука. Будь он человеком,

я бы мгновенно осознал, кто передо мной: от его топологии несло убийством. Но я не смог бы оценить число его жертв, ведь раскаяние в числе реакций этого существа отсутствовало. Убийство сотни людей оставило бы на его поведении не больше следа, чем раздавленный таракан; вина скатывалась с твари бусинками, как вода по воску. Только Сараста принадлежал к совершенно другой породе, не человеческой, и исходявшие от него смертоубийственные импульсы значили всего-навсего, что он – хищник. Он был прирожденным человекоубийцей: поддавался ли вампир когда-либо своей природной склонности, знал только он сам. А еще ЦУП.

«Может, тебе дадут поблажку, – промолчал я. – Может, это лишь цена сотрудничества. В конце концов, без тебя миссия не состоится. Почему мне знать, может, ты договорился. Ты ведь настолько умен, что понимаешь: мы не подняли бы тебя из мертвых, если бы ты не был нам так нужен. С той минуты, когда тебя вытащили из чана, ты знал, что сила на твоей стороне. Какой у тебя с ними договор, Юкка? Ты спасешь мир, а парни, держащие тебя на поводке, на какое-то время отвернутся?»

В детстве я читал, что хищники в джунглях «замораживают» жертву взглядом, но только повстречав Сарасту, понял, каково это. Правда, сейчас он на меня не смотрел, а устанавливал свою палатку и даже если бы повернулся в мою сторону, я увидел бы лишь темные очки на пол-лица, которые Юкка носил из вежливости, чтобы не пугать хомосапиенсов. Я протиснулся мимо него. Вампир не обратил на это внимания.

Я был готов поклясться, что у него изо рта несет сырым мясом!

Дальше – вертушка (технически даже две, потому что обод медотсека вращался на собственных опорах). Я пролетел сквозь центр цилиндра диаметром в шестнадцать метров. Вдоль оси проходил спинной мозг «Тезея», а вдоль лестниц по сторонам выпирали трубопроводы и плексиглас. Чуть дальше, в закутках на противоположных сторонах мира, бугрились палатки Шпинделя и Джеймса. Сам Исаак болтался в воздухе за моим плечом, голый, если не считать перчаток. По движениям его пальцев я мог прочесть, что любимый цвет биолога – зеленый. Он зацепился за одну из трех лестниц в никуда, расположенных по окружности вертушки: по крутым узким ступеням можно было подняться на пять метров от палубы – и там застрять.

Следующий люк зиял точно в центре передней стенки барабана; трубы и провода проходили через переборку. Я уцепился за подвернувшуюся скобу, чтобы сбросить скорость, – снова стиснул зубы от боли – и проплыл через него.

Т-образный перекресток. Главный коридор шел дальше, но от него отходил короткий дивертикул к ВКД-от-секу⁸ и переднему шлюзу. Я не свернул. Впереди сверкала гробница, зеркально-светлая, меньше двух метров в высоту. По левую руку зияли опустевшие саркофаги, по правую теснились занятые (мы были так незаменимы, что каждому полагалась записка). Дублеры безмятежно спали. С тремя я встречался на тренировках. Будем надеяться, что возобновить знакомство ни с кем не придется. Однако по правому борту – всего четыре капсулы. Сараста замены нет...

Еще один люк, совсем маленький. Я протиснулся на мостик. Сумрачно; беззвучно плывут иконки, мозаика индикаторов итерирует отражениями в темном стекле. Не столько рубка, сколько кокпит, и притом тесный. Я выполз между двумя противоперегрузочными ложами; перед каждым – подковообразный пульт. На самом деле, никто не собирался ими пользоваться: «Тезей» превосходно управлял собой сам, а в нестандартной ситуации мы могли рулить кораблем через имплантаты; если не сработают они, то, скорее всего, мы сыграем в ящик. И все-таки, если другого варианта не останется, в случае астрономически малой вероятности неустрашаемые исследователи могут отсюда положить корабль на обратный курс, к дому.

Между приступками для ног инженеры втиснули последний люк и последний лаз – в смотровой блистер на носу «Тезея». Ссутулившись (суставы хрустели, жилы ныли), я протолк-

⁸ Отсеку с оборудованием для выхода в открытый космос и внекорабельной деятельности (ВКД) (прим. ред.).

нулся... в темноту. Снаружи блистер плотно сжатыми веками накрывали щитки-раковины. Слева от люка на сенсорной панели слабо светилась единственная иконка; из корабельного хребта через люк тянулись тонкие лучики, бессильными пальцами оглаживая вогнутую стену и окрашивая ее несчетными оттенками серого и сизого, по мере того как мои глаза приспособлялись к мраку. На задней стенке от легких дуновений ветерка колыхались крепежные ремни. От застоявшегося воздуха во рту сразу появился привкус смазки и металла. Пряжки еле слышно побрякивали на сквозняке, будто маленькие китайские колокольчики.

Я протянул руку и коснулся хрустала: внутреннего слоя из двух. Между ними шел теплый воздух, отсекая стужу. Но не до конца, так что пальцы мгновенно застыли. Снаружи – космос.

Может, на пути к нашей первоначальной цели «Тезей» обнаружил что-то такое, отчего с перепугу ломанулся за пределы Солнечной системы. Но, скорее всего, корабль летел не от чего-то, а к чему-то такому, о чем не было известно, когда мы умерли и попали на небеса. А в таком случае...

Я потянулся назад и коснулся панели. Почти ожидал, что ничего не случится; закрыть окна «Тезея» на замок было так же просто, как убрать логи связи подальше от посторонних глаз. Но купол передо мной растворился сразу – вначале трещина, затем полумесяц, потом выпученный глаз, чьи радиозащитные веки втянулись в корпус. Мои пальцы рефлекторно вцепились в комок ремней. Бездна распростерлась во все стороны, безжалостная и голая. Было не на что опереться, кроме металлического диска меньше четырех метров в диаметре.

Звезды повсюду. Столько звезд, что, хоть убей, я не мог понять, как они уместятся на небе, когда оно остается таким черным. Звезды и... ничего больше.

«А чего ты ожидал? – укорил я себя. – Корабль чужаков справа по курсу?»

Почему бы нет? Ведь мы зачем-то сюда прилетели.

По крайней мере, остальные члены экипажа. Они оставались критически важными для успеха миссии, где бы мы ни оказались. А вот синтез, как я теперь понял, находился в совсем ином положении. Моя полезность уменьшалась с расстоянием. Нас же занесло за половину светового года от дома.

* * *

Когда стемнеет, станут видны звезды.
*Ральф Уолдо Эмерсон*⁹

Где я был, когда на землю обрушились огни? Выходил из небесных врат, оплакивая отца, который, по его мнению, все еще был жив.

С тех пор как Хелен ушла под капюшон, минуло почти два месяца. Это по нашему счету два месяца. Она могла прожить день, а могла и лет десять: виртуальные боги, кроме всего прочего, настраивали часы субъективного времени. Возвращаться мать не собиралась. С мужем соизволяла встречаться только на условиях, равнозначных пощечине. Он не жаловался и навещал ее всякий раз, когда жена позволяла: дважды в неделю, потом раз в неделю, затем – раз в две недели. Их брак распадался с экспоненциальной обреченностью радиоактивного изотопа, и все же отец тянулся к Хелен и принимал ее условия.

В день, когда на Землю рухнули огни, я вместе с ним стоял у ложа матери. Случай особый – последний раз, когда мы могли увидеть ее во плоти. Два месяца ее тело, вместе с пятью сотнями другими новопоступившими в приют, лежало в приемной, доступное для обозрения родственникам. Конечно, контакт оставался иллюзией, как и должен был: тело не могло с нами

⁹ *Ральф Уолдо Эмерсон* – американский поэт и эссеист (1803–1882). Источник цитаты неизвестен (также приписывается Чарльзу Берду).

общаться, но мы все еще на него смотрели: плоть была теплой, а простыни – чистыми и глаженными. Из-под капюшона выглядывала нижняя челюсть Хелен, глаза и уши закрывал шлем. К ней можно было прикоснуться. Отец часто так и делал. Возможно, некая частичка ее сознания это ощущала.

Тем не менее, в конце концов, кому-нибудь придется захлопнуть гроб и сплавить останки: потребуется место для новоприбывших. Мы пришли, чтобы провести с матерью последний день. Джим еще раз взял жену за руку. С ней по-прежнему можно будет общаться – в ее мире и на ее условиях, – но к вечеру остов упакуют в хранилище, слишком эффективно утрамбованном, чтобы принимать посетителей из плоти и крови. Нас уверяли, что тело останется в целости: тренировка мышц электростимуляцией, регулярное питание и обогрев. Оболочка будет готова вернуться к работе, если рай вдруг пострадает в неподдающейся воображению катастрофе. Все обратимо, объясняли нам. Но восходящих стало так много, а никакие катакомбы не могут расширяться до бесконечности. Ходили слухи о расчленениях и усечении несущественных частей согласно алгоритму оптимальной упаковки. Вероятно, к следующему году от Хелен останется один торс, а еще через год – лишь отрубленная голова. А может, ее тело срежут до самого мозга прежде, чем мы выйдем из здания, да так и оставят ждать последнего технологического прорыва, который возвестит начало Великой цифровой перезаписи.

Слухи! Лично я не встречал никого, кто вернулся бы после восхождения. Хотя, кто захотел бы? Даже Люцифер покинул небеса, только когда его с них сбросили.

Папа, возможно, знал точно – он всегда был в курсе того, о чем большинству людей знать не положено, но никогда не болтал лишнего. Если отец и мог что-то рассказать, его откровенность, очевидно, не заставила бы Хелен передумать, а для Джима этого было достаточно.

Мы накинули капюшоны, служившие невключенным разовыми пропусками, и встретили маму в по-спартански обставленной гостиной, которую она придумала для наших встреч. Окон в ее мир не предусматривалось – ни намек на утопию, созданную ею для себя. Хелен даже не воспользовалась препрограммированными гостевыми средами с целью уменьшить неудобства гостей. Мы оказались в безликой бежевой сфере диаметров метров в пять. И никого, кроме нее. «Возможно, – подумал я, – в ее представлении такая обстановка не слишком отличается от утопии».

Отец улыбнулся.

– Хелен.

– Джим.

Она была на двадцать лет моложе оболочки, лежавшей на кровати, но от ее вида у меня все равно поползли мурашки по спине.

– Сири! И ты пришел!

Она всегда обращалась ко мне по имени. Не припомню, чтобы мать когда-нибудь называла меня сыном.

– Ты все так же счастлива здесь? – спросил отец.

– Невероятно. Как бы я хотела, чтобы ты присоединился к нам.

Джим улыбнулся.

– Кому-то надо поддерживать порядок.

– Ты же знаешь, мы не прощаемся, – возразила она. – Вы можете навещать меня, когда захотите.

– Только если ты сменишь обстановку.

Джим не просто шутил, а откровенно врал. Он пришел бы по зову Хелен, даже если бы идти пришлось босиком по битому стеклу.

– И Челси пусть приходит, – продолжала она. – Было бы здорово после стольких месяцев познакомиться с ней.

– Челси не придет, Хелен, – пробормотал я.

– Ну, да. Я знаю, вы общаетесь. Понимаю, у вас были особые отношения, но то, что вы разошлись, не значит, что она не...

– Ты же знаешь, она...

Я замолчал на полуслове. В голове родилась неприятная мысль: может, я действительно им не сказал?

– Сынок, – вполголоса промолвил Джим, – может, оставишь нас на минутку?

Я бы с радостью оставил их на всю жизнь. Поэтому вернулся обратно в палату, глядя на труп матери и слепого, парализованного отца, слыша, как тот забивает информационный поток соответствующими случаям банальностями. Пусть играют, завершат свою, так называемую связь, как сочтут нужным. Может, они хоть раз в жизни заставят себя быть честными друг с другом; хотя бы там, в ином мире, где все прочее – иллюзия. Может быть...

Смотреть на это мне в любом случае не хотелось. Но пришлось исполнить кое-какие формальности. Я последний раз сыграл роль в семейном спектакле и причастился привычной лжи. Мы пришли к согласию, что восход Хелен на Небеса по сути ничего не меняет, а потому никто не отклонялся от сценария и не пытался открыть другим правду. В конце концов, напомним себе сказать «до свиданья» вместо «прощай», мы распрощались с мамой. Я даже подавил рвотный рефлекс и обнял ее.

* * *

Когда мы вынырнули из темноты, в руке у Джима был ингалятор. Мы еще не миновали вестибюль, я вяло надеялся, что он сейчас швырнет пшикалку в мусорник, но отец поднес руку ко рту и вкатил себе дозу вазопрессина, чтобы избежать искушения.

Верность в баллончике!

– Он тебе больше не нужен, – сказал я.

– Пожалуй, – согласился отец.

– К тому же это все равно не сработает. Нельзя сконцентрироваться на том, кого нет рядом, сколько бы гормонов ты ни вынюхал. Просто...

Джим промолчал. Мы прошли мимо охранников, высматривавших реалистов-инфилтраторов.

– Ее больше нет, – выпалил я. – Ей все равно, даже если ты найдешь себе кого-то. Она даже будет счастлива.

Хелен сможет делать вид, что баланс восстановлен.

– Она моя жена, – ответил Джим.

– Эти слова потеряли смысл. Да и никогда его не имели.

Отец слабо улыбнулся.

– Мы говорим о моей жизни, сынок. Меня она устраивает.

– Папа...

– Я не виню ее, – проговорил он. – И ты не вини.

Ему легко говорить. Легко даже принять боль, которую она причиняла ему все эти годы. Жизнерадостная маска не заслоняла бесконечных желчных упреков, которые отец сносил, сколько я себя помню. Думаешь, это легко, когда ты исчезаешь на целые месяцы? Легко гадать, с кем ты, где и жив ли вообще? Думаешь, легко растить одной такого ребенка?

Она винила отца во всем, а он безропотно сносил ее выходки, потому что понимал: все – ложь. Знал, что его отсутствие было лишь предлогом. Мать ушла не из-за его измены или постоянных отлучек, решение было вообще с ним не связано. Дело во мне: Хелен покинула мир, потому что больше не могла смотреть на существо, заменившее ее сына.

Я бы продолжил спор и попытался еще раз уговорить отца понять, но к этой секунде мы миновали врата Небес и вышли на улицы чистилища. А там прохожие, раскрыв рты, пялились

на небо и изумленно бормотали. Вслед за ними я тоже поднял глаза к полоске нагих сумерек между вершинами небоскребов – и подавился словами...

Звезды падали! Зодиак перекрыла ровная сетка пламенных точек с сияющими хвостами. Будто всю планету поймали в частую сеть, чьи узлы сверкали огнями Святого Эльма. Это было прекрасно. И жутко.

Я отвел глаза, чтобы перенастроить зрение и дать обнаглевшей галлюцинации шанс вежливо согнуться, прежде чем переключу свой опытный взгляд на дальний свет. В ту минуту я заметил вампира, женщину: она шла среди нас, как архетипический волк в овечьей шкуре. На улицу их практически не выпускали, и до сих пор мне не приходилось сталкиваться с ними во плоти.

Вампирша вышла из здания напротив. Она была выше всех на голову, а ее желтые глаза, как у кошки, светились в сгущающихся сумерках. Я наблюдал, как она замечает – что-то не так. Оглянувшись, посмотрела в небо и двинулась своей дорогой, безразличная к суеде добычи вокруг, заворожившему земной скот небесному знамению. Безразличная к тому, что мир в эту самую минуту вывернуло наизнанку.

Было 10.35 по Гринвичу, 13 февраля 2082 года.

* * *

Они стиснули планету, как пальцы огромной руки, черные, словно изнанка горизонта событий, – до последней секунды, когда все вспыхнуло разом. Горело и визжало. Все радиоприемники ниже геостационарной орбиты застонали в унисон, а инфракрасные телескопы скрутила снежная слепота. Пепел на недели замарал небеса; мезосферные облака высоко над конденсационными следами самолетов каждый рассвет сияли ржавью. Судя по всему, объекты, в основном, состояли из железа. Что это может означать, не понимал никто.

Наверное, впервые за свою историю мир узнал о случившемся прежде, чем ему сообщили: если ты видел небо, то причастился сенсации. Эксперты по важности новостей, лишённые привычной возможности фильтровать реальность, поневоле удовлетворились тем, что дали сенсации имя. Чтобы сговориться на светлячках, потребовалось девяносто минут. Полчаса спустя в ноосфере появились первые трансформанты Фурье ¹⁰, и никто не удивился, когда оказалось, что светлячки потратили последний вздох не на белый шум. В их предсмертном хоре был заложен паттерн, загадочный шифр, противостоявший любым попыткам анализа. Неукоснительно прагматичные эксперты гадать отказывались: признали лишь, что светлячки передали куда-то какую-то информацию. Но какую именно, они не знали.

Зато догадывались все остальные. Как еще объяснить 65 536 зондов, равномерно распределенных по долготам и широтам, не оставивших без покрытия ни одного квадратного метра планетной поверхности? Очевидно, светлячки нас сфотографировали. Мир застучали со спущенными штанами на сложносоставном панорамном стоп-кадре. Нас изучили – в качестве прелюдии то ли к официальному знакомству, то ли к военному вторжению. Точно никто сказать не мог.

Отец, скорее всего, был знаком с людьми, которые знали что-то наверняка. Но к тому времени он давно исчез, как это с ним всегда случалось в смутные времена. Располагал информацией Джим или нет, мне оставалось искать ответы вместе со всем человечеством.

Версий было хоть отбавляй. Ноосфера бурлила от самых разных сценариев в диапазоне от утопических до апокалиптических. Светлячки засеяли область струйного течения смерто-

¹⁰ Здесь и далее под трансформантами Фурье понимаются результаты обработки сигналов с помощью преобразований Фурье, в результате которых выясняется, что в сигналах есть определенная последовательность и связность, а значит, информация.

носной чумой. Светлячки вышли полюбоваться природой. «Икар» перенастраивают, чтобы показать пришельцам, каково соваться к нам без спроса. «Икар» уже уничтожили. У нас есть десятки лет, чтобы принять решение; даже пришельцы из другой системы не в силах пробить световой барьер. Нам осталось жить несколько дней; боевые биокорабли уже миновали пояс астероидов и через неделю дезинфицируют всю планету.

Как и все, я наблюдал за говорящими головами и слушал панические вопли. Шлялся по болтосайтам, пропитывался чужими мнениями, но ничего нового не слышал. Я всю жизнь провел в роли некоего пришельца-этнолога: наблюдал, как ведет себя мир, по крупицам собирал протоколы и схемы поведения, законы и правила, которые позволили бы мне просочиться в людское сообщество. Раньше у меня все получалось, но присутствие настоящих инопланетян добавило в уравнение новое неизвестное. Простое наблюдение больше не удовлетворяло меня, как будто из-за появления внешней группы я волей-неволей слился с родным таксоном. Моя отстраненность от мира внезапно показалась натужной и капельку нелепой.

Правда, способа преодолеть ее я так и не нашел, хоть убей.

Челси всегда говорила, что телеприсутствие выхолостило человеческие взаимоотношения. «Говорят, никакой разницы, – как-то заявила она мне. – Все равно, что собраться семьей, в тесном кругу, когда все друг друга видят, толпятся и пахнут. Ан нет! Они – лишь тени на стене пещеры. Само собой, интерактивные, трехмерные, цветные и с силовой обратной связью. Им под силу обмануть цивилизованный рассудок, но нутром ты чувствуешь, что это не люди, хотя понять, с чего ты так решил, естественно, не можешь. Не воспринимаются они как настоящие. Понимаешь, что я хочу сказать?»

Я не понимал. В те дни я представления не имел, о чем она говорит. Но теперь мы все снова превратились в троглодитов, прячущихся под скалой: молния раскалывает небеса, а огромные бесформенные чудовища, чьи тени едва уловимы в стробоскопическом мелькании зарниц, режут и мечутся вокруг. Одиночество перестало приносить утешение, интерактивность тоже не помогала. Был нужен кто-то настоящий, кто-то, в кого можно вцепиться, с кем разделить пространство, страх, надежду и неуверенность.

Я представил рядом товарищей, которые не исчезают, если выйти из сети. Но Челси больше не было, и Пага. Те немногие, кому я мог позвонить, – коллеги и бывшие клиенты, с которыми я особенно убедительно поддерживал видимость взаимопонимания, – не стоили усилий. Плоть и кровь по-своему соотносятся с реальностью: они необходимы, но не достаточны.

Пока я отстраненно смотрел на мир, меня озарило: я совершенно точно знал, что имела в виду Челси со своим луддитским бредом о разбавленном человечестве и бесцветных связях в виртуальном пространстве. Все время знал! Просто не видел никакой разницы по сравнению с реальностью.

* * *

Представь себе, что ты – машина.

Да, я все понимаю. Но представь, что ты – не биологическая машина, а построенная из металла и пластика, спроектированная не случайным естественным отбором, а инженерами и астрофизиками, ни на миг не упускающими из виду конечную цель. И что твоя задача – не воспроизводиться и даже не выжить, а собирать информацию.

Я с легкостью могу себе такое представить. Это намного проще, чем те имитации, которые мне приходится играть ежедневно.

Я плыву сквозь бездну за орбитой Нептуна и для любого наблюдателя в видимой области спектра существую как небытие: асимметричная тень, заслоняющая звезды. Лишь временами в бесконечном вращении я сверкаю тускло отраженным светом. Если ты застанешь меня в этот миг, тебе, вероятно, удастся отчасти распознать мою истинную природу: сегментирован-

ное создание в шкуре из фольги, ошетилившееся суставами, плоскостями и остриями антенн. Тут и там сочленений и швов коснулась легкая изморозь – застывшие клочья газа, скопившиеся, быть может, в окрестностях Юпитера. Повсюду микроскопические трупы земных бактерий, с беспечной страстью процветавших на броне орбитальных станций или плодоносной лунной поверхности, но обратившихся в лёд на расстоянии от Солнца, вполтину меньшем моего нынешнего. Сейчас, на вздохе от абсолютного нуля, они могут рассыпаться от прикосновения единственного фотона.

Но сердце у меня теплое. В груди пылает крошечный ядерный пожар, даря неуязвимость от внешнего холода. Если не случится несчастья, огонь не погаснет еще тысячу лет, и я буду прислушиваться к слабым голосам из ЦУПа и следовать их указаниям. До сей поры они приказывали лишь изучать кометы. Все полученные мною инструкции содержат четкие и недвусмысленные уточнения этой основополагающей цели моего существования.

Вот почему последние директивы настолько сбивают с толку. Я не нахожу в них смысла. Неверная частота, неправильная мощность сигнала. Я не могу распознать даже протоколы установления связи. Запрашиваю разъяснения, а в ответ тысячу минут спустя приходит невероятная смесь приказов и запросов. Я отвечаю, как могу: вот направление, на котором мощность сигнала была максимальной. Нет, это не стандартный азимут ЦУПа. Да, могу воспроизвести; вот так как было. Да, перехожу в режим ожидания.

Жду дальнейших указаний. Они приходят 839 минут спустя и, согласно им, я должен немедленно прекратить изучение комет и войти в управляемую прецессию с периодом в 94 секунды, меняя направление основных антенн с шагом в 5 минут по всем трем осям. Уловив любые данные, сходные с теми, что прежде так сильно меня озадачили, я обязан сориентироваться по азимуту максимальной мощности передачи, вычислить набор параметров, а также ретранслировать ее в ЦУП.

Повинуюсь. Долгое время не слышу ничего, но я бесконечно терпелив и не способен на скуку. В конце концов, афферентных решеток касается мимолетный знакомый сигнал. Возвращаясь, отслеживаю источник, для описания которого у меня есть все необходимое. Транснептунианская комета в поясе Койпера около 200 км в диаметре. С периодом в 4,57 секунды она обводит небосвод направленным радиолучом на волне 21 см. Тот ни в одной точке не пересекается с координатами ЦУПа и направлен, судя по всему, на другую цель.

Земля необычно долго молчит. Когда ответ приходит, от меня требуют изменить курс. Центр сообщает, что отныне моя цель – комета Бернса-Колфилда. Учитывая текущий вектор импульса и запасы топлива, я достигну ее не раньше, чем через тридцать девять лет.

Во время полета ни на что другое отвлекаться нельзя.

* * *

Я работал в Университете Курцвейла ¹¹ – связным в расколотовой группе самых передовых ученых, убежденных, что они находятся на грани разрешения квантово-глюального парадокса. Исследователи в области искусственного интеллекта не один десяток лет бились лбами об эту стену; эксперты обещали, что, когда ее пробьют, до первой загрузки личности останется полтора года и не больше двух – до первой надежной эмуляции человеческого сознания в программной среде. Решение этой задачи возвестит конец плотской истории и выведет на сцену Сингулярность, нетерпеливо переминающуюся за кулисами без малого полвека.

Через два месяца после Огнепада институт разорвал контракт.

¹¹ Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель (в частности, создал первые системы распознавания текста и синтеза речи), философ, видный деятель движения трансгуманистов. Его именем назван Университет сингулярности, созданный в 2009 году, сооснователями которого стали НАСА и «Гугл».

Я, признаться, был удивлен, что они столько тянули. Мгновенная смена приоритетов и головокружительные перемены в попытке вернуть утраченную инициативу дорого нам обошлись. Даже новая постдефицитная экономика не могла выдержать такого катастрофического перелома, не скатившись к банкротству. Станции в глубоком космосе, долгое время считавшиеся защищенными благодаря своей удаленности, внезапно стали уязвимы по той же причине. Обиталища в точках Лагранжа пришлось переоснащать для обороны от неведомого врага. Грузовые корабли снимали с Марсианской петли, вооружали и командировали на новые посты: одни прикрывали плацдарм около Марса, другие отправились к Солнцу для охраны «Икара».

Неважно, что светлячки не произвели по этим мишеням ни одного выстрела. Мы просто не могли позволить себе рисковать.

Естественно, все человечество оказалось в одной лодке, в отчаянии готовое любыми средствами вернуть гипотетическое превосходство. Короли и гендиректора строчили долговые расписки на салфетках и обещали расплатиться сполна, когда вопли уймутся. Тем временем на перспективу утопии из ближайшего будущего надвинулась тень Армагеддона. В Университете Курцвейла, как у всех, внезапно обнаружились другие срочные проблемы.

Так что я вернулся домой, откупорил пузырь «Гленфиддича» и лепестками расположил в голове виртуальные окошки. Люди на иконках спорили со всех сторон, обсуждая объедки, чей срок годности вышел две недели назад.

Позорный крах глобальной системы безопасности.

Нам не причинили никакого вреда.

Спутники связи уничтожены. Тысячи погибших.

Это были случайные столкновения. И непреднамеренные жертвы.

(Кто их послал?)

Мы должны были их засечь. Почему мы...

Дальний космос. Закон обратных квадратов. Считай сам.

Они замаскировались!

(Что им нужно?)

Нас изнасиловали!

Господи Иисусе! Просто сфотографировали.

Почему они молчат?

Луна в порядке. Марс в порядке.

(Где они?)

Почему они не пошли на контакт?

О'Нилы ¹² не пострадали.

Технология подразумевает агрессию!

(Они вернутся?)

Нас никто не атаковал.

Пока.

Это не вторжение.

Еще нет.

(Но где они?)

(Они вернутся?)

(Эй, кто-нибудь?)

Джим Мур,

голосовой вызов с шифрованием

{Принять?}

Окошко расцвело под самым моим носом, заслонив спор. Я дважды прочел текст. Попытался вспомнить, когда отец звонил с выезда в последний раз, и не смог.

Остальные окна заглушил.

– Папа?

– Сынок, – отозвался он, промедлив. – Ты как?

– Как все. Никак не решим, праздновать или в штаны наложить.

Отец ответил не сразу.

– Да, вопрос серьезный, – сказал он, наконец.

– Дать мне совет ты, конечно, не можешь? Нас, простецов, держат в неведении.

Вопрос был риторический. Чтобы подтвердить это, отцовского молчания не требовалось.

– Знаю, – добавил я секунду спустя. – Просто ходят слухи, что «Икар» рухнул, и...

– Ты знаешь, что я не... – Джим умолк. – Чушь собачья. «Икар» в порядке.

– Правда?

Отец, казалось, взвешивал каждое слово.

– Светлячки, скорее всего, его даже не заметили. Когда станция не работает, следового излучения нет, а в блеске короны ее не разглядеть. Если только не знаешь, где искать.

Пришла моя очередь умолкнуть: этот разговор внезапно начал действовать мне на нервы.

Когда отец уходил на задание, он не звонил домой. А когда он возвращался с задания, никогда ни о чем не рассказывал. Неважно, работает «Икар» или его разнесло в клочья, швырнув на Солнце тысячей километров рваных origami. Так или иначе, отец не сказал бы ни слова, если только не появилось бы официального заявления. Чего – я на всякий случай обновил справочное окошко – еще не случилось.

К тому же хоть отец всегда был немногословен, прежде частых нерешительных пауз я за ним не замечал, а в нынешнем разговоре он медлил перед каждой репликой.

¹² В данном случае О'Нилами называются орбитальные станции, созданные по проекту Джерарда О'Нила (тип «полый вращающийся цилиндр»).

Я чуть поддернул леску:

– Но корабли туда отправили.

И начал считать. Тысяча-раз, тысяча-два...

– Обычная предосторожность. «Икару» давно требовался осмотр. Ты же не станешь врубать машину на полную, не попилав хотя бы шины для порядка?

Чуть меньше трех секунд на ответ!

– Ты на Луне. Пауза.

– Почти.

– Что ты... пап! Зачем ты мне все рассказываешь? Разве это не нарушение секретности?

– Тебе позвонят, – сообщил он.

– Кто? Зачем?

– Собирают команду. Из... людей, с которыми ты имеешь дело, – отец слишком рационален, чтобы оспаривать достижения реконструктов и гибридов, но никогда не скрывал своего недоверия к ним. – Им нужен синтез.

– Как удачно, что в твоей родне затесался один. Радио играет в пинг-понг.

– Это не кумовство, Сири. Я очень хотел, чтобы они выбрали другого.

– Спасибо за дове...

Но он все сразу понял и предугадал мои слова, прежде чем они преодолели разделявшее нас расстояние.

– Я не ставлю под сомнение твои способности, и ты это знаешь. Просто ты – самый подходящий исполнитель для жизненно важного задания.

– Тогда поче... – начал я и осекся.

От работы в какой-нибудь теорлабе западного полушария отец не стал бы меня удерживать.

– К делу, пап.

– Светлячки. Мы кое-что нашли.

– Что?

– Радиосигнал. Пояс Койпера. Мы отследили координаты.

– Они заговорили?

– Не с нами, – он откашлялся. – Нам просто повезло, что мы перехватили их передачу.

– Тогда с кем?

– Мы не знаем.

– Сообщение дружеское? Враждебное?

– Сынок, мы не знаем. Система шифрования вроде бы та же, но даже в этом мы не уверены. У нас есть лишь местоположение.

– И вы посылаете команду.

Посылаете меня... Прежде люди никогда не долетали до пояса Койпера. Последние роботы отправились туда десятки лет назад. Не то чтобы у нас не было технической возможности – пропало желание. Все, в чем нуждалось человечество, можно найти ближе к дому. Эпоха межпланетных перелетов запнулась на поясе астероидов.

Но теперь что-то затаилось на границе нашей лужайки и взывало к бездне. Может, говорило с другой звездной системой? А может, с чем-то поближе, на подлете.

– Мы не можем игнорировать подобную ситуацию, – заключил отец.

– Как насчет зондов?

– Разумеется. Но мы не можем ждать от них ответа. Экспедиция пойдет по их следам, обновления будет получать по пути.

Он дал мне несколько секунд, чтобы переварить информацию, и продолжил:

– Ты должен понять. По нашим предположениям, Бернс-Колфилд не знает, что мы его засекли. На данный момент это наше единственное преимущество. Мы надо извлечь как можно больше из этой возможности.

Но комета Бернса-Колфилда скрывалась от нас. Ей может не понравиться принудительное знакомство.

– Что, если я откажусь?

Задержка с ответом, кажется, говорила вообще о Марсе.

– Я тебя знаю, сынок. Ты не откажешься.

– А если? Если я лучший кандидат и задача так важна...

Ему не надо было отвечать, а мне не стоило спрашивать. При таких ставках люди, критически важные для миссии, лишаются права выбора. У меня не будет возможности даже с детской мелочностью задержать дыхание и выйти из песочницы: воля к сопротивлению – дело столь же механическое, как и необходимость дышать. С подходящими нейрехимическими отмычками можно подавить и то и другое.

– Это вы разорвали мой контракт с институтом, – сообразил я.

– Это самое малое из того, что мы сделали. Какое-то время говорил лишь разделяющий нас вакуум.

– Если бы я мог вернуться в прошлое и исправить то... что сделало тебя таким... – признался отец, сделав паузу, – я бы так и сделал. Не раздумывая.

– Ага.

– Мне пора. Просто не хотел держать тебя в неведении.

– Спасибо.

– Я люблю тебя, сынок.

«Где ты? Домой-то успеешь вернуться?»

– Спасибо, – повторил я. – Приятно слышать.

* * *

Вот чего мой отец изменить не мог. Того, кто я есть.

Я – мост между передним краем технологии и неподвижным центром, я стою между волшебником Изумрудного города и фокусником из Канзаса, который спрятался за занавесом. Я и есть этот занавес.

Такие, как я, появились давно. Наши корни у истоков цивилизации, но мои предшественники исполняли иную, менее почетную роль. Они лишь смазывали колеса общественной стабильности: подслащали горькие истины, ради политических выгод растили воображаемых чудовищ. По-своему они были незаменимы. Даже вооруженное до зубов полицейское государство не может постоянно использовать грубую силу против каждого из своих подданных. Меметический контроль тоньше: подкрашенное розовым отражение реальности, данной нам в ощущениях, и заразный страх перед угрожающими альтернативами. Всегда существовали те, кому доверено преобразовывать информационную конфигурацию, но на протяжении большей части истории никто не имел дела с ее упрощением.

С приходом нового тысячелетия все изменилось. Мы превзошли самих себя, ступили на территории за пределами человеческого понимания. Порой даже в обычном пространстве ландшафт оказывался настолько прихотлив, что наш рассудок просто не мог его охватить. Иногда сами координаты уходили в измерения, непредставимые для мозгов, приспособленных драться и спариваться в допотопной саванне. Слишком многое ограничивает нас со всех сторон. Самые устойчивые философские основы бескорыстия рушатся под натиском грубых эгоистических императивов спинного мозга. Изящные и стройные уравнения предсказывают

поведение квантового мира, но не помогают его объяснить. За четыре тысячи лет мы даже не смогли доказать себе, что реальность существует вне наблюдателя.

Мы слишком нуждаемся в интеллекте, превосходящем наш собственный, но не очень хорошо умеем его создавать. Насильственное скрещивание разума и электронов оказывается удачным и провальным с одинаково впечатляющими результатами. Наши гибриды становятся похожими на гениальных аутистов. Мы насаживаем плоть на протезы, заставляем перегруженные моторные извилины жонглировать мускулами и механизмами, а когда пальцы подергиваются и язык заплетается, качаем головой. Компьютеры загружают своих отпрысков, множатся, обретают мудрость столь непредставимую, что их отчеты несут явную печать маразма – едва разумным тварям, оставшимся позади, они кажутся рассеянными и бессмысленными.

И когда ваши собственные творения, что намного вас превосходят, находят нужные ответы, вы не в силах понять их выкладки и не можете проверить решения. Приходится принимать слова на веру. Или воспользоваться теорией информации, сплющить полученные выводы, сделать из тессеракта двухмерную игрушку, а бутылку Клейна представить в простом 3Д – одним словом, упростить реальность. Попутно лучше помолиться богам, пережившим второе тысячелетие, ведь искажая истину, пусть и с самыми лучшими намерениями, можно попутно снести пару несущих стен, на которых держалась вся теория. Приходится нанимать таких, как я: гибридных потомков профайлеров, технических редакторов и спецов по теории информации.

В официальной обстановке нас называют синтетами, на улице кличут жаргонавтами или «попугаями». Мудрецы, чьи кровью политые открытия лоботомируют и холостят ради могущественных невежд, заинтересованных исключительно в рыночной прибыли, могут обозвать кротом или шапероном¹³. Исаак Шпиндель нарек меня «комиссаром», и пусть подколка была дружелюбной, в каждой шутке есть доля истины.

Мне так и не удалось убедить себя, что мы, люди, сделали правильный выбор. Я даже во сне могу перечислить стандартный набор оправданий, бесконечно долдонить о ротационной топологии информации и неуместности семантического понимания. Но когда все слова сказаны, остаюсь один на один со своей неуверенностью. И не знаю никого, кто бы от нее избавился. Может, все наши старания – афера, в которой заодно и мошенники, и их жертвы? Мы не готовы признать, что наши собственные творения нас превзошли: пускай они говорят на неведомых языках, но наши жрецы умеют толковать знаки. Боги высекают алгоритмы на горных склонах, зато скрижали народу приношу я, маленький, жалкий и совсем нестрашный.

Возможно, сингулярность случилась много лет назад. Мы просто боимся признать, что отстали.

* * *

...Ведь всякие звери приходят сюда,

И демоны изредка тоже.

*Иэн Андерсон. Поднимается сом*¹⁴

Нас назвали «третьей волной». Загнали в одну лодку и отправили в бесконечную тьму – спасибо передовому прототипу корабля, который спустили с симуляторов, опередив график

¹³ Судя по прозвищам, «мудрецы» признают пользу синтетов, так как в случае шаперонов имеются в виду белки-шапероны, одна из функций которых восстановление правильной третичной или четвертичной структуры белка, а некоторые шапероны участвуют в процессе правильного сворачивания белка при увеличении температуры.

¹⁴ *Иэн Андерсон* (р. 1947) – солист и руководитель британской рок-группы «Jethro Tull». В качестве цитаты вынесены слова из песни «Occasional demons» (альбом «Catfish Rising», 1991).

на целых восемнадцать месяцев. В другой экономике, не столь обьятой страхом, такое насилие над расписанием разорило бы четыре страны и пятнадцать мультикорпораций.

Первые две волны спустили на воду еще более поспешно. О том, что случилось с ними, я узнал за полчаса до инструктажа, когда Сараста сбросил телеметрию в КонСенсус. Я полностью раскрылся, и данные хлынули в имплантаты, расплескались по теменным долям коры сверкающим потоком сверхплотной информации. Даже сейчас я помню данные так же ясно, как в тот день, когда их записали.

Я там. И я – это они.

Я – «пушичное мясо», беспилотник, одновременно улучшенный и ободранный до костей, теленигиляциянный реактор с камерами, привинченными к носу; выдаю ускорение, которое размазало бы плоть в студень. Я радостно мчусь во тьму, а мой стереоскопический брат-близнец несется в сотне километров по правому борту. Двойные реактивные струи пионов разгоняют нас до субсветовой прежде, чем бедный старый «Тезей» доковылял до марсианской орбиты.

Но когда за кормой уже шесть миллиардов километров, ЦУП перекрывает кран и мы летим по инерции. Комета растет в объективах – замороженная загадка, расчерчивающая небо направленным сигналом, как прожекторным лучом. Мы наводим на нее рудиментарные органы чувств и разглядываем в излучении на тысяче частот.

Мы жили ради этой секунды.

Мы видим беспорядочные колебания, которые говорят о недавних столкновениях. Видим ирамы – гладкие ледяные просторы там, где прыщавая шкура расплавилась и замерзла вновь совсем недавно, бессильное солнце за нашими спинами в таком преступлении не обвинить.

Мы видим невозможное: комету с ядром из чистого железа.

Плывем мимо, а комета Бернса-Колфилда поет. Не для нас; она игнорирует наш пролет, как игнорировала приближение. Поет для кого-то другого. Возможно, когда-нибудь мы встретим ее слушателей. Вероятно, они ждут впереди, в бесплодной пустыне пространства. ЦУП переворачивает нас вверх ногами, заставляет держать камеру на цели даже тогда, когда любые возможности захвата потеряны. Шлет отчаянные указания, пытается выжать из наших гаснущих сигналов, из помех последние биты информации. Я чувствую его разочарование, Земля не хочет нас отпускать; пару раз даже спрашивает, не позволит ли тщательно отмеренный тормозной импульс задержаться еще ненадолго.

Торможение – для сосунков, мы направляемся к звездам. Пока, Бернси... Чао, ЦУП! Прощай, Солнце. Свидимся при тепловой смерти.

* * *

К цели мы приближаемся с опаской.

Нас трое во второй волне, и мы не спешим, как наши предшественники, но все равно летим гораздо быстрее механизмов, скованных грузом плоти. Нас сдерживает груз, дарующий виртуальное всеведение: мы зрим на всех длинах волн, от радио до вибрации субатомных струн. Автономные микрозонды готовы измерить все, что предусмотрели хозяева, а крошечные бортовые сборщики способны лепить инструменты атом за атомом, чтобы уловить непредусмотренное. Атомы, собранные по дороге, соединяются с ионами, догоняющими нас из точки старта: в чреве каждого из нас копятя топливо и снаряжение.

Лишняя тяжесть задерживает, но еще большие замедляют маневры торможения на полпути. Вторую половину странствия мы неустанно боремся с инерцией, накопившейся с начала полета. Не самый эффективный способ путешествовать. В менее отчаянной ситуации мы сразу набрали бы оптимальную скорость и, вероятно, подтолкнули бы себя, обернувшись вокруг подвернувшейся планеты; большую часть пути продрейфовали бы. Но время

поджигает, поэтому идем под тягой всю дорогу. Нужно достичь цели, мы не можем позволить себе ее миновать и решиться на самоубийственное мотовство первой волны. Они лишь набросали контуры ландшафта, а нам нужно заснять все до мелочей.

Приходится вести себя ответственно.

Теперь, выходя на орбиту, мы видим все, что рассмотрели они, и даже более: ледяные струнья и невозможное железное ядро. Еще мы слышим песнь и под мерзлой коркой кометы распознаем формы: архитектуру, прорастающую сквозь геологию. Мы слишком далеко, чтобы прищуриться, а радар подслеповат, мелких деталей не видит. Но мы умные, и нас трое, разделенных огромными пространствами. Длины волн трех радаров можно подогнать так, чтобы они сошлись в заранее предусмотренной точке – и полученный голографический ремикс тройного эха увеличит разрешение в двадцать семь раз.

Комета Бернса-Колфилда замолкает в ту самую секунду, когда наш план вступает в действие. А потом я слепну.

Это временная неполадка: из-за перегрузки рефлекторно напряглись фильтры. В следующую секунду системы возвращаются в рабочий режим, а диагностика дает зеленый свет. Я связываюсь с товарищами, подтверждаю аналогичные неполадки восстановления. Мы в полном порядке, вот только внезапно увеличилась плотность ионизированного газа вокруг. Может, какой-то сенсорный сбой. Мы готовы изучать объект Бернса-Колфилда дальше.

Единственная проблема заключается в том, что он исчез...

* * *

Экипажа как такового на «Тезее» не было – ни пилотов, ни механиков, ни матросов, чтобы драить палубу; смысл тратить мясо на работу, которую на порядок меньшие машины выполняют на порядок лучше. Если еще не ушедшим на Небеса массам требуется придать своим жизням иллюзию смысла, то пусть другие корабли тонут под тяжестью лишних вахт. Пусть людишки кишат на судах, ведомых коммерческими интересами. Нас пустили на борт лишь потому, что для Первого контакта еще не разработали специальных программ. «Тезей» мчался за пределы Солнечной системы и нес в себе судьбу мира, тратить массу на самоуважение ему было не с руки.

Вот все мы, напитанные влагой и отмытые до скрипа: Исаак Шпиндель, чья задача – изучать инопланетян; Банда четырех – Сюзен Джеймс и ее дополнительные личности – чтобы общаться с ними; майор Аманда Бейтс – чтобы драться, если потребует; Юкка Сараста – чтобы властвовать над всеми нами и двигать, словно шахматные фигурки на многомерной игровой доске, видимой лишь вампирам.

Он посадил нас за стол, который ловко кривился посреди рекреации, незаметно поддерживая постоянное расстояние до прогнувшейся палубы под ногами. Вертушка была обставлена в стиле раннего сводизма, заставлявшего похмельные, непривычные мозги верить, что смотришь на мир сквозь широкоугольный объектив. Из уважения к суставам недавно воскресших живых мертвецов вертушку раскрутили всего на одну пятую «же», но только для разогрева: через шесть часов тяготение доведут до половины земного, и две трети каждых суток оно будет оставаться на этом уровне, пока корабль не решит, что мы полностью оправились. На ближайшие дни невесомость превратится в редкую роскошь.

Над столом повисли световые скульптуры. Сараста мог передать данные в наши имплантаты напрямую и вообще провести собрание через КонСенсус; необходимости физически собираться в одном месте не было. Однако если хочешь привлечь чье-то внимание, говорить нужно лицом к лицу.

Шпиндель заговорщицки склонился ко мне:

– А может, наш кровосос просто возбуждается, глядя на такую уйму мяса перед собой?

Если Сарастии и услышал, то не подал вида, даже мне. Он указал на темное сердце в центре экрана. Его глаза прятались за черным забралом очков.

– Объект Оаса. Инфракрасный эмиттер, метановая группа.

Объект на экране не потрясал воображение: предположительная цель казалась черным диском, круглым провалом среди звезд. В жизни он весил как десять Юпитеров и в талии был шире этого гиганта процентов на двадцать. Лежал прямо по курсу: слишком маленький, чтобы гореть; слишком одинокий, чтобы отражать свет далеких звезд; слишком тяжелый для газового гиганта; слишком легкий для коричневого карлика.

– Когда эта штука проявилась?

Бейтс одной рукой тискал свой резиновый мячик, до белизны в костяшках.

– В 2076 на микроволновой съемке засекают рентгеновский пик. – «За шесть лет до Огнепада, значит». – Сигнал не повторяется, подтвердить его не могут. Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса ¹⁵, но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики.

Брови Шпинделя сползли вместе – точно гусеницы поцеловались.

– Что изменилось?

Сарастии усмехнулся, не разжимая губ.

– После Огнепада в метабазе начинает рыться куча народа. Все суетятся, ищут хоть какие-то улики. Когда комета Бернса-Колфилда взрывается... – он пощелкал языком, – становится ясно, что субкарликовый объект может давать такие вспышки, если магнитосфера у него достаточно взбаламучена.

Бейтс:

– Взбаламучена чем?

– Не знаем.

Пока Сарастии обрисовывал ситуацию, на столе слой за слоем громоздились статистические подсчеты. Объект удалось отыскать лишь с помощью невероятно интенсивного поиска, и это при неимоверно пристальном внимании всей планеты и заранее известном направлении. Тысячу моментальных снимков с разных телескопов наложили друг на друга и прогнали сквозь дюжину фильтров, прежде чем что-то прорезалось из помех где-то между трехметровым диапазоном и порогом чувствительности. Долгое время оно даже толком не существовало, больше напоминая вероятностного призрака, пока «Тезей» не подобрался достаточно близко и не увидел очевидное: квантовую частицу, тяжелую как десять Юпитеров.

Земные картографы окрестили его Большим Беном. «Тезей» едва миновал орбиту Сатурна, когда объект нашли в статистических погрешностях. Для любой другой экспедиции такое открытие ничего не значило бы: новость пришла бы по дороге, но горячего хватило бы только на унылое возвращение домой. А у «Тезея» бесконечно тонкий топливопровод тянулся к самому Солнцу, и корабль мог буквально развернуться на пресловутом пяточке. Мы сменили курс, не просыпаясь, и луч «Икара» следовал за нами на световой скорости, словно кошка за добычей.

И вот – приехали.

– К вопросу о малых вероятностях, так сказать, – проворчал Шпиндель.

Сидевшая по другую сторону стола Бейтс взмахнула рукой, и ее мячик проплыл над моей макушкой; я слышал, как он ударился о палубу («не о палубу, – поправило что-то во мне, – о поручень»).

¹⁵ *Коричневые карлики L-класса* – промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов рубидия Цезия, а также низкая температура. Термин «торсионная вспышка» в данном случае значит, что вспышка вызвана завихрениями магнитного поля коричневого карлика.

– Значит, предполагаем, что комета была задумана как ложная цель?

Сараста кивнул. Мячик рикошетом вернулся в мое поле зрения откуда-то сверху и на миг скрылся за становой жилой, петляя в слабом тяготении вертушки по эксцентричным, опровергающим подсказки интуиции траекториям.

– Значит, они хотят, чтобы их не трогали. Сараста сложил пальцы домиком и повернулся к Бейтс:

– Это ваши рекомендации?

Это было ее желание.

– Нет, сэр. Я имею в виду, что на отправку объекта Бернса-Колфилда ушло, должно быть, немало сил и средств. Тот, кто его построил, очевидно, высоко ценит свою анонимность и обладает достаточно высокими технологиями, чтобы ее защитить.

Мячик срикошетил в последний раз и поковылял обратно через рекреацию. Бейтс встала с кресла, всплыв на миг, и едва успела поймать его на лету. В ее движениях чувствовалась неуклюжесть новорожденной зверушки: действие силы Кориолиса пополам с трупным окоченением. Для пятого часа – отличный результат. Мы, остальные хомосапиенсы, едва встали на ноги.

– А может, для них это было не так уж и сложно? – размышлял вслух Шпиндель. – Раз плюнуть!

– Тогда не важно, враждебны они или нет. В этом случае перед нами цивилизация, которая по уровню технического развития на голову выше человечества. Если так, нам точно не стоит к ним торопиться.

Сараста вернулся к бурлящим диаграммам.

– И?

Бейтс тискала в пальцах добытый мячик.

– Сыр достается второй мышши. Пусть наша супероснащенная разведка в поясе Койпера пошла коту под хвост, но ломиться вслепую необязательно. Надо отправить дронов по разным векторам, а с тесным контактом обождать, по крайней мере, до того момента, когда выясним, насколько враждебный прием нас ждет.

Джеймс мотнула головой:

– Если бы они были настроены враждебно, то могли бы зарядить светлячки антиматерией. Или вместо шестидесяти тысяч крошечных объектов послать один большой. Нас вынесло бы при столкновении.

– Светлячки не говорят ни о чем, кроме изначального любопытства, – парировала Бейтс. – Понравилось им увиденное или нет, кто знает?

– А что если теория отвлекающего маневра – дерьмо собачье?

Я обернулся, вздрогнув. Звуки доносились изо рта Джеймс, но говорила Саша.

– Если хочешь остаться незамеченным, не устраиваешь фейерверк в полнеба, – продолжила она. – Если тебя никто не ищет, нет смысла прятаться, а никто не станет искать, если о тебе не знают. Если им было просто интересно, могли снять все по-тихому.

– Риск обнаружения, – вполголоса напомнил вампир.

– Не хочу вас расстраивать, Юкка, но светлячки тоже не на цыпочках...

Сараста открыл рот. И закрыл. Мелькнули и отчетливо щелкнули, смыкаясь, едва видные острые зубы. В очках вампира отражались диаграммы с рабочего стола – корчащаяся многоцветная полоса на месте глаз.

Саша заткнулась.

– Они платят скрытностью за скорость, – продолжил Сараста. – К тому времени, как вы среагируете, они уже получают своё.

Он говорил терпеливо и негромко: сытый хищник, объясняющий добыче правила игры, которые та должна бы знать сама: «Чем дольше я буду тебя выслеживать, тем легче тебе уйти от погони».

Но Саша уже исчезла. Ее грани разлетелись как стая испуганных скворцов, и на следующем слове голосом Сьюзен Джеймс заговорила сама Сьюзен.

– Юкка, Саша знакома с текущей парадигмой. Она просто беспокоится, что парадигма может оказаться неправильной.

– У вас есть другая? – поинтересовался Шпиндель. – Основательнее? Шире?

– Не знаю, – Джеймс вздохнула. – Нет, пожалуй. Просто... странно, если они действительно решили отправить нас по ложному следу. Я надеялась, они просто... ладно, – она развела руками. – Думаю, ничего страшного... Уверена, если мы правильно представимся, они пойдут на контакт. Возможно, нам следует быть немного осторожнее...

Сараста встал из кресла, выпрямившись во весь рост, и навис над нами:

– Мы идем на сближение. Последние данные не оставляют времени для проволочек.

Бейтс нахмурилась и вновь отправила мячик на орбиту.

– Сэр, все, что мы знаем с уверенностью, – это то, что объект Оаса находится прямо по курсу. Нам даже неизвестно, есть ли там кто-нибудь.

– Есть, – отозвался Сараста. – И они нас ждут.

Несколько секунд все молчали. В тишине хрустнули чьи-то суставы.

– Э... – начал Шпиндель.

Сараста, не глядя, поднял руку и поймал в воздухе вернувшийся мячик Бейтс.

– «Тезей» отпингован ¹⁶ лидаром ¹⁷ четыре часа сорок восемь минут назад. Мы отвечаем идентичным сигналом. Реакции нет. Зонды отправлены за полчаса до нашего пробуждения. Вслепую ломиться мы не станем, но ждать нельзя. Нас уже видят, и чем дольше мы медлим, тем выше риск противодействия.

Я смотрел на темное, безликое пятно над столом: оно было больше Юпитера, и все же мы до сих пор его не видели. Скрываясь в тени этой громады, что-то с невероятной и непридуманной точностью щелкнуло нас по носу лазерным лучом.

Не получится у нас диалога на равных.

– Вы знали об этом с самого начала? – озвучил общее мнение Шпиндель. – И говорите только сейчас?

Сараста широко и зубасто улыбнулся, будто располосовал себе нижнюю половину лица. Возможно, хищник просто не мог не играть с едой.

* * *

Дело не во внешнем виде. Удлиненные конечности, бледная кожа, клыки, выпирающая челюсть, конечно, заметны и непривычны, но они не отпугивают, не устрашают. Дело не в глазах: у кошек и собак они светятся в темноте, но у нас это не вызывает дрожь.

Вся загвоздка в движениях. Что-то на уровне рефлексов. Он держал конечности так, что походил на богомола, и ты постоянно думал только об одном: эти длинные суставчатые штуки могут протянуться и схватить тебя на другом конце комнаты в любой момент, когда заблагорассудится хозяину. Стоило Сарасте взглянуть на меня – по-настоящему, невооруженным глазом, без очков, – полмиллиона лет куда-то испарялись. То, что он вымер, ничего не значило. Как и то, что мы прошли долгий путь, набрали достаточно сил и воскресили собственные кошмары себе на потребу. Гены не обманешь, они знают, чего бояться.

¹⁶ *Пинговать* (компьютерный жаргон) – отправлять сигнал с требованием подтвердить его получение.

¹⁷ *Лидар* – лазерный дальномер.

Конечно, испытать такое надо самому и вживую. Роберт Паглиньо знал вампиров до последней молекулы – теоретически, но так и не понял их, хотя держал в голове все биотехнические параметры. Он позвонил мне перед отлетом, чем немало меня удивил. Когда объявили состав экспедиции, надсмотрщики блокировали все личные вызовы, кроме внесенных в «белый список». Я забыл, что Паг в него входит. После Челси мы не общались, и я уже оставил надежду когда-нибудь снова с ним встретиться. Но он позвонил.

– Стручок, – Паг неуверенно улыбнулся, вызывая на разговор.

– Рад тебя видеть, – ответил я. Ведь в подобных ситуациях принято так говорить.

– Ну... я видел твое имя на плахе. Для исходника ты здорово поднялся.

– Не слишком.

– Твою мать, да ты теперь – авангард человечества! Наша первая, последняя и единственная надежда перед лицом неведомого. Ты их всех сделал! – Паг с постановочным восторгом вскинул сжатый кулак.

Краугольным камнем в жизни Роберта Паглиньо стало желание всех сделать, и, надо сказать, оно пошло ему на пользу, а недостатки естественного происхождения он преодолел с помощью модификаций, хирургических улучшений и невероятной безжалостности. В мире, где человечество беспрецедентными темпами становилось излишним, мы оба хранили статус другой эпохи: профессиональных работников.

– Теперь тобой будет командовать вамп, – прокомментировал он. – Как говорится, клин клином вышибают.

– Наверное, хотят, чтобы мы попрактиковались. Ну, чтобы с настоящими чужаками было полегче.

Паг рассмеялся. Понятия не имею почему. Но на всякий случай я улыбнулся в ответ. Мне было приятно снова его видеть.

– Ну, и какие они в жизни? – спросил Паг.

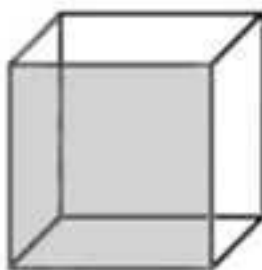
– Вампиры? Не знаю. Вчера первого увидел.

– И?

– Трудно читается. Порой кажется, что он не осознает происходящее вокруг, словно... уходит в свой воображаемый мирок.

– Еще как осознает! Эти твари такие сообразительные, что дрожь пробирает. Ты знаешь, что они могут одновременно удерживать в сознании оба аспекта кубов Неккера?

Термин показался знакомым. Я запросил подсказку и увидел миниатюру знакомой проволочной рамки.

Теперь я вспомнил: классическая зрительная иллюзия. Иногда заштрихованной кажется передняя сторона, иногда – задняя. Куб переворачивается в зависимости от взгляда.

– Мы с тобой видим куб или так, или иначе, – продолжил Паг. – Упыри видят его обоими способами одновременно. Представляешь, какое это им дает преимущество?

– Недостаточное.

– Туше! Но, послушай, они не виноваты, что в малых популяциях нейтральные признаки фиксируются.

– Я бы не назвал крестовый глюк нейтральным признаком.

– Поначалу он был именно таким. Много ли прямых углов ты видишь в природе? – Паг махнул рукой. – Хотя не в них дело. Суть в том, что они способны на то, что для нас, людей, неврологически невозможно. Скажем, одновременно воспринимать множественные картины мира. То, что мы вынуждены прорабатывать шаг за шагом, вампы замечают с первого взгляда, им не нужно об этом думать. Ты ведь знаешь, что ни один обычный человек из исходников не сможет с ходу перечислить все простые числа между единицей и миллиардом? В старые времена на такое были способны только редкие аутисты.

– Он никогда не пользуется прошедшим временем, – пробормотал я.

– А? Это... – Паг кивнул. – Вампиры не воспринимают прошедшего времени. Для них это другая ветка реальности. Они не вспоминают прошлое, а переживают его заново.

– Вроде явственных воспоминаний после травмы?

– Только без травмы, – Роберт поморщился. – По крайней мере для них.

– Выходит, это твой нынешний конек? Вампиры?

– Стручок, вампиры сейчас – Конек с большой буквы «ка» для любого, у кого в резюме есть хотя бы одна приставка «нейро». Я лишь делал пару статей по гистологии. Рецепторы распознавания образов, светоизбирательные фоторецепторы, фильтры информационного приоритета¹⁸. В общем, про их глаза.

– Ага, – я колебался. – Выводят из равновесия, знаешь ли.

– А то! – Паг понимающе кивнул. – Это их тапетум¹⁹ дает такой отблеск... Жуть!

Он помотал головой, явно впечатленный моим замечанием.

– Ты не видел их живьем, – заключил я.

– В смысле, во плоти? Да я бы отдал за это левое яйцо. А что?

– Дело не в свечении. А в... – я поискал подходящее слово, – в отношении.

– Ага, – согласился Паг, помолчав. – Пожалуй, иной раз своими глазами не увидишь – не поймешь, да? Поэтому я тебе и завидую, Стручок.

– Зря.

– Не зря! Даже если ты не встретишься с теми, кто послал светлячков, у тебя будет возможность понаблюдать этого... Сарасты, да?

– Впустую. В моем резюме все «нейро» стоят в графе «история болезни».

Роберт рассмеялся.

– Ну, в общем, как я сказал – увидел твоё имя в заголовках и решил: старику через пару месяцев вылетать, и, наверное, не стоит ждать, что он сам позвонит.

С нашего последнего разговора прошло больше двух лет.

– Не думал о том, что пробьюсь, кстати. Решил, ты занес меня в «черный список».

– Нет. Мысли такой не было, – уверил его я.

Паг опустил глаза, затаив, но потом пробормотал:

– Мог бы ей позвонить.

– Знаю.

– Она умирала. Ты бы мог...

¹⁸ Светоизбирательные фоторецепторы – это набор фоторецепторов в сетчатке вампира, в которых центральные клетки запускаются, реагируя на луч света, тогда как остальные вокруг них «угнетаются» тем же самым стимулом. Свое английское название («Mexican hat arrays») рецепторы получили из-за того, что отображение их работы в форме графика дает кривую, напоминающую классическое сомбреро. Фильтры информационного приоритета – это подпрограммы распознавания образов в зрительной коре головного мозга, способные давать организму нечто вроде позитивного подкрепления вплоть до гормонального в ответ на зрительную стимуляцию особого рода.

¹⁹ Отражающий свет слой клеток на внутренней стороне сосудистой оболочки глаза, благодаря которому дно глаза отливает металлическим блеском и светится в темноте. Есть только у животных.

– Не было времени.
Паг решил проглотить мое неприкрытое вранье и просто сказал:
– В общем, я хотел пожелать тебе удачи. Что тоже не до конца было правдой.
– Спасибо. Ценю.
– Надери пришельцам задницы! Если они у них есть.
– Нас будет пятеро, Паг. Вместе с дублерами девять человек. На армию не похоже.
– Просто фигура речи, мой млекопитающий брат. Тогда зарой топор войны. Не пускай торпеды. Успокой дракона.
«Подними белый флаг», – подумал я.
– Ты, наверное, очень занят, – заметил он, – я...
– Слушай, хочешь встретиться? В реале. Я давно не был в «КуБите».
– Я бы с радостью, Стручок. Только сейчас в Манкойе, на семинаре по углубленному анализу.
– Ты хочешь сказать физически?
– Передовые разработки. Старая школа, привычка...
– Жалко.
– В общем, оставлю я тебя. Просто хотел... ну, понимаешь...
– Спасибо, – повторил я.
– Ну, ты понял. Пока, – заключил он.
Для чего, если разобраться, Роберт Паглиньо мне и звонил: он не рассчитывал на «следующий раз».

* * *

Паг винил меня за то, что с Челси так вышло. И поделом! Я винил его за то, что с ней все началось.

Он занялся нейроэкономикой, как минимум, потому, что друг детства прямо у него на глазах превратился в человека-стручка. Я подался в синтез примерно по той же причине. Наши пути разошлись, и мы не часто встречались во плоти, но и через двадцать лет после того, как я ради него избил тех пацанов, Роберт Паглиньо оставался моим лучшим и единственным другом.

– Тебе надо оттаять, – как-то сказал он мне. – И я знаю женщину с подходящими прихватками для духовки.

– Это, пожалуй, самая скверная метафора в истории человеческого языка, – заметил я.

– Серьезно, она тебе под стать. Вроде противовеса – сдвинет ближе к статистической норме, понимаешь?

– Нет, Паг, не понимаю. Кто она, тоже нейроэкономист?

– Нейрокосметолог, – поправил он.

– На них еще есть спрос? – я бы сильно удивился: зачем платить за то, чтобы увеличить совместимость со своей «второй половиной», когда само понятие «второй половины» вышло из моды?

– Небольшой, – признался Паг. – Вообще-то она сидит почти без работы. Но инструменты еще при ней, старина! Очень тигмотактичная ²⁰ девочка. Предпочитает общаться лицом к лицу и во плоти.

– Не знаю, Паг. Слишком смахивает на работу.

– Это не твоя работа. С ней всяко будет полегче, чем с этими чертовыми композитниками, которых ты переводишь. Умница, красавица, да и вполне нормальная, если не считать

²⁰ *Тигмотаксис* – произвольное движение в направлении тактильного раздражителя.

заморочек по поводу личного общения. А это не столько извращение, сколько милый фетиш. И в твоём случае он может дать лечебный эффект.

– Если бы я хотел лечиться, то обратился бы к психиатру.

– По правде сказать, этим она тоже подрабатывает.

– Да? – и, против воли: – Получается?

Паг смерил меня взглядом.

– Тебе не поможет. Да и не в том дело. Я просто прикинул, что вы двое должны сойтись.

Челси – одна из немногих, кого с ходу не оттолкнул твои интимные проблемы.

– В наше время у всех интимные проблемы, если ты не заметил.

Как тут не заметишь: население уменьшается не первый десяток лет.

– Это был эвфемизм. Я имел в виду твою антипатию к контакту с людьми вообще.

– Называть тебя человеком – уже эвфемизм?

Он ухмыльнулся:

– Тут другое. Мы с тобой давно друг друга знаем.

– Спасибо, но нет.

– Поздно, она уже едет на место вашей встречи.

– Место на... Паг, ты жопа!

– Глубокая.

В результате неожиданно для себя я оказался на свидании, такая неприятная близость совсем не радовала. В коктейль-баре отеля «Бесс и медведь» слабое рассеянное сияние сочилось из-под кресел и столешниц; цветовая гамма сползала – по крайней мере тем вечером – в длинные волны. В таких местах исходники могут делать вид, что видят инфракрасный свет. Так поступил и я, разглядывая женщину за столиком в углу: долговязую и роскошную. С полдюжины кровей слилось в ней так, что ни одна не забивала остальные. На щеке что-то мерцало слабым изумрудным стаккато на плавном фоне красного смещения. Волосы угольным облаком колыхались в воздухе. Подойдя, я заметил в толще нимба металлические искры и нити электростатического генератора, создающего иллюзию невесомости. В нормальной обстановке ее кроваво-красная кожа приобрела бы модный карамельный оттенок бесстыдного смешения племен.

Она была привлекательна, но в таком освещении это нетрудно: чем длиннее световые волны, тем более размыто изображение. На траходромах нарочно не ставят флуоресцентные лампы.

«Ты на это не купишься», – сказал я себе.

– Челси, – представилась она. Ее мизинец упирался в зарядник, встроенный в столешницу. – Бывший нейрокосметолог, а ныне паразит на теле мировой экономики – спасибо генетике и чудесам новых технологий.

На ее щеке лениво взмахивал яркими крыльями отсвет: биолюминесцентная татуировка-бабочка.

– Сири, – отозвался я. – Синтет-фрилансер, крепостной на службе генетики и технологий, превративших тебя в паразита.

Она взмахом руки указала на пустовавшее рядом сиденье. Я принял приглашение, оценивая представшую передо мной систему и прикидывая лучший способ быстро, но дипломатично разорвать контакт. Изгиб ее плеч подсказывал, что она обожает светопись и стесняется в этом признаться. Любимым художником Челси был Монаган. Она считала себя «естественной» девушкой, потому что много лет сидела на химических либидниках, хотя проще было бы сделать нейрокорректуру. Втайне она наслаждалась своей противоречивостью: на работе Челси правила людям мысли, но одновременно верила в дегуманизирующее влияние телефонов. От рождения Челси была привязчива и страшно боялась безответной привязанности, хотя упрямо отказывалась поддаться своим страхам.

Ей нравилось то, что она увидела во мне. И немного пугало.

– Хорошая здесь дурь, – Челси показала на мой край стола. В кровавом свете тачпады мерцали нестройной синевой, будто отпечатки распластанных ладоней. – Лишняя феноксигруппа или что-то в этом роде.

Типовые нейропрепараты на меня почти не действуют: они оптимизированы для людей, у которых в черепе больше серого вещества. Я для виду потыкал тачпад и едва ощутил приход.

– Итак, синтез. Значит, объясняем безразличным непостижимое.

Я послушно улыбнулся:

– Скорее, наводим мосты. Между теми, кто совершает открытия, и теми, кто получает за это награду.

Она улыбнулась в ответ.

– Как это у вас получается? У ваших подопечных и лобные доли оптимизированы, модернизаций куча... Я хочу сказать, если они непостижимы, то как же вам все-таки удастся их понять?

– Помогает, когда не понимаешь вообще всех. Набираешься опыта.

Вот так, это должно немного увеличить дистанцию.

Не помогло... Она решила, что я шучу. Я видел, как ей хочется узнать подробности о моей работе, потом обо мне, а это могло привести...

– Расскажи, – вкрадчиво поинтересовался я, – каково это – зарабатывать на жизнь перепайкой чужих мозгов.

Челси поморщилась; бабочка на щеке нервно затрепетала, ее крылья разгорелись.

– Господи, ты так говоришь, будто мы из них делаем зомби или что похуже. Так, мелкая корректировка, в основном: поменять музыкальные или кулинарные пристрастия, оптимизировать супружескую совместимость. Все обратимо.

– Таблетками не получается?

– Нет. Слишком много приобретенных отличий в строении нервной системы. Мы делаем очень тонкую настройку. И не всегда занимаемся микрохирургией или синапсы поджариваем. Удивишься, сколько всего можно перепаять без всяких операций. Можно запустить самые разные каскады, проигрывая определенные звуки в нужной последовательности или показывая изображения в сочетании правильной геометрии и эмоций.

– Новая методика, полагаю?

– Не совсем. Ритм и музыка опираются на тот же принцип. Мы просто превратили искусство в науку.

– Да, но когда?

Без сомнения, недавно. Максимум лет двадцать назад.

– Роберт рассказывал мне о твоей операции. – Она внезапно понизила голос. – Какая-то форма вирусной эпилепсии, правильно? Когда ты был совсем малышом.

Я никогда не просил его держать мою историю в тайне. Какая разница, в конце концов? Я ведь полностью выздоровел. Кроме того, Паг до сих пор убежден, что она случилась с кем-то другим.

– Я подробностей не знаю, – мягко продолжила Челси, – но, судя по всему, неинвазивные методы не сработали бы. Я уверена, у врачей не было другого выхода.

Я попытался подавить мысль и не смог: «Она мне нравится». И тогда почувствовал какое-то незнакомое ощущение, как будто спина расслабилась. Кресло почему-то показалось мне удобнее.

– В общем... – мое молчание выбило ее из колеи. – Я почти не работаю с той поры, как из-под рынка вышибли опору. Зато из-за профессии приобрела устойчивую привычку к личным контактам, если понимаешь, о чем речь.

– Ага. Паг рассказывал, что ты занимаешься сексом не в виртуале.

Она кивнула.

– Да, я очень старомодная. Ты против?

Я не был уверен. В реале я оставался девственником. Хотя что-то еще связывало меня с цивилизованным обществом.

– В принципе, нет, наверное. Просто мне это кажется... Слишком большие усилия ради незначительной выгоды, понимаешь?

– Еще бы не понять, – она улыбнулась. – Любителей настоящего секса не заретушировать. У них есть всякие потребности и желания, которые не подкорректируешь. Можно ли винить людей, если они отказываются от такого теперь, когда появился выбор. Порой диву даешься, как наши родители вообще сошлись друг с другом...

«Порой диву даешься, почему они сразу не разбежались». Я все глубже погружался в кресло, изумляясь странному и непривычному ощущению. Челси говорила, что дофамин здесь модифицированный. Наверное, дело в нем.

Она склонилась вперед – без жеманства и кокетства, ни на миг не сводя с меня глаз. В длинноволновой мгле я чувствовал лимонный запах от смеси феромонов и химикатов на ее коже.

– Но есть и свои преимущества, когда освоишь азы, – проговорила она. – У тела долгая память. И... ты понимаешь, что у тебя под правой рукой ничего нет, а, Сири?

Я опустил глаза. Указательный палец левой руки поглаживал капельную губку с легким наркотиком, впитывающимся в кожу; правая же, стоило отвести взгляд, повторила это движение, бессмысленно постукивая ногтем по голой столешнице.

Я отдернул руку и признался:

– Небольшой двусторонний тик. Когда отвлекаюсь, тело принимает симметричную позу.

Я ждал шутки или хотя бы недоуменного движения брови. Но Челси кивнула и продолжила:

– Так что, если ты готов, я – тоже. Никогда раньше не путалась с синтетом.

– Можно и с жаргонавом. Я не гордый.

– Ты всегда точно знаешь, что сказать, – она склонила голову к плечу. – А что значит твое имя?

«Расслабленным» – вот правильное слово. Я чувствовал себя расслабленным.

– Не знаю. Просто имя.

– Этого мало. Если мы собираемся долго обмениваться жидкостями, тебе нужно осмысленное имя.

А мы, как я понял, собираемся. Это решила Челси, пока я витал в облаках. Можно было осадить ее, сказав, что это скверная идея, и извиниться за недопонимание. Но тогда начнутся оскорбленные взгляды, раненые чувства и обиды. В конце концов, если я не был готов, за каким чертом приперся?

Она показалась мне милой, и я не хотел ее обижать. «Ненадолго, – сказал я себе. – Это будет интересный опыт».

– Я буду звать тебя Лебедем, – решила Челси.

– Как большую белую птицу? – уточнил я.

Немного претенциозно, но могло быть хуже.

Она покачала головой:

– Как черную дыру «Лебедь X-1».

Я специально нахмурился, но совершенно точно понял, что она имеет в виду: темный массивный предмет, пожирающий свет и разрушающий все на своем пути.

– Спасибо огромное, блин. За что?

– Не знаю. В тебе есть что-то мрачное, – Челси пожала плечами и широко улыбнулась. – Но привлекательное. А если дашь чуть-чуть себя подкорректировать, зуб даю, вся твоя суровость исчезнет.

Позднее Паг с неохотой признал, что от этих слов мне стоило насторожиться. Век живи – век учись.

* * *

Вожаки – это фантазеры со слабо развитым инстинктом самосохранения и полным отсутствием адекватной оценки ситуации.

*Роберт Джарвик*²¹

Наш разведчик падал на орбиту, неотрывно глядя на Большого Бена. Мы летели по той же траектории с отставанием на несколько дней, не сводя глаз с зонда. И все мы сидели в чреве «Тезея», пока система закачивала данные телеметрии к нам в имплантаты. Незаменимые, важнейшие, критически необходимые – в ходе первого подлета нас с таким же успехом мог заменить балласт.

Мы пересекли рэлеевскую границу. «Тезей» прищурился и в слабом эмиссионном излучении различил блудный объект галактического гало – ошметок давно забытой галактики Большого Пса, которую Млечный Путь затянул под колеса и размазал по «асфальту» несчетные миллиарды лет назад. Мы приближались к небесному телу, зародившемуся за пределами нашей звездной системы.

Зонд несся вниз и вглубь. Он подобрался к планете достаточно близко, чтобы задействовать усиление четкости. Поверхность Бена высветлилась бурлящим парфе сверхконтрастных полос на алмазно-четком звездном фоне. Что-то посверкивало внизу: слабые искры среди бесконечных туч.

– Молнии? – предположила Джеймс.

Шпиндель покачал головой:

– Метеориты. Должно быть, в окрестностях полно гальки.

– Цвет не тот, – возразил Сараста.

Физически его не было с нами: вампир сидел в своей палатке, подключившись к Капитану. Но КонСенсус позволял ему присутствовать в любом помещении корабля.

В мои имплантаты лилась морфометрия: масса, диаметр, средняя плотность. Сутки Бена длились семь часов двенадцать минут. Вокруг экватора, в полумиллионе километров над верхушками облаков, начинался массивный и протяженный аккреционный пояс²², по форме напоминавший скорее бублик, чем плоское кольцо: вероятно, перемолотые тушки раскрошенных в пыль лун.

– Метеориты, – Шпиндель ухмыльнулся. – Я же говорил.

Похоже, что он был прав. От приближения булавочные искорки размазались в яркие эфемерные дефисы, расчертившие атмосферу. Ближе к полюсам в облачных слоях изредка тускло вспыхивали электрические разряды.

Слабое радиоизлучение, пики на волнах 31 и 400 метров. Экзосфера из метана и аммиака; в изобилии литий, вода, угарный газ. В рваных тучах с ними смешиваются сульфид аммония и галиды щелочных металлов. В верхних слоях атмосферы – атомарные щелочные металлы. К этому времени такие детали улавливал даже «Тезей», но зонд подобрался так

²¹ Роберт Джарвик (р. 1946) – американский ученый и врач, работавший над созданием искусственного сердца.

²² Аккреционный пояс (аккреционный диск) – в данном случае зона вблизи газового гиганта, где происходит процесс слипания и роста пылевых частиц.

близко, что можно было различить подробности: бурыми пластами туч под ним клубился уже не диск, а темная выпуклая стена, в толще которой просвечивали слабые линии антрацена и пирена.

Мириады огненных следов от метеоров опалили лик Большого Бена прямо на наших глазах. На миг показалось, что в центре огонька я вижу крошечную черную пылинку, но изображение внезапно исполосовали помехи. Бейтс вполголоса выругалась. Картинка размазалась, но, когда зонд перешел на другие частоты, стала отчетливее: не в силах перекричать длинноволновой гам, система переключилась на лазерную связь.

И все равно сигнал заикался. По идее держать его на одной линии было очень просто: «Тезей» и зонд двигались по одинаковым параболическим траекториям, а их взаимное положение можно было точно предсказать в любой момент времени. Однако инверсионный след метеора плясал и скользил по экрану, будто прицел лазерного луча постоянно сбивали крошечные толчки. Раскаленный газ размывал детали. Сомневаюсь, что даже на совершенно неподвижной картинке человеческий глаз мог бы заметить тут какие-то четкие контуры. И все же... Было что-то неправильное в этой крошечной черной точке в сердце гаснущего огонька. Почему-то примитивный отдел моего мозга отказывался признать ее естественной.

Изображение снова дернулось, захлебнулось темнотой и не вернулось.

– Зонд сдох, – сообщила Бейтс. – Поджарило последним пиком. Похоже, натолкнулся на спираль Паркера ²³, еще и на сильном ветру.

Мне даже подсказки не понадобилось вызывать. По выражению ее лица и внезапно прорезавшим переносицу складкам было ясно: речь идет о магнитных полях.

– Это... – начала она и осеклась, когда в КонСенсусе выскочили цифры: 11,2 тесла ²⁴.

– Твою мать, – прошептал Шпиндель. – Точно, что ли?

Сараста издал несколько щелчков – из глубины глотки и корабельных недр. Спустя мгновение, он передал нам повтор последних секунд телеметрии: увеличенных, приглаженных, с усиленной контрастностью во всех диапазонах, от видимого света до инфракрасной области. Вот тот же темный осколок, окутанный огнем, а вот полыхающий за ним инверсионный след. Пламя угасало по мере того, как объект отскочил от плотных слоев атмосферы вниз и стал снова набирать высоту. За несколько секунд тепловой след полностью погас. Горевший в центре него предмет тлеющим угольком поднимался обратно на орбиту. На его носу, точно пасть, зияла гигантская воронка. Распухшее брюхо уродовали куцые плавники.

Бен колыхнулся, и все повторилось.

– Метеориты? – сухо съязвила Бейтс.

Никакого понятия о масштабе происходящего картинка не давала.

Эта штука могла быть величиной с муху, а могла – с астероид.

– Размер? – прошептал я за полсекунды до того, как ответ появился перед глазами: четыреста метров по большой оси.

Мы снова смотрели на Большой Бен с безопасного расстояния – темный, мутный диск в носовом видеоискателе «Тезея». Но я помнил крупный план: шар, искрящийся черно-серыми огнями; исполосованное шрамами, рябое лицо, бесконечно истерзанное и постоянно исцеляющееся.

Этих штуквин там были тысячи.

«Тезей» содрогнулся по всей длине. То был всего лишь тормозной импульс, но на секунду мне показалось, что я понимаю, каково ему.

²³ *Спираль Паркера* – форма, которую принимает магнитосфера Солнца в результате взаимодействия с солнечным ветром и межпланетной средой.

²⁴ *Тесла* – единица измерения магнитной индукции.

* * *

Мы с огромной осторожностью двигались вперед.

С помощью импульса, длящегося девяносто восемь секунд, «Тезей» оторвался от сосца и вышел на широкую дугу, которая при незначительном усилии могла превратиться в замкнутую орбиту или в спешный облет по гиперболе – если местность окажется слишком недружелюбной. Незримый луч «Икара» уплывал прочь по левому борту, расточая неистощимый поток энергии в пустоту. Наш зонтик толщиной с молекулу и размером с город свернулся и сам себя упаковал – до поры, когда корабль снова проголодается. Запасы антиматерии тут же начали таять, и в этот раз мы были живы, пришлось наблюдать за процессом. Пусть потери оказались незначительными, но убывающие цифры на экране все равно тревожили.

Мы могли остаться на помочах и подвесить буюк в телепортационном луче, чтобы тот ретранслировал энергию прямо на корабль.

Сьюзен Джеймс поинтересовалась, почему мы так не сделали.

– Слишком рискованно, – ответил Сараста, но уточнять не стал.

Шпиндель наклонился к Джеймс.

– Ну, зачем подставлять им лишнюю мишень, а?

Но мы отправляли вперед зонд за зондом, быстро, с силой сплевывали их, не давая горючего ни на что, кроме торопливого пролета и самоуничтожения. Разведчики не сводили глаз с круживших над Большим Беном аппаратов. «Тезей» издали рассматривал их собственными немигающими и острыми очами. Если ныряльщики, которых мы засекали, и ведали о нашем присутствии, то напрочь его игнорировали: мы следили за ними с дистанции подлета; наблюдали, как они петляют и пикируют по миллиону парабол, под миллионом разных углов. Они никогда не сталкивались – ни друг с другом, ни с каменной лавиной, рокочущей по экватору Бена. На каждом перигее окунались в атмосферу, там вспыхивали, сбрасывали скорость и на ракетной тяге вылетали обратно в космос, сияя остаточным жаром на воздухозаборниках.

Бейтс выхватила кадр из КонСенсуса, отчеркнула главное на переднем конце объекта и вынесла приговор:

– Скрэмджет ²⁵.

Меньше чем за два дня мы насчитали больше четырехсот тысяч аппаратов и, судя по всему, засекали почти всех, так как потом частота появления новых объектов сошла на нет, а их общее количество приблизилось к некоей асимптоте. Большинство вращались на короткопериодических орбитах, но Сараста спроектировал модель частотности распределения, согласно которой дальние объекты добирались чуть ли не до Плутона. Даже если бы мы болтались в окрестностях годы, то все равно временами сталкивались бы со свежими брюхоглотами, вернувшимися из затяжной командировки в бездну.

– Самые быстрые на крутом повороте держат за полсотни «же», – обратил внимание Шпиндель. – Мясо такое не сдюжить. Беспилотники.

– Мясо можно укрепить, – заметил Сараста.

– Если в органике будет столько арматуры, то можно не заниматься казуистикой и честно назвать это техникой.

Морфометрические показатели оказались абсолютно идентичны. Четыреста тысяч совершенно одинаковых ныряльщиков. Если в этом стаде и заправлял свой альфа-самец, на вид его было не отличить.

Однажды ночью – в том смысле, в каком на борту могла быть ночь, – я вышел к наблюдательному блистеру на слабый вой терзаемой электроники. Там парил Шпиндель, наблюдал за

²⁵ Скрэмджет – гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель.

скиммерами ²⁶, так мы их прозвали. Он затворил броневые створки, скрыв звезды, и на их месте построил маленькую аналитическую берлогу: по внутренней поверхности свода рассыпались графики и окошки, будто не вмещааясь в виртуальное пространство под черепом Шпинделя.

Тактические диаграммы освещали биолога со всех сторон, превращая тело в яркий витраж из мерцающих татуировок. Человек в картинках.

– Заглянуть можно? – спросил я.

Он хмыкнул: мол, да, но особо не настаивай. В пузыре как будто шуршал проливной дождь помех, заглушаемый привлечшим меня визгом.

– Что это?

– Магнитосфера Бена, – он не оглянулся. – Здорóво, а?

Синтеты на работе своего мнения не имеют; это сводит к минимуму влияние наблюдателя. В тот раз я позволил себе маленькую слабость.

– Помехи хорошо шумят. А без скрипа можно обойтись?

– Шутишь? Это же музыка сфер, комиссар. Она прекрасна как старый джаз!

– Джаз я тоже никогда не понимал.

Шпиндель пожал плечами и убил верхние частоты, оставив только шорох дождя. Подергивающийся от тика глаз Исаака задержался на замысловатой диаграмме.

– Хочешь ударную тему для своих заметок?

– Конечно.

– Лови.

Он ткнул пальцем, и свет радугой блеснул на сенсорной перчатке, словно на крыле стрекозы: спектр поглощения, раз за разом выводимый на дисплей. Яркие пики взмывали и опали с пятнадцатисекундным интервалом.

Подсказки не дали ничего, кроме длин волн в ангстремах.

– Что это?

– Скиммеры, когда ныряют, пускают газы. Эти сволочи сбрасывают в атмосферу сложную органику.

– Насколько сложную?

– Пока трудно сказать. Следы слабые, рассеиваются в два счета. Но, как минимум, сахара и аминокислоты. Может, белки. Или еще что посложнее.

– Может, жизнь? Микробы? Инопланетный проект терраформирования...

– Смотря как определять жизнь, – заметил Шпиндель. – Там даже дейнококк ²⁷ долго не продержится. Но атмосфера большая. Если ребята решили переработать ее с помощью прямых прививок, то, надеюсь, они не очень торопятся.

А если торопятся, работа шла бы намного быстрее с использованием саморазмножающейся затравки.

– На мой взгляд, смахивает на жизнь.

– Больше похоже на распыление удобрений. Засранцы превращают всю планету в рисовое поле размером с Юпитер, – он жутковато ухмыльнулся. – У кого-то ба-а-а-альшой аппетит, а? Невольно начинаешь думать, может, нас уже взяли числом.

* * *

На следующем собрании обсуждали только информацию Шпинделя. Итог подвел вампир.

²⁶ Скиммер (англ. *to skim*) – скользить по поверхности, снимать пену или накипь.

²⁷ Дейнококк (*deinosoccus radiodurans*) – бактерия-полиэкстремофил, отличающаяся исключительной устойчивостью к воздействию радиации.

– Самореплицирующиеся фон-нейманы, г-селекция²⁸, – наглядные пособия плясали на столе. – Семена всплывают и прорастают скиммерами, те, в свою очередь, собирают сырье в аккреционном поясе. Орбиты плывут немного, пояс еще не устоялся.

– А где первоисточник? – заметил Шпиндель. – Никаких следов фабрики по их производству?

Сараста покачал головой:

– Может, она разбирается. Идет на материалы. Или стадо прекращает размножение, достигнув определенной численности.

– Это всего лишь бульдозеры, – напомнила Бейтс. – Будут и жилыцы.

– И, похоже, немало, – добавил Шпиндель. – Мы тут, если чего, и пикнуть не успеем.

– Да они могут еще лет через сто прилететь, – вставила ноту скепсиса Джеймс.

Сараста пощелкал языком.

– По-вашему, именно эти устройства строят светлячков? Объект Бернса-Колфилда?

Вопрос был риторический, но Шпиндель все равно ответил:

– Не представляю как.

– Значит, этим занимается кто-то другой. И он уже здесь.

Все замолчали. Графы Джеймс плыли и тасовались в тишине; когда она снова открыла рот, на поверхность сознания загадочным образом всплыла ее более молодая ипостась:

– Если они решили устроиться в таком месте, их среда обитания совершенно не похожа на нашу. Это обнадеживает.

Синестет по имени Мишель.

– Белки, – глаза Сараста скрывались за черным визором. – Биохимическая совместимость. Они могут нами питаться.

– Кем бы ни были эти существа, они даже не нуждаются в солнечном свете. Нет соперничества за территории и ресурсы, а значит, и основы для конфликта. Нет никакой причины, по которой мы не смогли бы договориться!

– С другой стороны, – заметил Шпиндель, – технология предполагает агрессию.

Мишель тихо фыркнула:

– Если верить хунте историков-теоретиков, которые никогда в жизни не встречали инопланетян, то да. Может, сейчас нам удастся посадить их в лужу.

В следующий миг она исчезла, проявление смело, как листья на ветру, и его место заняла Сьюзен Джеймс со словами:

– Почему бы нам просто не спросить у них?

– Спросить? – повторила за ней Бейтс.

– Внизу четыреста тысяч роботов. Откуда мы знаем, что они не умеют разговаривать?

– Мы бы услышали, – объяснил Шпиндель. – Это беспилотники.

– Пингануть можно. Особого вреда от этого не будет. Уверенности ради.

– Даже если они разумны, нет ни малейшего повода ждать, что они ответят. Язык и интеллект не так четко коррелируют даже на Зе...

Джеймс закатила глаза.

– Ну, почему хотя бы не попробовать?! Мы же явились сюда ради этого. Во всяком случае, я. Дать этот чертов сигнал, и все!

После недолгой паузы эстафету подхватила Бейтс:

– Сюз, с точки зрения теории игр, затея скверная.

²⁸ Под фон-нейманами здесь имеется в виду «универсальный конструктор» – гипотетическая машина, придуманная Джоном фон Нейманом и способная неограниченно воспроизводить саму себя. R-селекция (г-отбор) – процесс отбора в изменчивой среде, способствующий закреплению таких черт, как высокая плодовитость, малый размер, быстрая смена поколений и невысокая выживаемость потомства (так называемая репродуктивная г-стратегия в противоположность к-стратегии, усиливающей обратные черты).

– С точки зрения теории игр! – в устах Джеймс это прозвучало как ругательство.

– Лучшая стратегия – зуб за зуб. Они пингуют нас – мы пингуем в ответ. Сейчас мяч на их стороне поля, и если мы отправим еще один сигнал, то можем слишком много выдать.

– Я знаю правила, Аманда. По ним выходит, что если другая сторона не возьмет инициативу на себя, мы будем игнорировать друг друга до конца миссии, потому что теория игр запрещает унижаться.

– Это правило работает, только когда имеешь дело с неизвестным игроком, – объяснила майор. – Чем больше мы узнаем, тем больше у нас появится вариантов.

Джеймс вздохнула.

– Просто... вы все почему-то предполагаете, что они враждебны. Словно нам достаточно что-нибудь передать им по радио, и они на нас набросятся.

Бейтс пожала плечами:

– Осторожность вполне уместна. Пускай я вояка, но не хочу сердить ребят, которые скачут от звезды к звезде и терраформируют коричневые карлики. Никому здесь не надо напоминать, что «Тезей» – не боевой корабль.

Она сказала «никому», а имела в виду Сараста. Тот, сосредоточившись на своих целях, не ответил. По крайней мере вслух. Его профили изъяснялись другим, неслышным, языком и говорили: «Пока нет».

* * *

Бейтс, кстати, была права. Официально «Тезей» проектировался для разведки, не для боя. Несомненно, наши хозяева предпочли бы нагрузить его не только научным оборудованием, но и ионными пушками да ядерными бомбами, но даже теленигилянионный топливopровод не мог нарушить третий закон Ньютона. Вооруженный прототип пришлось бы разрабатывать очень долго; из-за тяжелой артиллерии, более массивный, он бы разгонялся намного дольше. «Время важнее оружия!» – решили наши господа. Если будет время, то фабрикатopы при необходимости могут построить почти все, что нам нужно. Правда, с нуля воссоздать ионное орудие быстро не получится, и сырье, возможно, придется добывать на астероиде поблизости. Но мы справились бы. Если наши противники согласятся обождать – ради честной игры.

Однако каковы шансы, что наше лучшее оружие окажется эффективным против интеллекта, сотворившего Огнепад? Если неведомые создатели светлячков враждебны, нам конец, как ни старайся. Пришельцы технологически развиты, и были те, кто заверял, что это по определению делает их враждебными. Технология подразумевает агрессию.

Здесь, пожалуй, требуется пояснение, хотя сейчас оно к делу не относится. После стольких лет не мудрено и забыть, с чего все началось...

Жили-были три племени. Оптимисты, чьими святыми покровителями были Саган и Дрейк, верили во Вселенную, кишашую благодушными аборигенами; в духовное братство, которое выше и просвещеннее нас; в великое Галактическое содружество, куда когда-нибудь войдем и мы. «Без сомнения, – говорили Оптимисты, – космические перелеты предполагают миролюбие, ибо требуют контроля над разрушительными силами. Любая раса, не способная подняться над собственными скотскими инстинктами, самоуничтожится задолго до того, как ей будет под силу преодолеть межзвездные бездны».

Напротив Оптимистов жили Пессимисты, преклонявшие колена пред идолищем святого Ферми и сворою его малых присных. Им виделась безлюдная Вселенная, полная мертвых скал и прокариотической слизи. «Шансы очень малы, – настаивали они. – Слишком много блудных планет, слишком высока радиация, а эксцентриситет огромного количества орбит слишком велик. Сам факт существования Земли – это исключительное чудо. Надеяться на их множество

– значит оставить рассудок и предаться шаманскому безумию». В конце концов, Вселенной четырнадцать миллиардов лет: если бы в Галактике зародился не один разум, разве его представители не были бы уже рядом с нами?

На равном отдалении от тех и других обитали Историки. Они не слишком задумывались над возможным появлением разумных инопланетян из дальнего космоса. «Если такие и существуют, – говорили Историки, – пришельцы будут не просто умны, а опасны». Такой вывод может показаться очевидным. Что есть история человечества, как не последовательное движение новых технологий, попирающих старые железной пятой? Но в данном случае речь шла не об истории человечества и не о бесчестных преимуществах, которые орудия давали одной из сторон; угнетенные подхватывают совершенное средство уничтожения так же охотно, как угнетатели – дай им только полшанса! Вопрос заключался в том, откуда вообще взялись орудия и для чего они нужны.

С точки зрения Историков, орудия создавались с единственной целью: придать сущему противоестественные формы. С природой обращались как с врагом, орудия по определению – мятеж против натуры вещей. Технология не выживает и не развивается в благоприятной среде и в культурах, основанных на вере в естественную гармонию. Зачем изобретать термоядерные реакторы, если климат прекрасен, а пища изобильна? Зачем строить крепости, когда нет врагов? Зачем насиловать мир, не представляющий угрозы?

Не так давно человеческая цивилизация могла похвастаться множеством ветвей. Даже в XXI веке отдельные изолированные племена едва додумались до каменных орудий. Некоторые застопорились на сельском хозяйстве. Другие не унимались, пока не покончили с самой природой, третьи – пока не построили города в космосе.

Однако все мы рано или поздно успокаивались. Каждая новая технология стаптывала менее совершенные, карабкаясь к некоей асимптоте довольства, пока не замирала – пока моя родная мать не улеглась личинкой в медовые соты под уход механических рук, лишенная воли к борьбе из-за собственной удовлетворенности.

Вот только история не утверждала, что все должны остановиться вместе с нами. Она лишь предполагала, что остановившиеся переставали бороться за выживание. Могут быть и другие, адские миры, где лучшие творения человечества рассыпались бы, а среда продолжала оставаться врагом; где выживали те, кто сопротивлялся ей острой лопатой и прочной державой. Угроза, которую представляет такая среда, не может быть примитивной. Суровый климат и стихийные бедствия или убивают тебя, или нет, но если их себе подчинить или же к ним приспособиться, они уходят с повестки дня. Единственные факторы среды, которые никогда не теряют значения, – это те, что сопротивляются: новым подходам противопоставляют наинovelейшие, заставляют противника брать невероятные вершины исключительно ради выживания. В конечном итоге, единственный настоящий враг – враг разумный.

А раз лучшие игрушки оказываются в руках у тех, кто никогда не забывает, что жизнь – это война против наделенного разумом противника, что это говорит о племени, чьи машины путешествуют меж звезд?

Резонный довод. Вероятно, он даже принес бы Историкам победу в споре, если бы такие дискуссии когда-либо разрешались на основе аргументов. Заскучавшая аудитория присудила Ферми победу по очкам. Но парадигма Историков была слишком страшна и дарвинистична для народа. Кроме того, интерес пропал. Даже запоздавшие сенсации обсерватории Кэссиди ничего не изменили. Ну и что, если на каком-то шарике в окрестностях Большой Медведицы атмосфера содержит кислород? До него сорок три световых года, и планета молчит! Если тебе нужны летающие шандалы и мессии со звезд, на Небесах этого добра навалом. Если нужен тестостерон и стрелковая практика, можно выбрать посмертие, полное злобных инопланетных тварей со сбитым прицелом. Если же сама мысль о нечеловеческом разуме угрожает твоему

мировоззрению, можно исследовать виртуальную галактику бесхозной недвижимости, только и ждущей случайно проходящих мимо богобоязненных паломников с Земли.

И все это рядом, по другую сторону спинномозговой розетки, которую легко вставить за четверть часа. Зачем тогда терпеть тесноту и вонь в реальном космическом перелете, чтобы навестить прудовую слизь на Европе? Так и случилось неизбежное: зародилось четвертое племя, небесное войско, восторжествовавшее над всеми. Племя, которому На Все Класть С Прибором. И когда на Землю обрушились светлячки, оно не знало, что делать.

Поэтому послали вперед «Тезей» и – в запоздалом почтении к мантрам Историков – вместе с нами отправили солдата (на всякий случай). Было крайне маловероятно, что хотя бы одно дитя Земли выстоит перед теми, кто преодолел межзвездные пространства, если пришельцы окажутся враждебны. И все же я чувствовал, что присутствие Бейтс успокаивает, по крайней мере, человеческую часть команды. Если придется идти врукопашную с недружелюбным тираннозавром, чей интеллект измеряется четырехзначными числами, не мешает иметь под рукой опытного солдата.

В худшем случае, она сможет вырубить копьё из ветки соседнего дерева.

* * *

– Богом клянусь, если нас всех сожрут инопланетяне, спасибо за это надо сказать секте теории игр, – выпалила Саша.

Она перекусывала на камбузе брикетом кускуса. Я наведалься туда за кофеином. Мы остались более-менее наедине: остальной экипаж разметало от купола до фабрики.

– Лингвисты ею не пользуются?

Некоторые, я знал, не испытывали по этому поводу проблем.

– Мы – нет. – «А остальные – шарлатаны». – Беда с ней в том, что теория игр предполагает рациональную заинтересованность игроков. Но люди не ведут себя рационально.

– Раньше предполагала, – подтвердил я. – Сейчас учитывается влияние нейросоциологии.

– Нейросоциологии человека, – Саша отгрызла угол брикета и продолжила с набитым ртом: – Теория игр годится только на рациональных игроков вида *Homo sapiens*. Подумай, относится ли она хоть к кому-нибудь из наших новых знакомых?

Саша махнула рукой в сторону таящихся за корабельной обшивкой архетипических пришельцев.

– У нее есть ограничения, – признал я. – Но приходится пользоваться тем, что имеешь.

Саша фыркнула.

– То есть, если у тебя нет папки с чертежами, то дом своей мечты ты будешь строить по книге неприличных частушек?

– Может, и нет. Но мне теория игр пригодилась, – добавил я, поневоле оправдываясь. – В самых неожиданных областях.

– Да? Например.

– Дни рождения, – ответил я и сразу пожалел об этом.

Саша перестала жевать. В ее глазах что-то мимолетно блеснуло, словно другие личности наводрили уши.

– Продолжай, – заинтересовалась она, и я почувствовал, что ко мне прислушивается вся Банда.

– Ничего особенного. Просто пример.

– Расскажи! – Саша вскинула голову Сюэзен.

Я пожал плечами. Не было смысла раздувать проблему.

– Ну, согласно теории игр, никому нельзя говорить, когда у тебя день рождения.

– Не понимаю.

– Проигрышная ситуация. Нет выигрышной стратегии.

– Что значит «стратегии»? Это же просто день рождения.

Челси, когда я пытался ей объяснить, сказала то же самое.

– Смотри, – говорил я, – предположим, ты всем рассказала, когда у тебя день рождения, и ничего не произошло. Это же оскорбительно.

– Или, предположим, тебе закатили вечеринку, – отозвалась тогда Челси.

– Но ты не знаешь, сделано это искренне, или ты своим сообщением пристыдил знакомых, заставил отметить дату, на которую они иначе забили бы. Но если ты никому не скажешь, и никто не отметит твой день рождения, причин обижаться не будет, потому что никто ничего не знал. А если кто-нибудь все же поставит тебе выпивку, ты поймешь: это от чистого сердца. Ведь никто не станет тратить силы на то, чтобы выяснить, когда у тебя день рождения – а потом еще и отмечать его, – если только ты этим людям в самом деле небезразличен.

Конечно, Банда лучше воспринимала такие вещи. Мне не требовалось объяснять все словами, я мог просто обратиться к КонСенсусу и расчертить таблицу результатов: «сказать/не сказать» в столбцах, «отмечали/не отмечали» в строках, неоспоримая черно-белая логика затрат и выгод в самих ячейках. Расчет был неопровержим – единственной выигрышной стратегией являлось умолчание. Только дураки рассказывают про свой день рождения.

Саша покосилась на меня.

– Ты это еще кому-нибудь когда-нибудь показывал?

– Конечно. Своей девушке.

Ее брови поползли вверх.

– У тебя была девушка? Серьезно?

Я кивнул:

– Когда-то.

– В смысле, после того, как ты ей это показал?

– Ну... да.

– М-м-м, – взгляд Саши скользнул обратно на таблицу результатов. – Чисто из любопытства, Сири: как она к этому отнеслась?

– Никак на самом деле. Поначалу. Потом... долго смеялась.

– Славная женщина. Лучше меня, – Саша покачала головой. – Я бы тебя тут же бросила.

* * *

Моя еженощная прогулка вдоль хребта корабля: восхитительный, дивный полет с единственной степенью свободы. Я проплывал сквозь люки и коридоры, раскидывал руки и кружил в ласковых циклонах вертушки. Бейтс носилась вокруг меня, отбивая отлетающий от переборки и контейнеров мячик, изгибаясь, чтобы поймать каждый крученный рикошет в кривом поле псевдотяготения. Потом ее игрушка отскочила от лестницы куда-то в сторону, и майорская ругань до самого игольного ушка из sklepa в рубку.

Я затормозил у самого порога, меня остановили негромкие звуки голосов.

– Конечно, они прекрасны, – пробормотал Шпиндель. – Это же звезды.

– И, подозреваю, ты хотел бы любоваться ими не в моем обществе, – отозвалась Джеймс.

– Твой номер второй. Но у меня свидание с Мишель.

– Она не предупредила.

– Она не обязана тебе докладывать. У нее спроси.

– Эй, это тело исправно принимает антисекс. А вот про твое не знаю.

– Не надо пошлить, Сюз. Эрос – не единственный вид любви, а? Древние греки признавали четыре.

– То-очно, – определенно сказал уже не Сьюзен. – Бери пример с компании педерастов.
– Саша, твою мать! Я всего-то прошу пару минут наедине с Мишель, пока надсмотрщик отвернулся...

– Изя, это и мое тело тоже. Хочешь и мне пыль в глаза пустить?

– Я хочу поговорить! Наедине. Я так много прошу?

Я услышал, как Саша втянула воздух. И как Мишель выдохнула.

– Извини. Ты знаешь Банду.

– Слава Богу! Всякий раз, как я прошу тебя отпустить, то как будто медосмотр прохожу.

– Тогда тебе повезло, ты им нравишься.

– По-моему, тебе пора устроить переворот.

– Ты всегда можешь подселиться к нам.

Послышался шорох нежного прикосновения.

– Ты как? – спросил Шпиндель. – В порядке?

– Неплохо. Кажется, привыкла заново жить. А ты?

– Я, сколько ни пролежу в гробу, так и останусь калекой.

– Ты молодец.

– Да ну? Мерси... Стараюсь.

Короткая пауза. Тихонько бурчит себе под нос «Тезей».

– Мама была права, – проговорила Мишель. – Они прекрасны.

– Что ты видишь, когда смотришь на них? – и, спохватившись: – Я хочу сказать...

– Они... колючие, – отозвалась Мишель. – Поверну голову – и словно ленты тоненьких иголочек прокатываются по коже. Но не больно, только щиплет. Почти как электричество. Приятно.

– Жалко, я так не умею.

– У тебя есть интерфейс. Просто подключи камеру вместо зрительной коры к теменной доле.

– И узнаю, как ощущает зрение машина, так? Не то, как его ощущаешь ты.

– Исаак Шпиндель, ты – романтик.

– Не-а.

– Ты не хочешь знать, ты хочешь сохранить тайну.

– Если ты не заметила, у нас на руках уже больше тайн, чем мы в состоянии удержать.

– Да, но с этим ничего не поделаешь.

– Как сказать... Глазом моргнуть не успеешь, и у нас будет работы по уши.

– Думаешь?

– Об заклад бьюсь, – отозвался Шпиндель. – Пока же мы только издали подглядывали, так? А вот когда спустимся и поворошим палкой, начнется самое интересное.

– Для тебя – может быть. В этой каше должно быть что-то живое, раз там столько органики.

– Само собой. Ты будешь с ними болтать, я – брать у них анализы.

– Может, и нет. Я что хочу сказать: мамуля в этом не признается никогда, но насчет языка ты в чем-то прав. По сути он – уловка, трюк. Все равно, что описывать сновидения дымовыми сигналами. Язык великолепен, благороден – ничего лучше человеческого тело, наверное, не может совершить. Однако нельзя без потерь превратить закат в цепочку похрюкиваний. Язык ограничивает. Может, те, кто обитает внизу, им вовсе не пользуются?

– Куда же они денутся?

– С каких пор такие мысли? Ведь ты обожаешь нам указывать, насколько неэффективна штука язык.

– Только когда пытаюсь тебя достать. Или достать до твоих прелестей. – Он усмехнулся собственной шутке. – А серьезно, чем еще они могут пользоваться? Телепатией? Мне кажется,

ты охнуть не успеешь, как тебя иероглифами засыплет с головой. И что еще лучше, ты расколешь их в два счета.

– Ты такой милый... но вряд ли. Я даже Юкку через раз не могу расшифровать, – Мишель примолкла на секунду. – Временами он меня... ну... доводит.

– Тебя и еще семь миллиардов человек.

– Ага. Знаю, это глупо, но когда его нет рядом, я краем глаза постоянно высматриваю, где он прячется. А когда он стоит прямо передо мной, мне хочется куда-нибудь убежать.

– Он же не виноват, что у нас от него мурашки по коже.

– Знаю. Но боевого духа это не прибавляет. Какому такому гению пришла в голову идея поставить тут главным вампира?

– А куда его еще девать? Или ты хочешь им командовать?

– Дело даже не в том, как он двигается, а в том, как говорит. Как-то совершенно неправильно.

– Ты же знаешь, он...

– Я не про настоящее время или смычные звуки. Юкка... ты же слышал, как он изъясняется. Кратко.

– Так эффективнее.

– Это напускное, Исаак. Он умнее всех нас, вместе взятых, а выражается порой так, будто его словарный запас состоит из полсотни слов, – она тихо фыркнула. – Одно-два прилагательных в месяц его не убили бы.

– А-а! Ты так говоришь потому, что ты – лингвист и не понимаешь, как можно не погрязнуть в красотах языка, – Шпиндель откашлялся с напускной серьезностью. – А вот я – биолог, и для меня все очевидно.

– Да ну? Тогда объясни мне, о, мудрый и всеславный потрошитель лягушек!

– Все просто. Кровосос – мигрант, а не резидент.

– Что за... А, ты про касаток, да? Диалекты языка свистов?

– Я сказал – забудь про лингвистику и подумай об образе жизни. Резиденты питаются рыбой, так? Они тусуются большими стаями, на одном месте и постоянно треплются, – я уловил шорох движения и представил, как Шпиндель, склонившись, кладет руку на плечо Мишель. Как сенсоры в перчатках подсказывают ему, какова она на ощупь. – А вот мигранты жрут млекопитающих: тюленей, морских львов – сообразительную добычу. Достаточно сообразительную, чтобы смыться, услышав всплеск плавника или серию щелчков. Поэтому мигранты хитрят, охотятся маленькими группами по всей территории, а пасть держат на замке, чтобы никто не услышал их загодя.

– И Юкка – мигрант?

– Инстинкты этого парня требуют, чтобы он скрывался от добычи. Всякий раз, когда он открывает рот и позволяет себя заметить, ему приходится воевать с собственным спинным мозгом. Может, не стоит быть слишком суровыми к старику лишь потому, что он не лучший в мире демагог, а?

– Всякий раз на инструктаже он борется с желанием нас сожрать? Очень обнадеживает. Шпиндель тихо рассмеялся.

– Не так все страшно. Думаю, наевшись, даже касатки расслабляются. Зачем таиться на полный желудок?

– Значит, он не сражается с собственным спинным мозгом, а просто не голоден.

– Одно другого не исключает. Знаешь, мозг никогда не спит. Но я тебе вот что скажу, – игривые нотки в голосе Шпинделя пропали. – Если Сараста решает провести совещание из своей каюты, меня это не напрягает. Но если мы вообще перестанем с ним сталкиваться, тогда наступит пора держаться спиной к стене.

* * *

Вспоминая тот эпизод, могу, наконец, сознаться: я завидовал способности Шпинделя обращаться с дамами. Битый-резанный, неуклюжее чучело из судорог и спазмов, едва чувствующее собственную кожу, он каким-то образом ухитрялся оставаться... обаятельным. Это самое точное слово! Данное качество устарело с точки зрения социальной необходимости, сошло «на нет» вместе с парным неvirtуальным сексом. Но последним даже я занимался, и было бы здорово при необходимости владеть самоуничжительным даром Шпинделя. Особенно, когда наши с Челси отношения стали трещать по швам.

Конечно, у меня был свой стиль, я пытался казаться обаятельным на свой лад. Как-то после очередной ненужной ссоры по поводу честности и эмоциональной манипуляции, я подумал, что легкое чувства юмора поможет загладить разрыв. Мне уже приходило в голову, что Челси просто не разбирается в межполовых отношениях. Да, она зарабатывала на жизнь коррекцией мозгов, но, скорее всего, лишь заучила схемы проводки, не задумываясь, откуда те появились и какие правила естественного отбора их сформировали. Возможно, Челси искренне не понимала, что мы с ней – эволюционные враги, и любые связи обречены рваться. Если бы я мог вложить это озарение в ее голову – очаровав, проскользнуть сквозь ее защиту – вероятно, мы смогли бы удержаться вместе.

Поразмыслив, я придумал идеальный способ просветить Челси. Написал сказку на ночь, обезоруживающую весельем и глубоким чувством, и назвал ее

Книга овогенеза.

В начале были гаметы. И хотя уже явилось половое размножение, пола не существовало, всякая жизнь пребывала в равновесии.

И сказал Бог: «Да будет Сперматозоид!» – и усохли одни половые клетки, и стали дешевы, и заполонили рынок.

И сказал Бог: «Да будет Яйцеклетка!» – и великим множеством напали Сперматозоиды на другие половые клетки. И плоды из них приносили немногие, ибо не заботился Сперматозоид о пропитании зиготы малой, и только самые запасливые Яйцеклетки были способны возместить недостачу. С течением времен они становились все больше.

И поместил Господь Яйцеклетки в утробу, и заповедовал: «Здесь пребывайте, ибо на недвижимость обрекла вас величина ваша. Так пусть же Сперматозоид стремится к вам в палатах ваших. Отныне да будете вы оплодотворяться внутренне», – и стало так.

И сказал Господь гаметам: «Плоды слияния вашего да обитают пусть во средах всяких и облик всякий принимают. Пусть дышат они воздухом, и водою, и сернистой грязью источников гидротермальных. Но заповеди моей единственной не забывайте, неизменной от начала времен: распространяйте гены свои».

Так явились в мир Сперматозоид и Яйцеклетка. И сказал Сперматозоид: «Мал я, и многочислен, и заповедь Господню исполню верно, коли рассеюсь повсюду. Стану я вечно искать новых партнеров и оставлять их в тягости, ибо многочисленны чрева, а время быстротечно». Но молвила Яйцеклетка: «Бремя размножения тяготит меня. Суждено мне вынашивать плоть, лишь наполовину мою, нести и кормить ее, даже когда та покинет палаты мои», – ибо к тому часу многие тела Яйцеклетки наделены были теплой кровью и мягкой шерстью. «Малочисленны дети мои, и должна я посвятить им себя и защищать от напасти. Так пусть же поможет мне в том Сперматозоид, ибо в том его вина. И пускай он стремится от объятий моих, не дозволю я ему блудить и возлежать с конкурентками моими».

И не понравилось то Сперматозоиду.

И улыбнулся Господь, ибо заповедь его вовлекла Сперматозоид и Яйцеклетку в войну друг с другом, коя не прекратится до того дня, когда оба они станут рудиментами.

Однажды сумрачным вечером, во вторник я подарил Челси цветы. Припомнил нелепую старинную традицию – преподносить в качестве совокупительного дара отрезанные гениталии другого вида. А когда мы собрались заняться сексом, рассказал ей эту историю. По сей день не знаю, что пошло не так...

* * *

Стеклянный потолок всегда в тебе.
Стеклянный потолок – это сознание.
*Джейкоб Хольцбринк. Ключи к планете*²⁹

До нашего отлета с Земли ходили слухи о четвертой волне: будто за нами по пятам следует флот космических дредноутов – на случай, если пушечное мясо в авангарде столкнется с чем-то скверным. Или посольский фрегат с кучей политиков и бизнесменов, готовых орудовать локтями, но пробиться в первые ряды, если инопланетяне окажутся дружелюбными. Неважно, что на Земле не было ни космических дредноутов, ни посольских кораблей; «Тезея» до Огнепада тоже не существовало. Никто не сообщал нам о таких планах, но ведь солдатам на передовой никогда не объясняют общую картину: чем меньше они знают, тем меньше могут выдать.

Я до сих пор не в курсе, существовала ли четвертая волна. Никаких признаков ее приближения я не замечал, если мои наблюдения, конечно, чего-то стоят. Может, мы оставили их барахтаться по дороге к объекту Бернса-Колфилда. А может, они следовали за нами до самого Большого Бена, подкрались достаточно близко, чтобы понять, с чем мы столкнулись, и унесли ноги, когда стало жарко.

Мне любопытно, что случилось на самом деле, и добрались ли они до дома.

Оглядываюсь – и надеюсь, что нет.

Под ребра «Тезею» врезалась железная туша. Низ качнулся точно маятник. Шпиндель в другом конце вертушки вскрикнул, словно обжегшись. Я едва не ошпарился – вскрывал в кубрике грушу с горячим кофе.

«Ну, началось! – подумал я. – Мы подошли слишком близко, и они открыли огонь».

– Какого?..

На общей линии вспыхнул огонек – Бейтс подключилась из рубки.

– Только что врубился маршевый. Меняем курс.

– Куда? Зачем? Кто приказал?

– Я, – ответил Сараста, показавшись в дверях.

Все замолчали. Сквозь кормовой люк в вертушку просачивался скрежет. Я пинганул систему промразверстки «Тезея»: фабрика перенастраивалась на массовое производство легированной керамики.

Радиационная защита. Твердый, плотный материал, массивный и очень простой, в отличие от управляемых магнитных полей, на которые мы обычно полагались.

Из своей палатки, моргая спросонья, выбралась Банда.

– Какого хрена? – проворчала Саша.

– Смотрите!

Сараста потянулся к КонСенсусу и встряхнул его.

²⁹ Источник вымышленный.

Не инструктаж – ураган: гравитационные колодцы и орбитальные траектории, симуляции касательного напряжения в аммиачно-водородных грозowych тучах; стереоскопические ландшафты, погребенные под фильтрами всех длин волн, от радио до гамма-излучения. Я видел точки излома, точки перегиба и нестабильные равновесия; складки катастроф в пятимерном пространстве. Нарастивания с трудом переваривали такой объем информации, а биологический полумозг с трудом осознавал краткое резюме.

Там, внизу, на самом виду, что-то пряталось.

Аккреционный пояс Бена вел себя скверно, но простым глазом его хулиганство было не заметить. Сараста пришлось проанализировать траектории чуть ли не всех планетезималей³⁰, камней и крупинок. И ни он, ни их с Капитаном совместный интеллект не могли назвать эту круговерть следствием некоего давнего возмущения. Пыль не оседала; ее часть маршировала по указке чего-то, что даже сейчас протягивало невидимую руку с вершин облачного слоя и срывало обломки с орбиты.

Не все обломки находили цель. Экваториальный пояс Бена постоянно мерцал практически мимолетными метеорными вспышками, гораздо более слабыми, чем яркие следы скиммеров. Однако все упавшие камни не вписывались в распределение частот. Казалось, временами отдельные куски орбитального мусора просто выпадают в параллельную Вселенную, или что-то проглатывает их в нашей. Объект вращался вокруг Бена с периодом в сорок часов; так низко, что едва не касался атмосферы, и не был замечен ни в видимом свете, ни в инфракрасном, ни в радиодиапазоне. Он остался бы нашей фантазией, если бы один из скиммеров огненным следом не прожег под ним атмосферу прямо на глазах у «Тезея».

Этот кадр Сараста зафиксировал и увеличил: яркий инверсионный след пересекал наискось вечную ночь Бена, на полпути неожиданно сползал на пару градусов левее и возвращался в прежнее положение, практически выходя из поля зрения корабля. На снимке виднелся луч застывшего света, а посередине хорошо просматривался сегмент. Там, где скиммер отклонился в сторону примерно на ширину волоса.

Сегмент длиной девять километров.

– Вот замаскировался, – ошарашенно пробормотала Саша.

– Не слишком удачно, – Бейтс вынырнула из переднего люка и поплыла по ходу вращения корабля. – В отраженном свете предмет вполне прилично виден, – на полпути к палубе она зацепилась за перила лестницы, по инерции развернулась ногами вниз и опустилась на ступеньки. – Почему мы не засекли его раньше?

– Слабая освещенность, – предположил Шпиндель.

– Но дело же не только в инверсионных следах. Посмотри на тучи, – действительно, на облачном покрове Бена можно было различить такие же еле заметные искажения.

Бейтс ступила на палубу и шагнула к столу:

– Следовало раньше заметить.

– Остальные зонды артефакта не наблюдают, – отметил Сараста. – А этот приближается под более широким углом: двадцать семь градусов.

– Углом к чему? – переспросила Саша.

– К линии, – пробормотала Бейтс, – между ними и нами.

На тактической диаграмме все видно: «Тезей» падал к планете по предсказуемой дуге, но сброшенные нами зонды не замораживались гомановскими орбитами³¹ – они мчались отвесно вниз, всего на пару градусов отклоняясь от гипотетической линии, соединяющей корабль с центром Большого Бена.

³⁰ *Планетезимали* – небольшие тела из льда и камня диаметром от нескольких метров до нескольких километров, образующиеся в кольцевых облаках газа и пыли.

³¹ *Гомановские орбиты* (трансферные орбиты Гомана-Ветчинкина) – эллиптические орбиты, позволяющие переходить с одной круговой орбиты на другую с минимальными энергетическими затратами.

Кроме одного. Он зашел со стороны и разоблачил фокус.

– Чем дальше от нашего курса, тем очевиднее расхождение, – нараспев произнес Сараста. – Полагаю, в плоскости, перпендикулярной траектории движения «Тезея», объект виден отчетливо.

– Значит, мы в слепом пятне? Увидим его, если сменим траекторию?

Бейтс покачала головой.

– Это слепое пятно движется, Саш. Оно...

– Отслеживает нас, – Саша втянула воздух сквозь зубы. – С-сука.

Шпиндель вздрогнул.

– Так что это такое? Наша фабрика скиммеров?

Пиксели стоп-кадра зашевелились. Из буйных вихрей и облачных завитушек атмосферы прорезалось нечто зернистое и невнятное. Всюду кривые, шипы, и ни одной ровной линии; не определить, что в форме объекта настоящее, а что – фрактальное влияние облачного слоя внизу. Общими очертаниями он походил на тор или сборище мелких угловатых предметов, нагроможденных неровным кольцом. К тому же пришелец обладал колоссальными размерами: девять километров поплывшего инверсионного следа едва коснулись периметра объекта, срезавав сорок или пятьдесят градусов дуги. Эта штукавина, скрытая в тени десяти Юпитеров, имела в диаметре почти тридцать километров.

Корабль прекратил ускорение где-то посреди доклада Сарасты. Низ и верх вернулись на свои места. А мы – нет. До этого еще сомневались, думали, может надо, может нет, но теперь это осталось в прошлом; мы взяли курс на цель и плюнули на возможные опасности.

– Э, оно размером тридцать кэмэ, – напомнила Саша. – И невидимое. Разве нам не стоит вести себя осторожнее?

Шпиндель пожал плечами.

– Если бы мы могли предугадывать решения вампиров, они бы нам не потребовались, так?

Пакет данных развернулся новой гранью. Гистограммы частотного распределения и спектральные гармоники раскрылись плывущими горными хребтами, целым оркестром видимого света.

– Модулированный лазерный луч, – доложила Бейтс.

Шпиндель поднял голову:

– Оттуда?

Бейтс кивнула:

– Сразу, как мы его раскололи. Интересное совпадение.

– Устрашающее, – пробормотал Шпиндель. – Как они узнали?

– Мы сменили курс. Идем прямо на них.

Световое шоу стучалось к нам в окна.

– Что бы это ни было, – вымолвила Бейтс, – оно с нами разговаривает.

– Ну, тогда, – заметил приятный голос, – без сомнения, нам следует поздороваться.

У руля вновь стояла Сьюзен Джеймс.

* * *

Я остался единственным наблюдателем.

Остальные занимались делом, каждый своим. Шпиндель прогонял отслеженный Сарасты смутный силуэт через серию фильтров, надеясь выжать из вида техники хоть какие-то сведения о биологии ее создателей. Бейтс сравнивала морфологию замаскированного объекта и скиммеров. Сараста наблюдал за всеми нами с высоты и думал свои вампирские думы; столь

глубокие, что мы даже не надеялись с ним сравняться. Но все это была суета, ведь к рампе вышла Банда четырех под талантливым руководством Сьюзен Джеймс.

Она подхватила ближайшее кресло, опустилась в него и подняла руки, будто собралась дирижировать. Ее пальцы металась в воздухе, играя на виртуальных иконках; губы и челюсть подергивались от произнесенных команд. Я подключился к ее каналу и увидел, как сигналы чужаков обрастают текстом:

«„Роршах“ вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«„Роршах„вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«„Роршах“ вызывает судно, приближа...»

Она расшифровала чертов сигнал. Уже! И даже ответила:

«Тезей» – «Роршаху»: «Привет, „Роршах“».

«Привет, „Тезей“. Добро пожаловать в наши края».

Она расколола его меньше, чем за три минуты. Или, вернее, они раскололи его меньше, чем за три минуты: четыре расщепленных личности, полностью независимых друг от друга, и несколько дюжин подсознательных семиотических модулей; все – действующие параллельно и высеченные с дивной ловкостью из одного куска серого вещества. Я даже стал понимать, почему кто-то сознательно идет на такое насилие над собственным рассудком. Какие результаты! До этого момента я не был уверен, что согласился бы на подобное даже ради спасения собственной жизни.

«Просим разрешения на сближение», – отправила сообщение Банда четырех. Просто и открыто: только факты и данные, больше ничего, как можно меньше места для двусмысленности и недопонимания. Причудливые концепции, вроде «мы пришли с миром», подождут. Первый контакт – не время для культурного обмена.

«Вам стоит держаться подальше. Seriously. Это опасное место».

Это привлекло внимание. Бейтс и Шпиндель после минутного колебания выглянули из своих рабочих пространств в виртуальность Джеймс.

«Запрашиваем данные о характере опасности», – отправила сообщение Банда. Мы по-прежнему держались конкретных тем.

«Слишком близко и опасно для вас, трудности на низких орбитах».

«Просим информацию по трудностям на низких орбитах».

«Обстановка летальная. Метеориты и радиация. Как хотите. Я справляюсь, но нам так нравится».

«Нам известно о метеоритной угрозе. Мы оснащены средствами защиты против радиации. Просим информацию о других опасностях».

Не удовлетворившись переводом, я решил посмотреть на оригинал. Судя по цветовой кодировке, «Тезей» преобразовал часть входящих сигналов в звуковые волны. Значит, голосовая связь. Они с нами разговаривали! Под бегущими символами таились нагие звуки инопланетной речи.

Конечно, я не устоял.

– Между друзьями – сколько угодно. Вы тут из-за праздника?

Английский. Мужской голос. Старческий.

– Мы – исследователи, – ответила Банда, хотя голос принадлежал «Тезею». – Должны установить диалог с существами, направившими объекты в околосолнечное пространство.

– Первый контакт – подходящая причина для праздника.

Я дважды проверил источник информации. Нет, это был не перевод. Я слышал реальный, необработанный сигнал, исходящий с... «Роршаха», как оно себя называло. Во всяком случае, часть передачи, поскольку луч содержал и другие, неакустические, элементы. Я проглядывал, какие именно, когда Джеймс заговорил:

– Запрашиваем информацию о вашем празднике. Стандартный межкорабельный протокол установления связи.

– Вам интересно? – теперь голос стал сильнее, моложе.

– Да.

– Правда?

– Да, – терпеливо повторила Банда.

– Кто ты? Мимолетное колебание.

– Говорит «Тезей».

– Это я знаю, источник, – теперь по-китайски. – Кто ты? – голос не изменил тональность, но каким-то образом стал неуловимо жестче.

– Говорит Сьюзен Джеймс. Я...

– Тебе здесь не понравится, Сьюзен. Все дело в фетишистских религиозных верованиях. Тут проводят опасные ритуалы.

Джеймс пожевала губу.

– Просим разъяснений. Ритуалы представляют для нас опасность?

– Безусловно, могут.

– Просим разъяснений. Опасны ритуалы или среда на низких орбитах?

– Среда нарушений. Следует быть внимательнее, Сьюзен. Невнимательность подразумевает безразличие, – передал «Роршах». И миг спустя добавил: – Или неуважение.

* * *

У нас оставалось четыре часа, прежде чем Большой Бен заслонит объект. Четыре часа непрерывного, безостановочного общения, оказавшегося гораздо проще, чем мы предполагали. Оно говорило на земном языке и регулярно выражало вежливую озабоченность нашим благополучием. И все же, несмотря на бойкую речь, практически ничего о себе не рассказало. За четыре часа объект умудрился не дать прямого ответа ни на один вопрос ни по одной теме, если не считать крайнее нежелание вступать с нами в тесный контакт. К моменту, когда наступило затмение, мы так и не выяснили почему.

В середине разговора на палубу свалился Сараста. Его ноги не касались лестницы. Вампир протянул руку и вцепился в поручень, чтобы избежать падения; слегка пошатнулся. Если бы такой трюк вздумал проверить я, закончил бы плачевно, летал бы по отсеку, как галька в бетономешалке.

Он же замер статуей до конца сеанса связи. Лицо каменное, глаза скрыты за обсидиановым забралом очков. Когда сигнал с «Роршаха» оборвался на полу фразе, вампир жестом созвал нас к общему столу.

– Оно разговаривает, – произнес он.

Джеймс кивнула:

– Объект практически не дает нам информации, лишь просит держаться на расстоянии. До сих пор голос принадлежал взрослому мужчине, хотя его возраст несколько раз менялся.

Это Сарасты и сам слышал.

– Структура сигнала?

– Межкорабельные протоколы выполнены идеально. Словарный запас объекта довольно обширный, такой не реконструируешь, подслушав стандартный пилотский треп за несколько рейсов. Скорее всего, они отслеживают весь наш внутрисистемный трафик – я бы сказала, в течение нескольких лет. С другой стороны, наблюдая за средствами массовой информации, они могли бы накопить словарный запас побольше. Поэтому, вероятно, прибыли к нам уже после эпохи радиовещания.

– Насколько уверенно они пользуются нашим языком?

– Владеют грамматикой, строят фразы, поддерживают внутритекстовую зависимость. Глубина рекурсии по Хомскому ³² – не меньше четырех, и я не вижу причин, по которым она не может стать еще больше при продолжительном контакте. Они не поугаи, Юкка, знают правила. Взять хотя бы имя...

– «Роршах», – пробормотала Бейтс, под хруст костяшек стискивая свой любимый мячик. – Интересный выбор.

– Я проверила список кораблей. На марсианской петле есть анкат ³³ – грузовик с таким названием. То, что говорило с нами, должно быть, относится к своему объекту, как мы – к космическому кораблю, и название подобрало соответствующее.

В соседнее со мной кресло рухнул Шпиндель, только что с камбуза. Груша с кофе колыхалась в его руке, точно желе.

– Именно это название из всех кораблей в Солнечной системе? Слишком символично для случайно выбранного имени.

– Не думаю, что их выбор случаен. Необычное название вызывает комментарии; пилот «Роршаха» выходит на связь с другим кораблем, в ответ слышит: «Ничего себе! Интересное у тебя имечко», – и начинает импровизировать, попутно вспоминая историю происхождения имени, а сам разговор продолжается в эфире. Тот, кто слышит эту болтовню, может не только уловить название и предмет, к которому оно относится, но и по контексту отчасти понять значение. Вероятно, наши инопланетные друзья перебрали таким образом половину реестра и решили, что для неведомого объекта лучше подойдет название «Роршах», чем, допустим, космолет «Джейми Мэтьюз».

– Территориальны и умны. – Шпиндель поморщился, вытаскивая кружку из-под кресла. – Шикарно!

Бейтс пожала плечами.

– Территориальны – может быть. Но не обязательно агрессивны. Я вообще сомневаюсь, что они смогут причинить нам вред. Даже если захотят.

– А я нет, – отрубил Шпиндель. – Эти их скиммеры...

Майор отмахнулась:

³² Согласно теории Ноама Хомского, ключевым отличием языка («дара речи» в узком понимании) от всех других форм коммуникации является рекурсия – способность формулировать высказывания, включающие самих себя. Глубина рекурсии – количество вложенных друг в друга рекурсивных высказываний.

³³ *Анкат* – термоядерный реактивный двигатель, использующий антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

– Большие суда маневрируют медленно. Если они решат поиграть с нами в бильярд, мы узнаем об этом заранее. – Она окинула нас взглядом. – Послушайте, неужели только мне одной это кажется странным? Они обладают технологиями межзвездного масштаба, позволяющими проводить косметический ремонт газовых гигантов и строить метеориты как цирковых слонов, и тем не менее прячутся? От нас?

– Если только рядом нет кого-то еще, – неуверенно предположила Джеймс.

Бейтс покачала головой:

– Маскировка была направленной. Пришельцы прятались именно от нас, а не от кого-то другого.

– И даже мы их раскусили, – добавил Шпиндель.

– Именно! Так что они переходят к плану «Б», который пока сводится к блефу и невнятным угрозам. Я хочу сказать, что они ведут себя явно не как великаны. Поведение «Роршаха» кажется... импровизацией. По-моему, они нас не ждали.

– Ну, да, конечно! Объект Бернса-Колфилда был...

– Пока не ждали.

– А, – выдавил Шпиндель, переваривая ее слова.

Майор провела ладонью по бритому затылку.

– С какой стати им считать, будто мы просто так повернем назад, узнав, что нас надули? Конечно, мы начнем поиски. Объект Бернса-Колфилда, скорее всего, задумывался как временная мера; на их месте я бы сразу планировала, что мы сюда доберемся рано или поздно. Но они, по-моему, просчитались. Мы явились раньше предполагаемого времени и застали врага со спущенными штанами.

Шпиндель вскрыл грушу и вытряхнул ее содержимое в кружку.

– Для таких умников не слишком ли большой просчет, а? – От соприкосновения с дымящейся жидкостью на кружке расцвела голограмма, слабым сиянием поминая Эпицентр атомного взрыва в Газе. Вертушку заполнил аромат пластифицированного кофе. – Особенно после того, как они нас картировали с точностью до метра.

– Ну, и что они видели? Анкат-приводы? Солнечные паруса? Корабли, которые будут годами добираться до пояса Койпера и лишены запасов топлива, чтобы отправиться дальше. Теленигиляция на тот момент существовала только на симуляторах «Боинга» и в виде полуджины прототипов. Заметить нелегко. Должно быть, они решили, что одной обманки хватит, и теперь у них столько времени, сколько нужно.

– Для чего? – спросила Джеймс.

– Для чего нужно, – отрезала Бейтс. – Так что мы оказались в первых рядах.

Шпиндель отсалютовал ей кружкой в нетвердой руке и сделал глоток. Кофе колыхался в темнице, под квёлым тяготением вертушки коричневая поверхность шла волнами и горбами. Джеймс еле заметно, но неодобрительно поджала губы. Технически открытые сосуды для жидкостей в зонах переменной гравитации запрещались даже людям, не страдавшим, как Шпиндель, проблемами с координацией.

– Значит, они блефуют, – протянул он наконец.

Бейтс кивнула.

– Я считаю, «Роршах» еще не достроен. Возможно, мы имеем дело с автоматической защитной системой.

– Значит, на таблички «По траве не ходить» можно не обращать внимания? Ломиться напрямую?

– Мы можем дожидаться удачного момента и не давить на них.

– А... То есть сейчас мы могли бы с ним управиться, но ты хочешь подождать, пока «Роршах» из незаметного превратится в неуязвимого. – Шпиндель вздрогнул и отставил кофе. – Где тебе погоны давали? В академии равных возможностей?

Бейтс пропустила подкол мимо ушей.

– Лучшей причиной оставить «Роршах» в покое может быть именно то, что он до сих пор растет. Мы понятия не имеем, как может выглядеть... взрослая, наверное... да, взрослая форма объекта. Да, он скрывался от нас. Многие животные, вполне безобидные, прячутся от хищников. Особенно детеныши. Да, он... отвечает уклончиво. Не дает ответов, которых мы ждем. А вам не приходило в голову, что он не знает ответов? Вы смогли бы допросить человеческий эмбрион? Взрослая особь может вести себя совсем иначе.

– Взрослая особь может нам жопу на уши натянуть.

– Эмбрион с тем же успехом может навалить «Тезею» по полной. – Бейтс закатила глаза. – Господи, Исаак, ты же биолог! Не мне тебе напоминать, сколько пугливых зверюшек огрызается, если загнать их в угол. Дикобраз на ссору не напрашивается, но если пропустишь предупреждение мимо ушей, получишь полную морду иголок.

Шпиндель молча отодвинул кружку в сторону по вогнутому столу, так далеко, как мог дотянуться. Жидкость не выливалась: темный кружок остался параллелен кромке поверхности, только слегка наклонился в нашу сторону. Мне даже показалось, что я могу уловить еле заметный прогиб поверхностной пленки. Исаак слегка улыбнулся, глядя на произведенный эффект.

Джеймс откашлялась:

– Я ни в коей мере не преуменьшаю твоих опасений, Исаак, но мы еще не исчерпали все возможности дипломатического пути. «Роршах», по крайней мере, согласен общаться с нами, хотя и не так откровенно, как хотелось бы.

– Ну, да, он разговаривает, – согласился Шпиндель, не отрывая глаз от перекошенной кружки. – Но не как мы.

– Нет, конечно. Есть некоторые...

– Он не просто увिलивает от ответов, а временами жутко косноязычен. Заметила? И путается в местоимениях.

– Ну, если учитывать, что язык он освоил исключительно методом пассивного подслушивания, «Роршах» на удивление красноречив. По моим наблюдениям, они обрабатывают речевые сигналы гораздо эффективнее, чем мы.

– Это точно! Чтобы так юлить, чужой язык надо знать в совершенстве.

– Будь они людьми, я бы с тобой согласилась, – ответила Джеймс. – Но то, что нам кажется обманом или уловкой, так же легко объясняется опорой на малые концептуальные единицы.

– Концептуальные единицы?

Бейтс, как я начал понимать, никогда не требовала пояснений от КонСенсуса, если этого можно было избежать. Джеймс кивнула.

– Все равно, что обрабатывать строку текста слово за словом, а не рассматривать фразу целиком. Чем меньше единицы, тем быстрее они перестраиваются; на выходе это дает молниеносные семантические рефлексы. С другой стороны, становится труднее поддерживать уровень логической связности: при перетасовке связи в масштабных структурах теряются.

– Оп-па! – Шпиндель выпрямился, забыв о жидкости и центробежной силе.

– Я лишь хочу сказать, что мы не обязательно имеем дело с сознательным обманом. Существо, которое обрабатывает информацию в одном масштабе, может не замечать нестыковки в другом. Оно может вообще не воспринимать этот масштаб сознательно!

– Это не все, что ты хочешь сказать.

– Исаак, нельзя применять человеческие нормы к...

– А я-то все гадал, к чему ты клонишь...

Шпиндель нырнул в стенограммы и миг спустя выдернул оттуда отрывок:

«Запрашиваем информацию о среде, которую вы считаете летальной.»

Запрашиваем информацию о вашем отклике на неизбежное попадание в летальную среду».

«Рады исполнить. Но ваше понимание летального отличается от нашего. Существует немало переменчивых обстоятельств».

– Ты его испытывала! – воскликнул Шпиндель и причмокнул губами. Его челюсть подергивалась. – Рассчитывала на эмоциональную реакцию.

– Просто идея. Она ничего не доказывает.

– Была разница? Во времени отклика?

Джеймс чуть помедлила с ответом, затем покачала головой:

– Идея дурацкая. Слишком много переменных, и мы понятия не имеем, как они... Я хочу сказать, они же – не люди...

– Классическая патология.

– Какая патология? – спросил я.

– Это ничего не значит, кроме того, что они не вписываются в человеческий стандарт, – настаивала Джеймс. – Сам по себе этот факт – не повод смотреть на них сверху вниз, особенно здесь присутствующим.

Я попробовал снова:

– Какая патология?

Джеймс покачала головой.

– Есть один синдром, ты мог о нем слышать, – подсказал Шпиндель. – Говорливые, бесовестные, склонные противоречить самим себе и играть словами. Лишенные сочувствия.

– Речь идет не о человеческих существах, – вполголоса повторила Джеймс.

– Но если бы шла, – возразил Шпиндель, – то «Роршаха» можно было бы назвать клиническим социопатом.

На протяжении всего разговора Сараста не издал ни звука. Теперь, когда слово повисло в воздухе, я заметил, что остальные стараются на него не смотреть.

* * *

Конечно, мы все знали, что Юкка Сараста – социопат. Но большинство из нас не упоминало об этом в приличном обществе.

Шпинделя вежливость никогда не сдерживала. А может, казалось мне, он почти понимал вампира; мог смотреть сквозь чудовище и видеть организм, такой же продукт естественного отбора, как человеческая плоть, которой за прошедшие эпохи монстр сожрал немало. Эта перспектива как-то успокаивала Шпинделя. Он смотрел, как Сараста наблюдает за ним, и не ежился.

– Жалко мне сукина сына, – признался он однажды, еще во время тренировок.

Некоторым такая реакция показалась бы нелепой. Человек, сращенный с машиной настолько сильно, что его собственные двигательные навыки разрушались при недостаточном уходе и техобслуживании; человек, слышавший рентген и видевший в оттенках ультразвука, настолько искалеченный модификациями, что не мог даже кончики своих пальцев чувствовать без посторонней помощи, способен жалеть кого-то другого, не говоря о хищнике, созданном убивать людей без малейшего угрызения совести?

– Сочувствие к социопатам – не самая распространенная черта, – заметил я.

– Может, и зря. Мы, по крайней мере, – он взмахнул рукой, какой-то дистанционно управляемый блок датчиков в другом конце симулятора рефлексивно загудел и повернулся, – сами выбрали свои модификации. А вампирам приходится быть социопатами. Они слишком похожи

на свою добычу, многие систематики даже в подвид отказываются их записывать. Они так и не отошли от нас достаточно далеко для полной репродуктивной изоляции. Так что вампир – это скорее синдром, чем другая раса. Просто банда каннибалов поневоле с характерным набором отклонений.

– И каким образом это...

– Если твоя единственная пища – собственные сородичи, от сочувствия ты избавишься первым делом. Для них психопатия – не расстройство, понимаешь? Лишь стратегия выживания. Но у нас от них до сих пор мурашки по коже, поэтому мы их... сковываем.

– Думаешь, стоило исправить крестовый глюк?

Все знали, почему этого никто не сделал. Только дурак может воскресить чудовище, не поставив предохранитель. У вампиров он встроенный: без антиевклидиков Сарастии рухнет в эпилептическом припадке, стоит ему увидеть первую же оконную раму на четыре створки.

Но Шпиндель покачал головой.

– Мы не могли его исправить. Вернее, могли, – поправился он, – но ведь глючит зрительная кора, так? Дефект связан с их универсавантизмом³⁴. Исправь его и отключишь их способности к распознаванию образов. Тогда какой смысл их вообще воскрешать?

– Не знал.

– Ну, это официальная версия, – он замолчал на секунду и криво ухмыльнулся. – Хотя, с другой стороны, метаболизм протокадеринов мы им подправили без труда.

Пришлось заполнять пробел в образовании. Ориентируясь на контекст, КонСенсус выбрал протокадерин е-У: волшебный белок мозговой ткани у высших приматов, который вампиры разучились синтезировать. Та самая причина, по которой упыри не переключались на бородавочников или зебр в отсутствии человеческой плоти, и которая обрекла их на гибель, стоило людям открыть страшную тайну Прямого Угла.

– В общем, мне кажется, он... потерянный какой-то. – Уголок рта Шпинделя подергивался от нервного тика. – Волк-одиночка в компании овец. Тебе не было бы грустно так жить?

– Они компанию не любят, – напомнил я ему. Вампиров одного пола вместе лучше не сводить, если только вы не готовы делать ставки на исход кровавой бани. Они – охотники-одиночки и очень территориальны. Когда минимально приемлемое соотношение численности добычи и охотников составляло десять к одному, а люди встречались на просторах плейстоцена крайне редко, главной угрозой для выживания упырей становилась внутривидовая конкуренция. Естественный отбор никогда не учил их уживаться вместе.

Шпинделя это не смутило.

– Это не значит, что ему не может быть одиноко, – настаивал он. – Только Сарастии никогда этого не изменить.

* * *

Они знают мелодию, но не слова.

*Роберт Хэйр. Лишенные совести*³⁵

Мы воспользовались зеркалами – огромными круглыми и невозможно тонкими параболоидами; каждый – в три человеческих роста. «Тезей» штамповал их пачками и прикалывал к хлопущкам, заряженным антимагией из наших убывающих запасов. За двенадцать часов

³⁴ *Универсавантизм* – термин-производная от англ. выражения *idiot savant* (ученый идиот), определяемого как индивидум, который может демонстрировать отдельные выдающиеся интеллектуальные достижения на уровне, далеко превосходящем возможности среднего нормального человека, обладая при этом очень низким общим уровнем интеллекта.

³⁵ *Роберт Хэйр* – психиатр, профессор Университета Британской Колумбии. Специалист по психопатическому поведению, автор теста-опросника для диагностики психопатии.

до контакта корабль разметал зеркала как конфетти по точно рассчитанным баллистическим траекториям и, когда они отлетели достаточно далеко, поджег. Хлопушки полетели во все стороны, рассыпая гамма-лучевые искры, пока не выгорели дотла. А потом плыли в бездне, раскрыв текучие стрекозиные крылья.

На огромном расстоянии от них четыреста тысяч инопланетных машин кружились и горели, будто ничего не замечая.

«Роршах» летел по орбите Бена всего в полутора тысячах километров над атмосферой, выписывая бесконечный торопливый круг, отнимавший сорок часов на один оборот. К тому времени, пока он опять не попал в наше поле зрения, все зеркала уже вышли из зоны полной слепоты. В КонСенсусе висел увеличенный снимок экваториальной области планеты. Вокруг него взорвавшейся диаграммой искрились символы зеркал, словно рассыпанные фасетки титанического, всеохватного сложного глаза. Тормозов у них не было. Долго на высоте они продержаться не могли.

– Вот оно, – первой отреагировала Бейтс.

У левой кулисы плыла фата-моргана, клочок кипящего хаоса размером в полногтя, если разглядывать его на расстоянии вытянутой руки. Этот мираж ничего не мог нам подсказать, но десятки далеких отражателей отбрасывали к нам световые лучи, и пусть каждый видел немногим больше последнего зонда – полоску темных туч, слегка перекошенную невидимой призмой, – каждое зеркало отражало сигнал по-своему. Капитан просеивал отсветы небес и «шил» из них мозаичное панно.

Постепенно проявлялись детали. Вначале – еле видный осколок тени, ямочка, почти затерявшаяся в кипящих облачных поясах экватора. Вращение планеты только-только выкатило ее из-за края диска – камушек в ручье, невидимый палец, промявший облака, и по обе стороны от него пограничные слои рвались от касательного напряжения и турбулентности.

Шпиндель прищурился:

– Эффект, как от флоккулов.

Компьютер подсказал, что речь идет о чем-то, вроде солнечных пятен, узлах в магнитном поле Большого Бена.

– Выше, – произнесла Джеймс.

Что-то плыло над этой вмятиной в облаках; так лайнер-экраноплан парит над водой, проминающейся под его давлением. Я дал увеличение: рядом с субкарликом Оаса, вдесятеро тяжелее Юпитера, «Роршах» казался крошечным. Но в сравнении с «Тезеем» он был огромен.

Не просто бублик – узел, комок стекловолокна размером с гору; сплошь петли, мосты и тонкие шпильки. Текстура поверхности была, разумеется, условной; КонСенсус просто «завернул» загадочный предмет в отражение фона. И все же... на свой мрачный, пугающий лад он был красив: клубок обсидиановых змей и дымных хрустальных башен.

– Оно снова подает голос, – доложила Джеймс.

– Ответить, – приказал Сараста и оставил нас.

* * *

Она ответила, и пока Банда общалась с объектом, остальные за ним шпионили. Зрение со временем мутилось – зеркала уходили с расчетных траекторий, и с каждой таявшей секундой видимость ухудшалась. В КонСенсус тем временем лилась информация. «Роршах» весил $1,8 \times 10^{10}$ кг, имел общий объем $2,3 \times 10^8$ кубометров. Судя по радиовизгу и эффекту флоккулов, его магнитное поле по силе в тысячи раз превосходило солнечное. К нашему изумлению, композитное изображение местами оказалось достаточно четким, чтобы различить тонкие

спиральные борозды, прочертившие объект. («Последовательность Фибоначчи ³⁶ – доложил Шпиндель, на миг пронзив меня взглядом одного подергивающегося глаза. – По крайней мере они нам не совсем чужды».) На кончиках, по меньшей мере, трех из бесчисленных шипов «Роршах» болтались уродливые шаровидные наросты; в этих местах борозды проявлялись реже, словно кожу раздуло и растянуло нарывом. Прежде чем уплыть из поля зрения, очередное бесценное зеркало засекло еще один шпиль – расколотый вдоль на треть длины. Рваные края вяло и неподвижно висели в вакууме.

– Пожалуйста, – пробормотала Бейтс вполголоса, – скажите мне, что это не то, на что похоже.

Шпиндель ухмыльнулся.

– Семенная коробочка... Почему нет?

Может, «Роршах» и не размножался, но в том, что он растет, не оставалось никаких сомнений. Его питал непрерывный поток обломков, выпадавших из аккреционного пояса. Мы подобрались достаточно близко, чтобы наблюдать их парад: скалы, горы и мелкая галька, словно мусор, стекали в раковину. Частицы, столкнувшиеся с объектом, прилипали; «Роршах» обволакивал свою добычу как огромная злокачественная опухоль. Поглощенная масса, вероятно, перерабатывалась внутри и перетекала в апикальные ³⁷ зоны роста; судя по микроскопическим изменениям в аллометрии объекта, кончики его ветвей росли.

Процесс не прекращался ни на секунду – «Роршах» был ненасытен.

Объект служил странным центром притяжения в межзвездной бездне. Траектории падения обломков были хаотичны, но создавалось впечатление, что некий сэнсэй орбитальной механики создал систему – заводной планетарий, который пинком привел в движение, а все прочее оставил на долю инерции.

– Не думала, что такое возможно, – заметила Бейтс.

Шпиндель пожал плечами.

– Да ладно, хаотические траектории детерминированы ничуть не меньше других.

– Это не значит, что их можно предсказать. Уже не говоря о том, чтобы так распланировать, – майорская лысина отсвечивала разведанными. – Для этого нужно знать начальные условия миллиона разных переменных с точностью до десяти знаков. Буквально!

– Ага.

– Даже вампиры так не могут. Квантовые компьютеры тоже.

Шпиндель пожал плечами, как марионетка.

Все это время Банда то входила в роль, то выходила из нее, танцуя с невидимым партнером, который, несмотря на все ее усилия, так ничего нам и не сообщил, кроме бесконечных вариаций на тему «вам не стоит здесь находиться». На любой вопрос он отвечал вопросом, при этом ухитряясь каким-то невероятным образом создать иллюзию ответа.

– Это вы послали светлячков? – спрашивала Саша.

– Мы многое отправляли в самые разные места, – отвечал «Роршах». – Что показали их технические характеристики?

– Их характеристики нам неизвестны. Светлячки сгорели в земной атмосфере.

– Тогда не стоит ли вам поискать там? Когда наши дети улетаю, они от нас не зависят.

Саша отключила микрофон.

– Знаете, с кем мы разговариваем? С Иисусом, блин, из Назарета.

Шпиндель глянул на Бейтс. Та пожала плечами и подняла руки вверх.

³⁶ *Последовательность Фибоначчи* – числовая последовательность, в которой каждое следующее число равно сумме двух предыдущих чисел (1, 2, 3, 5, 8, 13, 21...). Названа по имени средневекового математика Леонардо Пизанского (Фибоначчи). Числа Фибоначчи связаны с «золотым сечением», а оно не только считается эстетически совершенным, но и часто встречается в живой природе Земли.

³⁷ *Апикальные* – то же, что вершинные или верхние.

– Не въехали? – Саша мотнула головой. – Последний диалог – информационный эквивалент «кесарю кесарево». Нота в ноту!

– Спасибо, что выставила нас фарисеями, – проворчал Шпиндель.

– Ну, еврей у нас есть...

Шпиндель только глаза закатил.

Тут я впервые заметил мельчайший изъян в Сашиной топологии; щербинку сомнения, искажившую одну из ее граней.

– Никакого прогресса, – проговорила она. – Попробуем зайти с черного хода.

Саша скрылась: снова включала наружную связь уже Мишель.

«„Тезей“ – „Роршах“. Принимаем запросы на информацию».

«Культурный обмен. Мы согласны».

Бейтс нахмурилась.

– Это разумно?

– Если оно не желает давать сведений, возможно, захочет их получить. А мы можем многое узнать по тем вопросам, которые объект задаст.

– По...

– Расскажите нам о доме, – попросил «Роршах».

Саша вынырнула из глубины ровно настолько, чтобы бросить:

– Вольно, майор. Никто не обещал давать им верные ответы.

Пятно на гранях Банды замерцало, когда к рулю встала Мишель, но не исчезло. Оно даже слегка разрослось, пока синестет обтекаемыми фразами описывала некий умозрительный городок, не упоминая ни единого предмета меньше метра в поперечнике. (КонСенсус подтвердил мою догадку: теоретическая предельная разрешающая способность зрения светлячков.) А когда к рулю изредка вставал Головолом...

– Не у всех есть родители или кузены, у некоторых их никогда не было. Некоторые рождаются в чанах.

– Понимаю. Печально. «Чаны» звучит так бесчеловечно.

...пятно темнело и расползалось по их граням, как разлитая нефть.

– Слишком многое он принимает на веру, – констатировала Сьюзен пару секунд спустя.

К тому времени, когда Сашу опять сменила Мишель, мысль была уже не просто сомнением и даже не подозрением, она превратилась в озарение: крошечный темный мем, поражающий по очереди расщепленные личности тела.

Банда напала на след, но пока не понимала, на чей.

А я понимал.

– Расскажите мне больше о своих кузенах, – затребовал «Роршах».

– Наши кузены лежат вокруг генеалогического дерева, – ответила Саша, – вместе с племянницами, племянниками и неандертальцами. Мы недолюбливаем навязчивую родню.

– Мы бы хотели побольше узнать об этом дереве.

Саша выключила микрофон и взглянула на нас, словно говоря: «Ну, куда уж яснее?»

– Оно не могло не проанализировать эту реплику. Там три двусмысленности на две фразы. А оно их все просто проигнорировало!

– Ведь «Роршах» запросил разъяснений, – указала Бейтс.

– Он задал вопрос! Это не одно и то же.

Бейтс все еще не догадывалась, а вот до Шпинделя начало доходить.

Еле заметное движение привлекло мой взгляд: вернулся Сарасты. Он плыл над сияющими вершинами рабочего стола. При каждом движении головы на черном забрале крутился

неоновый калейдоскоп. Я чувствовал, как его глаза за стеклом пристально изучают все вокруг. Позади вампира находился кто-то еще.

Я не мог сказать кто, поскольку не заметил ничего необычного, кроме смутного ощущения неправильности. Что-то по другую сторону палубы выглядело не так, как следовало. Нет, поближе, вдоль оси барабана. Однако там ничего не было – лишь голые трубы да кабели сшитого нерва, петляющие сквозь щели. И...

Внезапно чувство неправильности пропало. Я наконец сосредоточился: исчезновение аномалии, возвращение к норме привлекло мое внимание не хуже слабого движения. Я мог точно указать, в каком месте на пучке кабелей произошла перемена, и сейчас не видел ничего особенного. Но она была! Осталось практически бессознательное впечатление, какой-то зуд, находящийся так близко к поверхности под кожей, что я мог бы вернуть его, увидеть, надо было лишь сконцентрироваться.

Саша разговаривала с инопланетным объектом на другом конце лазерного луча. Она сводила разговор к родственным отношениям, семейным и эволюционным: неандертальцы, кро-маньонцы и внучатые племянники со стороны матери. Вела беседу не первый час, и ей не было конца и края. Сейчас болтовня меня отвлекала, поэтому я постарался ее отсечь и сосредоточиться на дразнившем память полувоспринятом образе. Секунду назад я что-то видел перед собой. На одной из труб... Точно, слишком много сочленений! Прямая и гладкая, она каким-то образом отрастила сустав. Но нет, дело не в трубе... Вспомнил: там притаилось что-то лишнее, что-то... костлявое.

Безумие! Нет там ничего. Мы в половине светового года от дома, разговариваем с невидимыми инопланетянами о семейных отношениях, а меня стало обманывать зрение.

Если это повторится, надо поговорить со Шпинделем.

* * *

Я пришел в себя от того, что стих шум голосов. Саша замолчала. Вокруг нее грозным облаком повисли потемневшие грани. Я выдернул из памяти последнюю фразу разговора: «Обычно мы находим племянников с помощью телескопов. Они жесткие, как гобблиниты».

Опять сознательная двусмысленность, а слова «гобблиниты» вообще нет. В глазах лингвиста отражалось неизбежное решение. Саша застыла на краю обрыва, прикидывая глубину омуту внизу.

– Вы забыли упомянуть своего отца, – заметили на другом конце линии связи.

– Верно, «Роршах», – вполголоса согласилась Саша, переводя дыхание...

И продолжила:

– Так почему бы тебе не пососать мой жирный лохматый хер?

В вертушке воцарилось молчание. У Бейтс и Шпинделя отпали челюсти.

Лингвист оборвала связь и повернулась к нам, так широко ухмыляясь, что я подумал: «У нее сейчас верхняя часть головы отвалится».

– Саша, – выдохнула Бейтс. – Ты рехнулась?

– А какая разница? Этой штуке все равно. Она понятия не имеет, о чем я говорю.

– Что?

– И понятия не имеет о том, что отвечает, – добавила Саша.

– погоди. Ты... нет, Сьюзен говорила, что «Роршах» – не поугай, он знает правила.

К рулю встала Сьюзен:

– Да, и это так. Но сопоставительный анализ не требует понимания.

Бейтс покачала головой:

– Ты имеешь в виду, что мы разговаривали с... Оно даже не разумное?

– Может, и разумное. Только мы не общались с ним в привычном значении этого слова.

– И что это такое тогда? Голосовая почта?

– Вообще-то, – медленно произнес Шпиндель, – это называют «китайской комнатой». «Давно пора!» – подумал я.

* * *

О «китайских комнатах» я знаю все. Сам был таким и никакого секрета из этого не делал, рассказывал любому, кто проявлял интерес.

Задним числом теперь понимаю, что иногда этого делать не стоило.

– Как ты можешь пересказывать людям суть всех этих передовых достижений, если сам ничего в них не понимаешь? – потребовала ответа Челси.

Тогда между нами все было прекрасно. Она еще меня не узнала.

Я пожал плечами:

– Это не моя работа – понимать. Для начала, если бы я мог их понять, это были бы не слишком передовые достижения. Я просто, как бы сказать – проводник.

– Да, но как можно перевести то, чего не понимаешь?

Обычный вопрос дилетанта. Люди не в силах принять тот факт, что у формы есть собственный смысл, отличный от налипшего на ее поверхность семантического содержания. Если правильно манипулировать топологией, это самое содержание определится само собой.

– Никогда не слышала про «китайскую комнату»?

Челси покачала головой:

– Краем уха. Какая-то старая идея, да?

– Ей не меньше сотни лет. По сути, разновидность софизма – аргумент, предположительно опровергающий верность теста Тьюринга. Ты запираешь человека в комнате. Через щель в стене он получает листы, покрытые странными закорючками. В его распоряжении есть огромная база данных с такими же закорючками и набор правил, указывающих, как те должны сочетаться.

– Грамматика, – догадалась Челси. – Синтаксис.

Я кивнул.

– Суть в том, что наш подопытный не имеет понятия о значении закорючек или той информации, которую они могут нести. Он знает только, что, получив, допустим, символ «дельта», он должен извлечь пятый и шестой символы из папки «тета» и сложить их с «гаммой». Подопытный выстраивает цепочку знаков, переносит их на лист и опускает его в щель, а сам ложится спать до следующей итерации. Все повторяется, пока парень вконец не съедет от бесполезной и нудной работы.

– Так он поддерживает беседу, – закончила Челси. – На китайском, полагаю, наш опыт назвали бы Испанской инквизицией.

– Именно! Суть в том, что можно общаться, используя простейшие алгоритмы сопоставительного анализа и не имея ни малейшего представления о том, что говоришь. Если пользуешься достаточно подробным набором правил, можешь пройти тест Тьюринга. Прослыть острословом и балагуром, даже не зная языка, на котором общаешься.

– Это и есть синтез?

– Та его часть, что касается упрощения семиотических протоколов. И только в принципе. Строго говоря, я получаю ввод на кантонском диалекте, а отвечаю по-немецки, потому что, скорее, выступаю в роли проводника, нежели участника беседы. Но суть ты уловила.

– Как ты не путаешься во всех правилах и протоколах? Их же, наверное, миллионы.

– Как во всем остальном: стоит приноровиться – и действуешь по наитию. Все равно что ездить на велосипеде или пинговать ноосферу. Даже не вспоминаешь о протоколах, просто... представляешь, как себя ведут твои объекты.

– М-м-м... – В уголках ее губ заиграла хитрая полуулыбка. – Но тогда о софизме речь не идет. Ты ведь не понимаешь ни кантонского, ни немецкого.

– Понимает система. Вся комната, сумма ее частей. Парень, который переписывает закорючки, – только один из компонентов. Ты же не ждешь, что единственный нейрон в твоей голове будет понимать английский, так?

– Иной раз я не могу выделить под это дело больше одного, – Челси покачала головой. Она не собиралась отступать. Я видел, как она сортирует вопросы в порядке важности и как они становятся все более... личными.

– Возвращаясь к текущим делам, – я поспешно сменил тему беседы, – ты собиралась показать мне, как это делается пальцами.

Озорная улыбка стерла с ее лица все вопросы.

– О-о, ну, как же...

Привязываться рискованно – слишком много сложностей. Стоит спутаться с наблюдаемой системой, и весь рабочий инструмент ржавеет и тупится.

Но если подопрет, им можно воспользоваться.

* * *

– Сейчас оно прячется, – проговорил Сараста. – И уязвимо.

– Пора!

Это была не столько новость, сколько оценка. Мы уже несколько дней мчались прямо на Большого Бена. Но гипотеза «китайской комнаты», похоже, укрепила нашу решимость. В любом случае, мы готовились вывести свою навязчивость на новый уровень, покуда «Роршах» скрывала от нас громада планеты.

«Тезей» постоянно пребывал в тягости: в его фабрикаторе зрел многоцелевой зонд, чье производство притормозили перед самым появлением на свет на случай, если от него потребуются еще какие-то пока непредвиденные функции. Где-то между инструктажами Капитан принял роды, модифицировав зонд для близкого контакта и полевой работы на объекте. За добрых десять часов до появления «Роршаха» на горизонте аппарат завершил разгон вниз по гравитационному склону, встроился в метеоритный поток и впал в спячку. Если мы не просчитались, его не должно было разнести шальным обломком, прежде чем он проснется. И если все пойдет по плану, существа, безупречно руководившие многомиллионным кордебалетом, не заметят лишнего танцора на орбитальной сцене. Возможно, нам тупо повезет и мириады скиммеров, находившихся в это время в поле зрения, не окажутся запрограммированными доносчиками.

Приемлемый риск. Если бы мы не были к нему готовы, то с тем же успехом могли остаться дома.

Оставалось ждать: четверем оптимизированным гибридам, едва ступившим за порог банального понятия человечества, и одному вымершему хищнику, который предпочел командовать нами, а не сожрать живьем. Мы ждали, когда «Роршах» вывернет из-за угла. Зонд, наш посол к изоляционистам или, если Банда не ошиблась, мелкий взломщик, нанятый, чтобы проникнуть в пустую квартиру, плавно скользил по гравитационной воронке. Шпиндель прозвал его «чертиком из коробочки», вспомнив детскую игрушку, такую древнюю, что она не удостоилась даже строчки в КонСенсусе. Мы падали ему вслед по почти баллистической траектории, тщательно рассчитав импульс и инерцию, чтобы проскользнуть сквозь бешеное минное поле аккреционного пояса.

Но Кеплер в одиночку не справился бы; время от времени «Тезей» рычал – по хребту корабля прокатывался рокот маневровых двигателей, когда Капитан корректировал спуск в водоворот.

«В бою первым гибнет план боя», – пришло в голову изречение, но я не смог вспомнить, откуда взял цитату ³⁸.

– Есть! – вскрикнула Бейтс. Из-за края Бена показалась крошечная точка, и дисплей сразу же дал увеличение. – Запуск по сигналу.

Как ни близко мы подкрались, «Роршах» все еще оставался невидим. Но параллакс отчасти сдвинул шоры с глаз зонда, открывая поминутно выпадавшие из виду иглы и спирали дымного стекла. Сквозь прозрачную толщу оставался полувиден бесконечный плоский горизонт Бена. Изображение подрагивало, по КонСенсусу ходили волны.

– Ничего себе магнитосфера, – заметил Шпиндель.

– Тормозим, – доложила Бейтс.

«Чертик» плавно развернулся назад и запустил движок. Индикатор смены скорости на тактическом дисплее покраснел.

В эту смену телом Банды командовала Саша.

– Входящий сигнал, – доложила она. – Формат тот же.

Сараста пощелкал языком:

– Соединить!

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». – На сей раз голос оказался женский, немолодой.

Саша ухмыльнулась:

– Видали? Она совсем не обиделась. Даже на «жирный лохматый хер».

– Не отвечать, – распорядился Сараста.

– Тяга отключена, – доложила Бейтс.

Летевший по инерции «чертик»... чихнул. Серебряные чешуйки швырнуло в бездну с такой скоростью, что «Тезей» по сравнению с ними неподвижно висел на месте: миллионы ослепительно блестящих компасных стрелок. Миг – и они исчезли. Зонд наблюдал за падением дипольных отражателей, обводя лазерным лучом небесную сферу, дважды в секунду ощупывая им небеса и аккуратно отмечая каждую отраженную вспышку. Лишь поначалу иглы мчались по прямой; затем они скручивались в спирали Лоренца, их сносило по странным дугам и выводило в штопор, чтобы швырнуть по новым, прихотливым траекториям на почти релятивистских скоростях. В КонСенсусе начали проявляться контуры магнитного поля «Роршаха», на первый взгляд, напоминавшие уплотненные слои стеклянной луковицы.

– Бздыннь, – высказался Шпиндель.

Луковица оказалась червивой: в ней стали видны полости, длинные извилистые тоннели в силовом поле, фрактально ветвящиеся на всех уровнях.

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». Вы на связи?

Голографическая врезка рядом с центральным дисплеем показывала углы постоянно плывущего треугольника: «Тезей» – на острой вершине, «Роршах» и «чертик» определяли узкое основание.

– «Роршах» – «Тезею»: я вас ви-ижу...

– Легкомысленная манера разговора у нее получается лучше, чем у него.

Саша покосилась на Сараста и не стала добавлять: «Продолжаем?» Но сомнения появились и у нее. Теперь, когда отступать оказалось поздно, она начала продумывать возможные последствия ошибки. Для трезвой переоценки время вышло, но для Саши и это было достижением.

Кроме того, решал все равно вампир.

³⁸ «В бою первым гибнет план боя» – цитата принадлежит военному теоретику Гельмуту фон Мольтке-старшему (1800–1891).

Тем временем в магнитосфере «Роршаха» проявились колоссальные петли. Невидимые человеческому глазу, они даже на тактической диаграмме оставались исчезающе тонкими; серебряные чешуйки разметало по небу так широко, что даже Капитану приходилось гадать. Новообразования висели в магнитном поле как вложенные друг в друга карданы огромного призрачного гироскопа.

– Вижу, вы не сменили вектор, – заметил «Роршах». – Мы серьезно советуем сменить курс. Правда-правда. Для вашей же безопасности.

Шпиндель покачал головой.

– Эй, Мэнди, а «Роршах» с «чертиком»-то говорит?

– Если да, то я этого не замечаю. Никаких отсветов, вообще никакого направленного излучения, – Бейтс мрачно усмехнулась. – Похоже, мы проскочили незамеченными. И не называй меня Мэнди!

«Тезей» со стоном содрогнулся. Я покачнулся, чуть не упал в низкой псевдогравитации; пришлось держаться, чтобы устоять.

– Коррекция курса, – доложила Бейтс. – Метеоритные рифы.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа. Ваш текущий курс неприемлем. Повторяю, ваш текущий курс неприемлем. Категорически рекомендуем изменить направление.

К этому моменту зонд плыл уже в нескольких километрах от ведущего края «Роршаха». В такой близости можно было различить не только магнитные поля: яркими красками цветовой кодировки в КонСенсусе представал сам объект. Незримые обводы и шипы переливались множеством условных палитр: тяготение, альbedo, температура абсолютно черного тела. Колоссальные электрические разряды, бьющие с острых шипов, отображались пастельно-лимонными полосами. Дружественный интерфейс КонСенсуса превращал «Роршаха» в мультяшку.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа.

Корабль зарычал маневровыми движками по левому борту, завилял. На тактическом дисплее еще один, только что засеченный, обломок прошел мимо «Тезея» на безопасном расстоянии шести километров.

– «Роршах» – «Тезею». Если не можете ответить, пожалуйста... твою мать!

Мультик моргнул и погас.

Но я заметил, что случилось в последнюю секунду: вот «чертик» минует одну из гигантских призрачных петель, и внезапно, будто лягушка открыла рот, вырвалась стрела энергетического языка. Сигнал пропал.

– Теперь я вижу, что вы затеяли, суки! Кретины, думаете, мы совсем тупые?

Саша стиснула зубы.

– Мы...

– Нет, – отрезал Сараста.

– Но оно...

Сараста зашипел, звук шел из самой глубины глотки. Никогда не слышал, чтобы млекопитающие издавали такие звуки. Лингвист тут же замолкла.

Бейтс боролась с управлением.

– Я все еще... сейчас...

– Уберите эту хрень прямо сейчас, твари! Вы меня слышите? Сейчас же!

– Есть! – проскрежетала Бейтс, когда сигнал вернулся. – Только лазер перенацелить пришлось.

Зонд снесло в сторону – словно человека, переходящего реку вброд, захватило внезапное течение и швырнуло в водопад. Но он остался на связи и не потерял подвижность.

Почти... Бейтс с трудом удерживала его на курсе. Спотыкаясь, «чертик» продирался сквозь тугие витки магнитосферы «Роршаха». Объект громоздился в его окулярах. Изображение подмигивало.

– Продолжать сближение, – спокойно распорядился Сараста.

– Я бы с радостью, – прохрипела Бейтс. – Пытаюсь.

«Тезей» вновь пошатнулся, входя в штопор. Я был готов поклясться, что слышу, как скрежещут опоры вертушки. На тактическом дисплее мимо проплыл еще один метеорит.

– Я думал, вы эти штуки заранее засекли, – проворчал Шпиндель.

– Хотите затеять войну, «Тезей»? Вы об этом мечтаете? Думаете, силенок хватит?

– Оно не нападает, – взял решающее слово Сараста.

– Может, и нападет. – Бейтс не повышала голос, но я видел, чего ей это стоит. – Если «Роршах» может управлять траекториями этих...

– Распределение нормальное. Коррекции незначительные.

Он, очевидно, имел в виду статистику, потому что корабль серьезно болтало и корежило.

– А, ну да, – внезапно произнес «Роршах». – Теперь понятно. Вы думаете, здесь никого нет? Вам какой-то консультант на большом окладе подсказал, что волноваться не из-за чего.

«Чертик» забрался в самую чашу. Большую часть тактических оверлеев мы потеряли из-за зауженного канала связи. В тусклом видимом свете кошмарный ландшафт со всех сторон разрубали чудовищные ребристые гребни «Роршаха»; каждый – размером с небоскреб. Сигнал заикался, Бейтс изо всех сил пыталась удержать зонд в луче. КонСенсус раскрашивал стены и воздух колдовскими знаками телеметрии. Я понятия не имел, что они означают.

– Вы решили, что мы всего лишь «китайская комната» – глумился «Роршах».

«Чертик» шел на таран, нашаривая, за что бы уцепиться.

– Это была ошибка, «Тезей».

Нашупал. Прилип. И внезапно «Роршах» проявился у нас перед глазами – не контуры, не модели искусственных цветов и не упрямые комбинированные изображения. Он, наконец, предстал обнаженным перед людским взглядом.

Вообразите терновый венец: кривой, черный, матовый и слишком запутанный, чтобы примоститься на человеческой макушке. Запустите его на орбиту недоделанной звезды, чей отраженный полусвет едва очерчен силуэтами ее спутников. Редкие кровавые отсветы тусклыми углями вспыхивают в расселинах и на извивах, лишь подчеркивая царящую повсюду темноту.

Представьте себе объект, воплотивший само понятие страдания, нечто до такой степени искореженное и увечное, что даже сквозь бессчетные световые годы и непредставимые бездны биологических различий ты не можешь не ощутить, что предмет будто корчится от боли.

Теперь увеличьте его до размеров города.

Он сверкал на наших глазах. На кривых километровых шипах играли молнии. КонСенсус раскинул перед нами осененный зарницами ландшафт ада: бесконечного, мрачного и мучительного. Синтезированные модели лгали, в нем не было и грана красоты.

– Слишком поздно, – сообщило нечто изнутри «Роршаха». – Теперь вы все покойники. И... Сюзен, ты слышишь? Мы начнем с тебя.

* * *

Жизнь слишком коротка для шахмат.

Лорд Байрон

Они никогда не закрывали за собой люк. Слишком легко затеряться в зияющей бесконечности, разверзшейся по всем осям координат. Им нужно было и то и другое: не только пустота, но и якорь посреди нее: слабые отсветы с кормы, незаметный ветерок из вертушки, дыхание людей и шорох машин рядом.

Я лежал в засаде. Прочитав десятки очевидных намеков в их поведении, я уже втиснулся в передний шлюз, когда они пролетали мимо. Выждал пару минут и пополз вперед, к погруженной в темноту рубке.

– Конечно, они обратились к ней по имени, – говорил Шпиндель. – Никакого другого имени они не знали. Она сама им сказала, помнишь?

– Ага, – Мишель это не успокаивало.

– Это ваша команда утверждала, что мы болтаем с «китайской комнатой». Хочешь сказать, вы ошиблись?

– Мы... нет! Нет, конечно.

– Ну, тогда получается, «Роршах» Сьюзен не угрожал. Так? Он вообще никому не угрожал и понятия не имел, о чем говорил.

– Он руководствуется правилами, Исаак. «Роршах» следует функциональной схеме, которую начертил, наблюдая в действии человеческое общение. По этим правилам в данных обстоятельствах ему зачем-то понадобилось отреагировать угрозой насилия.

– Но если он даже не понимает, что говорит...

– Не понимает. Не может. Мы разбирали его речь так и этак, брали концептуальные единицы самой разной длины... – Долгий-долгий вздох. – Но он атаковал зонд, Исаак!

– «Чертик» просто слишком близко подобрался к одному из этих... электродов. Ну, и замкнуло.

– Ты не считаешь, что «Роршах» враждебен?

Длинная пауза, слишком длинная. Я уже заподозрил, что меня обнаружили.

– Враждебен, – повторил, наконец, Шпиндель. – Дружелюбен. Мы выучили эти слова на Земле. Не знаю, можно ли применять их здесь, – он причмокнул. – Но он, полагаю, вроде как враждебен, да.

Мишель задумалась.

– Исаак, нет причины... Я хочу сказать, что это бессмысленно. У нас не может быть ничего, что им нужно.

– Он хотел, чтобы его оставили в покое, – заметил Шпиндель. – Даже если сам не понял, что сказал.

Некоторое время они парили за переборкой в тишине.

– По крайней мере радиационная защита выдержала, – подвел итог биолог. – Уже что-то.

Он имел в виду не только «чертика». Наша собственная броня была покрыта слоем того же материала. Это истощило корабельные запасы сырья на две трети, но никто не собирался полагаться на обычное поле корабля перед лицом сил, с такой легкостью игравших с электромагнитным спектром.

– Если они нападут, что мы будем делать? – спросила Мишель.

– Выясним, что сможем, пока будет поступать информация. Станем отбиваться, пока хватит сил.

– Если хватит... Оглянись, Исаак. Мне плевать, насколько эта штука недоразвита. Просто скажи мне, что мы не безнадежно отстали.

– Отстали – само собой. Насчет безнадежно сомневаюсь.

– Раньше ты пел по-другому.

– Ну и что? Всегда есть способ выиграть.

– Если бы это сказала я, ты бы уже кричал про розовые очки.

– Тогда бы так и было. Но сейчас это говорю я, поэтому перед нами теория игр.

– Опять теория игр? Господи, Исаак...

– Нет, послушай. Ты думаешь об инопланетянах, как если бы это были млекопитающие. Существа, наделенные чувствами, которые заботятся о потомстве.

– Откуда ты знаешь, что нет?

– Потому что нельзя заботиться об отпрысках, которые находятся в световых годах от тебя. Они сами по себе, а мир огромен, безразличен и опасен, и большинство из них не выживет, понимаешь? Лучшее, что ты можешь сделать, – наплодить миллионы детишек и искать слабое утешение в том, что по слепой случайности хоть кому-нибудь из них повезет. Млекопитающие так не мыслят, Мишель. Хочешь земных аналогий, вспомни семена одуванчика. Или селедку.

Слабый вздох.

– Значит, они межзвездные селедки. Только это не значит, что им не под силу нас раздавить.

– Но они-то про нас ничего не знают – заранее, по крайней мере. Семя одуванчика понятия не имеет, с чем ему придется столкнуться, когда прорастет. Может, вокруг ничего не будет. Может, полудохлая лебеда, которая тут же зачахнет. А может, ему дадут такого пинка, что оно долетит до Магеллановых облаков. Семя не знает, а универсальной стратегии выживания в природе нет. То, что против одного игрока – козырь, против другого – шестерка. Поэтому приходится тасовать стратегии согласно вероятностям. Это игра краплеными картами, и в целом она дает наилучший средний выигрыш. Но, по крайней мере, пару раз ты обязательно лохнешься и выберешь неверное решение. Такова цена игры. А это значит, что слабые игроки не просто могут выиграть у сильных; по статистике, они иногда обязательно выигрывают.

Мишель фыркнула.

– И это твоя теория игр? Камень-ножницы-бумага со статистикой?

Может, Исаак не уловил отсылки, потому задержался с ответом – как раз настолько, чтобы обратиться к КонСенсусу за ссылкой, – а затем расхохотался.

– Камень-ножницы-бумага! Точно!

Несколько секунд лингвист переваривала его реакцию:

– Очень мило с твоей стороны, но это сработает, если противник слепо перебирает варианты. А это совсем необязательно, если знать заранее, с чем будешь иметь дело. Господи ты боже мой! Они столько знают о нас...

Они угрожали Сьюзен. Причем конкретно ей.

– Они не могут знать все, – настаивал Шпиндель. – И принцип действует в любом сценарии, связанном с неполной информацией, не только в предельном случае невежества.

– Но не так хорошо.

– Хотя как-то действует, и это наш шанс. Пока карты не сданы, неважно, насколько хорошо ты играешь в покер, а? Вероятность получить хорошую сдачу не меняется.

– Так вот, во что мы играем. В покер.

– Скажи спасибо, что не в шахматы. Тогда бы нам точно пришел конец.

– Эй, из нас двоих мне полагается быть оптимисткой.

– Ты и есть оптимистка. Это у меня юмор висельника прорезался. Мы все вошли в историю на полдороги, играем свои роли, как можем, и все умрем до конца представления.

– Узнаю моего Исаака, мастера боев без победителя.

– Победить можно: победителем будет тот, кто точнее угадает, чем обернется дело.

– Значит, ты просто гадаешь?

– Угу. Только без информации невозможно толково гадать. И мы можем оказаться первыми, кто выяснит, что случится с человечеством. Пожалуй, по одному этому факту нам уже обеспечен проход в полуфинал.

Мишель долго не отвечала. Когда она снова заговорила, я не смог разобрать слов. Шпиндель тоже.

– Извини?

– Ты тогда сказал «из незаметного в неуязвимого». Помнишь?

– Угу. Выпускной бал «Роршаха».

– Как думаешь, скоро?

– Понятия не имею. Но вряд ли мы прозеваем этот момент. Вот почему мне кажется, что он не нападал на нас.

Должно быть, Мишель вопросительно на него взглянула.

– Потому что, если он за нас возьмется, это будет не ласковый шлепок по заднице, – объяснил он. – Когда эта сволочь очнется, мы заметим.

Краем глаза я уловил за спиной какое-то движение, развернулся в тесном проходе и еле сумел проглотить вскрик: что-то едва различимое, многорукое вывернулось из-под взгляда и нырнуло за угол, тут же сгинув.

Да не было его там! Не могло быть. Померещилось...

– Ты слышала? – спросил Шпиндель, но я сбежал на корму, прежде чем Мишель успела ответить.

* * *

Мы спустились так низко, что невооруженный глаз больше не видел диска, едва замечал кривизну поверхности. Мы летели прямо в стену, в бескрайний сумрачный простор кипящих грозowych туч, растянувшийся во все стороны до бесконечно далекого горизонта. Бен заполнил половину Вселенной.

А мы продолжали падать.

Далеко внизу «чертик» уцепился колючими кранцами, похожими на лапы геккона, за ребристую шкуру «Роршаха» и разбил там лагерь. Он облучал поверхность рентгеном и ультразвуком, простукивал ее пытливыми пальцами и слушал отзвуки, ставил крошечные заряды взрывчатки и отмерял эхо взрывов. Он рассеивал семена как пыльцу: тысячи крошечных зондов и датчиков – автономных, близоруких, придурковатых и одноразовых. Большинству предназначалась роль жертвы, умиротворяющей слепой случай; лишь один из сотни продержался достаточно долго, чтобы передать по телеметрии полезные данные.

Покуда наша передовая разведка вела съемку окрестностей, «Тезей», падая с небес, рисовал масштабные карты. Он уже в свой черед сплюнул тысячи одноразовых зондов, распределил их в пространстве и теперь собирал стереоскопическое изображение с тысячи точек зрения одновременно.

В жилых отсеках корабля собирался лоскутный образ. Шкура «Роршаха» на шестьдесят процентов состояла из сверхпроводящих углеродных нанотрубок. Его внутренности оказались, в основном, пусты, но в некоторых полостях даже была атмосфера. Никакая форма земной жизни не продержалась бы там и секунды: радиационные пояса и электромагнитные поля прихотливым образом обвивали конструкцию, просачиваясь внутрь. Местами радиация была настолько мощной, что вмиг обратила бы в пепел обнаженную плоть. Более спокойные заводи за то же время просто убивали: заряженные частицы с субсветовыми скоростями мчались по невидимым трекам, хлестали из зияющих дыр, вертелись в объятьях магнитных полей, какими не погнушалась бы и нейтронная звезда, вырывались на открытое пространство и вновь ныряли в черную тушу. Изредка на поверхности набухали и лопались нарывы, выпуская облака микрочастиц, которые, будто споры, засеивали пояса Ван Аллена³⁹. Больше всего «Роршах» напоминал гнездо свившихся друг с другом не до конца разобранных циклотронов.

Ни «чертик» внизу, ни «Тезей» с орбиты не смогли обнаружить вход, если не считать непроходимые жерла то извергавших потоки заряженных частиц, то глотавших их обратно. Даже при максимальном приближении не нашлось ни люков, ни шлюзов, ни иллюминаторов.

³⁹ Пояса Ван-Аллена – кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

То, что нам угрожали по лазерной связи, подразумевало наличие каких-то оптических антенн или фазовых решеток, но даже их мы не смогли обнаружить.

Определяющим свойством фон-неймановских машин является самовоспроизводство. Подходит ли «Роршах» под этот критерий, будет он давать семена, или делиться, или рожать, преодолев некий критический порог (если уже не сделал этого), – вопрос оставался открытым.

Один из тысячи вопросов. В конечном итоге, после всех наблюдений и раздумий, рассуждений и догадок мы вышли на орбиту, узнав миллион несущественных мелочей и не получив ни одного ответа на главные вопросы. С уверенностью можно было сказать одно: пока «Роршах» огня не открывал.

* * *

– Мне показалось, «Роршах» знал, о чем говорит, – заметил я.

– В этом-то и загвоздка, – отозвалась Бейтс.

Ей было некому довериться: она не вела интимных бесед, которые можно подслушать. С ней я использовал прямой подход.

«Тезей» все рожал, выдавая на свет двойню за двойней мерзостных тварей: бронированных, приплюснутых овоидов вдвое больше человеческого торса, утыканных всякими разными садовыми принадлежностями: антеннами, оптическими портами, втяжными пилами. И оружиевыми дулами.

Бейтс созывала своих солдат. Мы с ней парили перед главным выходом фаба, в основании корабельного хребта. С тем же успехом фабрикат мог извергнуть войско в трюм под панцирем – там оно в любом случае будет покоиться, пока не придет пора, – но Бейтс осматривала каждого пехотинца лично, прежде чем отправить к воздушному шлюзу, располагавшемуся в паре метров выше по коридору. Ритуал, надо полагать, армейская традиция: глазами она не могла обнаружить ничего такого, чего не показала бы базовая диагностика.

– Это будет сложно? – спросил я. – Управлять ими без помощи интерфейса?

– Они сами прекрасно управятся. Без спама в сети время реакции ускорится. Я здесь исполняю, скорее, роль предохранителя.

«Тезей» зарокотал, набирая высоту. Кормовая броня дрогнула. Еще один обломок местного мусора миновал нашу траекторию. Мы выходили на экваториальную орбиту всего в нескольких километрах над объектом, в безумной отваге пробивая аккреционный пояс.

Никого, кроме меня, это не волновало.

– Это как переходить скоростное шоссе, – с пренебрежением отмела Саша мои тревоги. – Попробуй ползком, и тебя на шину наматает. Прибавь ходу – и плыви по течению.

Но в потоке возникали завихрения. С тех пор как «Роршах» замолк, пяти минут не проходило без очередной коррекции курса.

– Так что, ты согласна? – спросил я. – Распознавание образов и пустые угрозы? Волноваться не о чем?

– Пока по нам огня не открывали, – отозвалась Бейтс.

Это значило: ничего подобного.

– Как ты относишься к доводам Сюэзен? Разные среды обитания, нет причин для конфликта...

– Пожалуй, это имеет смысл.

Читай: полная фигня.

– Ты можешь назвать причину, по которой существа, так сильно отличающиеся от нас, решат напасть?

– Вполне возможно, – заметила она, – для атаки хватит и этих самых различий.

Я видел, как в ее графах преломляются поля детсадовских боев. Вспомнил собственные и попытался представить, бывают ли другие.

Хотя, по сути, в этом и смысл. Люди воюют не из-за цвета кожи или идеологии: и то и другое – лишь удобные метки для отбора сородичей. В конечном итоге все сводится к генетическим линиям и дефициту ресурсов.

– Исаак сказал бы, что это другое дело, – заметил я.

– Пожалуй.

Бейтс отправила очередного солдатику в трюм; на его место с гудением заступили двое, плечом к плечу. Броня блестела в свете ламп.

– Сколько пехотинцев тебе нужно?

– Сири, мы готовимся к грабежу со взломом. Оставлять самим дом без присмотра было бы глупо.

Я изучал ее топологию так же тщательно, как она осматривала броню роботов: внутри бурлили сомнение и гнев.

– Ты в сложном положении, – заметил я.

– Как и все мы.

– Но ты отвечаешь за нашу оборону против врага, о котором мы пока ничего не знаем, можем лишь гадать.

– Сараста не гадают, – поправила Бейтс. – Его не случайно поставили командиром. Не вижу особого резона оспаривать его распоряжения, когда нам всем не хватает по сотне пунктов IQ, чтобы понять их смысл.

– Тем не менее о его хищнической натуре все предпочитают молчать, – заметил я. – Ему тоже нелегко: такой интеллект сосуществует с инстинктивной агрессией. Важно, чтобы победила верная сторона.

В этот момент ей пришлось в голову, что Сараста может подслушивать. Но в следующую секунду она решила, что это неважно: какое ему дело до мнения скотины, если та исполняет приказы?

– Я думала, – произнесла Бейтс вслух, – что вам, жаргонавтам, не положено иметь собственное мнение.

– Оно не мое.

Майор замолчала и вернулась к осмотру.

– Ты же знаешь, чем я занимаюсь, – напомнил я.

– Угу, – один из двух роботов прошел поверку и отправился вверх по хребту. Бейтс повернулась ко второму. – Упрощаешь. Чтобы народ, оставшийся на Земле, понял, чем тут занимаются специалисты.

– Отчасти.

– Мне не нужен переводчик, Сири. Если все пройдет гладко, то я спокойно выполню роль консультанта. Если нет – телохранителя.

– Ты офицер и военный эксперт. Я бы сказал, что для оценки возможной угрозы со стороны «Роршаха» это достаточная квалификация.

– Я – грубая сила. Разве Юкку или Исаака не надо упрощать?

– Именно этим я и занимаюсь.

Она обернулась.

– Вы взаимодействуете, – пояснил я. – Все компоненты системы влияют друг на друга. Обращать Сарасту, не учитывая тебя, – значит рассчитывать ускорение, забыв о массе.

Бейтс опять вернулась к своему выводу. Еще один робот прошел осмотр.

Она ненавидела не меня, а то, что подразумевалось под моим присутствием.

«Они не доверяют нам и не дают говорить за себя, – молчала она. – Как бы мы не были ловки, как бы далеко не обогнали остальную стаю. Может, именно поэтому. Мы для них как

зараженные. Мы субъективны. Поэтому с нами послали Сири Китона, который перескажет, что мы имели в виду на самом деле».

– Понимаю, – сказал я через минуту.

– Да ну?

– Это вопрос не доверия, майор, а местоположения. Нельзя рассмотреть систему изнутри, кем бы ты ни был. Пропорции искажаются.

– А для тебя – нет?

– Я вне системы.

– Сейчас ты общаешься со мной.

– Только как наблюдатель. Совершенство недостижимо, но достигаемо, понимаешь? Я не участвую в исследованиях и не принимаю решений; не вмешиваюсь в те аспекты миссии, которые призван изучать. Но, естественно, я задаю вопросы. И чем больше информации в моем распоряжении, тем точнее анализ.

– Я думала, тебе и спрашивать не надо. Считала, ты по губам читаешь или вроде того.

– Важна каждая мелочь, все идет в котел.

– И ты этим занимаешься прямо сейчас? Синтезируешь?

Я кивнул.

– Без всякого специального образования?

– Я такой же специалист, как и ты. Специалист по обработке информационных графов.

– Но ты ни черта не смыслишь в их содержании.

– Достаточно понимать форму.

Бейтс, кажется, нашла мелкий изъян в боевом роботе, которого разглядывала, и поскребла броню ногтем.

– А софт без твоей помощи не справился бы?

– Софт многое может, но кое-что мы предпочитаем делать сами, – я мотнул головой в направлении солдата. – Визуальный осмотр, например.

Она усмехнулась, признав поражение.

– Так что, прошу, говори свободно. Я обязан обеспечивать конфиденциальность, ты же знаешь.

– Спасибо, – произнесла она, имея в виду: «На борту корабля такой штуки просто не существует».

«Тезей» зазвенел. Вдогонку раздался голос Сарасты:

– Выход на орбиту через пятнадцать минут. Через пять всем собраться в вертушке.

– Ну, вот, – пробормотала Бейтс, отправляя в путь последнего солдата, – поехали.

Она оттолкнулась и поплыла вверх по хребту. Новорожденные машины-убийцы угрожающе пощелкивали в мою сторону. От них пахло новыми автомобилями.

– Кстати, – бросила Бейтс через плечо, – ты пропустил самое очевидное.

– Что-что?

В конце прохода она развернулась вверх ногами и как гимнастка приземлилась рядом с люком вертушки.

– Причину. Зачем кому-то нападать, если от нас им ничего не нужно.

– Если они на самом деле не нападают, – прочел я на ее лице. – Если они защищаются.

– Ты спрашивал насчет Сарасты. Крепкий парень, волевой лидер. Мог бы больше времени проводить с рядовым составом.

Вампир не уважает подчиненных. Не прислушивается к советам. Постоянно прячется. Я вспомнил косаток-мигрантов.

– Может, он шадит наши чувства?

Он знает, что заставляет нас нервничать...

– Разумеется, – отозвалась Бейтс.

Вампир даже себе не доверяет.

* * *

И это касалось не только Сарастии. Они все скрывались от людей, даже когда сила была на их стороне. Всегда жили на грани легенды.

Началось все как обычно: вампиры далеко не первые обнаружили преимущества сохранения энергии. Землеройки и колибри, обремененные крошечными тельцами и форсированным метаболизмом, за ночь умирали бы от голода, если бы не впадали в оцепенение на закате. Коматозные морские слоны, бездыханные, таились на дне морском, поднимаясь только в погоне за добычей или когда содержание лактата достигало критического уровня. Медведи и бурундуки снижали энергетические расходы, отсыпаясь голодными зимними месяцами, а двоякодышащие рыбы – существа родом из Девона, владеющие настоящим «черным поясом» по искусству спячки – могли лечь и сдохнуть на долгие годы, ожидая дождей.

С вампирами было немного иначе. Им мешал не метаболический разгон, недостаток кислорода или накрывающий кладовку снежный полог. Для них проблема заключалась не в малом количестве добычи, а в том, что они сами не слишком от нее отличались, так как совсем недавно отошли от базовой линии гоминидов. Наши темпы размножения совпадали. Обычная динамика типа «волк – заяц», когда на одного хищника приходится сотня жертв, здесь не подходила. Вампиры питались добычей, которая размножалась немногим быстрее их, и выжрали бы собственную кормовую базу в мгновение ока, если бы не научились давать по тормозам.

Эволюция вынесла им смертный приговор, когда они уже могли отключаться на десятки лет. В этом был двойной смысл. Анабиоз не только срезал их метаболические потребности, пока корм размножался до уровня потребления. Он давал на время забыть, что мы – их добыча. К плейстоцену люди сильно поумнели, даже могли позволить себе легкий скептицизм; если за годы жизни в саванне ты не сталкивался с ночными демонами, с чего тебе верить болтовне дряхлой бабки за трапезой у костра?

Сон вампиров был смертью для наших предков, пускай даже именно эти вражеские гены – ныне присвоенные людьми – спустя полмиллиона лет хорошо нам послужили, когда мы покинули Солнечную систему. Меня ободряла мысль о том, что Сарастии, скорее всего, сам чувствовал власть инстинктов, врожденное отвращение к собственной видимости, вылепленное поколениями в ходе естественного отбора. Быть может, каждую минуту, проведенную в нашем обществе, он сопротивлялся голосам, требовавшим от него скрыться, спрятаться и позволить добыче успокоиться. Вероятно, он уходил, когда становилось невмочь им сопротивляться. Вдруг мы его нервировали не меньше, чем он нас. Могли же мы на это надеяться, правда?

* * *

Наша окончательная траектория в равной мере сочетала элементы осторожности и отваги.

«Роршах» нарезал идеальные круги по экватору Большого Бена, на расстоянии 87 900 км от центра тяжести. Сарастии не желал выпускать объект из поля зрения: не надо быть вампиром, чтобы не доверять ретрансляционным спутникам в радиоактивной пурге из песка и роботов. Очевидной альтернативой стало согласование орбиты.

Спорить о том, всерьез ли «Роршах» грозил нам – и понимал ли, о чем говорит, – уже было явно не к месту. Так или иначе, мы могли столкнуться с защитными мерами, и длительное сближение только увеличивало риск. Поэтому Сарастии пришел к оптимальному компромиссу: умеренно эксцентричная орбита практически касалась объекта в перигее и держала нас на

отдалении все остальное время. Траектория получалась длиннее, чем у «Роршаха», и выше – на нисходящей дуге приходилось идти на тяге, чтобы синхронизировать вращение, – но в итоге мы не упускали объект из вида ни на минуту, а на дистанции поражения находились лишь в течение трех часов до и после нижней точки.

Нашей дистанции поражения, естественно. Насколько мы знали, «Роршах» был способен, например, протянуть руку и прихлопнуть нас еще до того, как мы покинули пределы Солнечной системы.

Сараста командовал из своей палатки. КонСенсус принес его голос в вертушку, когда «Тезей» проходил апогей:

– Пора.

«Чертик» воздвиг над собой купол – пузырь, приклеенный к корпусу «Роршаха» и надутый в вакууме одним выдохом азота. Теперь зонд навел лазеры на цель и принялся сверлить. Если сонар не ослышался, толщина поверхности под его ногами составляла всего тридцать четыре сантиметра. Несмотря на шесть миллиметров усиленной радиозащиты, лазерные лучи постоянно заикались во время работы.

– Сучий потрох, – пробормотал Шпиндель. – Это же надо, получается.

Мы прожгли прочный волокнистый эпидермис и изоляционные жилы какого-то материала, вроде управляемого асбеста. Слой за слоем сверхпроводящей сетки, перемежавшейся слоистыми углеродными пленками.

Мы пробились внутрь.

Лазеры тут же погасли. За несколько секунд кишечные газы «Роршаха» надули палатку как барабан. В загустевшей атмосфере клубилась и плелась черная сажа.

Никто по нам не стрелял и никак не отреагировал. Вообще! В КонСенсусе начали копиться парциальные давления газов: метан, аммиак, водород. Много водяного пара, вымерзавшего быстрее, чем приборы успевали его регистрировать.

Шпиндель хрюкнул.

– Восстановительная атмосфера. Доснежковая фаза ⁴⁰.

В его голосе звучало разочарование.

– Может, они еще не закончили работу, – предположила Джеймс. – Как и над всем объектом.

– Может...

«Чертик» высунул язык – огромный механический сперматозоид с оптомышечным хвостом. Головой ему служил толстокожий ромб, половину поперечного сечения которого занимала керамическая броня. Крошечный ганглий датчиков в его сердцевине был рудиментарным, но настолько маленьким, что мог просочиться в просверленную лазером узкую дырочку диаметром с карандаш. Зонд просунулся внутрь, облизывая свежепрорванное отверстие «Роршаха».

– Темно там, – заметила Джеймс.

– Зато тепло, – ответила Бейтс.

Двести восемьдесят один кельвин ⁴¹. Выше точки замерзания.

Эндоскоп нырнул во тьму. В тепловом спектре прорезалась зернистая черно-белая картинка – что-то вроде тоннеля, заполненного туманом, с причудливыми каменными наростами. Стены гнулись как соты или окружности окаменевшей кишки. Тут и там от центрального прохода ответвлялись тупички и боковые коридоры. Судя по виду, основным материалом служило

⁴⁰ Доснежковая фаза – речь идет о гипотезе Земли-снежка (Snowball Earth), которая заключается в том, что Земля в части криогенийского и эдиакарского периодов (от 850 до 640 млн лет назад) была полностью покрыта льдом. Соответственно, до этого периода атмосфера Земли не содержала кислород в существенных количествах. Поэтому Шпиндель сравнивает атмосферу на борту «Роршаха» с доснежковой.

⁴¹ 281° K = плюс 8° по Цельсию.

плотное слоеное «тесто» из углеродного волокна. Местами в зазор между слоями едва можно было просунуть палец, а в некоторые щели удалось бы пропихнуть труп.

– Дамы и господа, – вполголоса произнес Шпиндель. – Кушать подано – чертова пахлава.

Я был готов поклясться, что заметил какое-то очень и очень знакомое движение. Камера сдохла.

Роршах

Матери любят своих детей больше, чем отцы, так как они более уверены в том, что это именно их дети.

Аристотель

Попрощаться с отцом я не смог; даже не знаю, где он был в то время.

Прощаться с Хелен я не хотел, не желал туда возвращаться. Только проблема была в том, что теперь я мог вообще никуда не ехать: на планете не осталось места, где бы Гора ни взяла и ни пришла к Магомету. Небеса были лишь очередным районом глобальной деревни, и та не оставляла мне выбора.

Я связался с матерью прямо из своей квартиры. Новые имплантаты – заточенные под экспедиционные нужды и всего неделю назад вставленные под череп – навели мост в ноосферу и постучались во ворота рая. Некий ручной призрак, столь же бесплотный, как Петр-ключник, хотя более правдоподобный, принял записку и умчался.

Меня пустили внутрь.

Ни передней, ни комнаты свиданий: Небеса не предназначались для досужих зеваяк; любой рай, в котором бы себя уютно чувствовали скованные плотью, оказался бы нестерпимо прозаичен для бестелесных душ. Гость и хозяин могли видеть совершенно разные обстановки. Если бы я захотел, то мог бы снять с полки любой стандартный пейзаж и обставить это место, как мне заблагорассудится. Сами взошедшие, конечно, не поддавались изменению. Хотя одно из преимуществ посмертия – возможность самому выбирать себе лица.

То, чем предстала моя мать, лица не имело. И черта с два, я стану прятаться перед ней за какой-то маской.

– Привет, Хелен.

– Сири! Какой чудесный сюрприз!

Она была абстракцией абстракции: нереальным пересечением десятков ярких стекол, словно засветился изнутри и ожил рассыпавшийся витраж. Она кружилась передо мной, как стая рыбок. Ее мир был отдаленным эхом телесного существования Хелен: огоньки, острые углы и трехмерные эшеровские парадоксы, громоздившиеся сияющими тучами. И все же почему-то я узнал бы ее в каком угодно виде. Небеса – это сон: только проснувшись, понимаешь, что люди, которых ты там видел, совсем не похожи на тех, с кем ты сталкивался в реальной жизни.

В сенсорном поле я нашел лишь один знакомый ориентир – рукотворный рай моей матери пропах корицей.

Я смотрел на сияющую аватару и представлял себе тело, отмокающее в чане с питательным раствором глубоко под землей.

– Как поживаешь?

– Прекрасно... Прекрасно! Конечно, не сразу привыкаешь к тому, что твой разум принадлежит не тебе одной. (Рай не только питал мозги своих обитателей, но и кормился ими – использовал резервные мощности незадействованных синапсов, поддерживая собственную инфраструктуру.) Тебе обязательно надо сюда перебраться, и чем быстрее, тем лучше. Ты не захочешь уходить.

– Вообще-то я улетаю, – отозвался я. – Завтра старт.

– Улетаешь?

– Пояс Койпера. Ты знаешь. Светлячки.

– Ах, да... Кажется, я что-то слышала. Понимаешь, новости из внешнего мира к нам почти не поступают.

– В общем, я хотел попрощаться.

– Я рада. Надеялась увидеть тебя без... ну, ты понимаешь...

– Без чего?

– Ты знаешь. Не хочу, чтобы твой отец подслушивал. Опять...

– Хелен, отец на задании. Межпланетный кризис. Может, ты слышала хоть какие-то новости?

– Разумеется. Ты знаешь, я не всегда терпеливо переносила длительные командировки твоего отца. Но, вероятно, все к лучшему: чем меньше времени он проводил с нами, тем меньше мог сделать.

– Сделать?

– С тобой, – призрак застыл на несколько секунд, изображая неуверенность. – Никогда тебе этого прежде не говорила, но... нет. Не стоит!

– Не стоит что?

– Вспоминать... старые обиды.

– Какие обиды?

Точно по звонку, привычка въелась слишком глубоко. Я ничего не мог с собой поделаться – всегда таял по команде.

– Ну, – начала она, – иногда ты возвращался – когда был совсем маленький, – и у тебя было такое лицо... напряженное и застывшее, что я думала: почему ты так сердисься, малыш? На что может злиться такая кроха?

– Хелен, о чем ты? Возвращался откуда?

– Оттуда, куда он тебя водил, – на ее гранях мелькнуло что-то вроде дрожи. – Тогда твой отец еще не так часто уезжал, не был такой важной персоной – просто помешанным на карате бухгалтером, готовым болтать о криминалистике, теории игр и астрономии, пока не вгонит собеседника в сон.

Я попытался себе представить: мой отец – болтун.

– Это не похоже на папу.

– Само собой! Тогда ты был слишком мал, чтобы запомнить, а он был просто маленьким человеком. Им и остался, несмотря на все тайные задания и засекреченные инструкции. Никогда не понимала, как люди этого не замечают. Но даже в те времена твой отец предпочитал... ну, это все же не его вина, наверное. У него было трудное детство, он так и не научился решать проблемы, как взрослый. Предпочитал давить и использовать свое положение, можно так сказать. Я узнала об этом после того, как мы поженились. Если бы раньше, я... но я приняла этот груз и не бросила его.

– Хочешь сказать, что он издевался над тобой? – «Оттуда, куда он тебя водил». – Ты... хочешь сказать, что и надо мной?

– Сири, издевательства бывают разные. Порой слова ранят сильнее пуль. А бросить ребенка...

– Он не бросал меня, а оставлял с тобой.

– Твой отец бросал нас, Сири! Порой на целые месяцы, и я... мы не знали, вернется ли он. Это был его выбор! Он не нуждался в этой работе, имел массу других специальностей, которые много лет назад ушли в прошлое.

Я недоверчиво покачал головой, не в силах произнести вслух услышанное: мать ненавидела отца за то, что у того не хватило любезности устареть.

– Отец не виноват, что мировая служба безопасности по-прежнему необходима, – произнес я.

Она продолжала, будто не слыша меня:

– Были времена, когда нашим ровесникам приходилось работать, чтобы свести концы с концами. Но даже тогда люди предпочитали проводить время с семьей, позволяли себе такую

роскошь. А сознательно оставаться на работе, без особой на то необходимости – это... это... – Она разбилась и собралась вновь уже рядом со мной. – Да, Сири, я считаю это издевательством. И если бы твой отец был верен мне хотя бы вполтину, как я ему...

Я вспомнил Джима и нашу последнюю встречу: как он нюхал вазопрессин под тревожными взглядами роботов-охранников.

– По-моему, отец нас не предавал.

Хелен вздохнула:

– Я и не надеялась, что ты поймешь. Я не такая уж дура, видела, чем все обернулось. Все эти годы мне фактически пришлось растить тебя одной, пришлось быть строгой, заниматься твоим воспитанием. Ведь отец опять укатил на очередное секретное задание! Он возвращался на неделю-другую, и ты смотрел на него влюбленными глазами лишь потому, что папа соизволил явиться. Я виню тебя в этом не больше, чем его, вина уже ничего не решает. Я просто думала... решила, что тебе стоит знать. Как хочешь, так и понимай.

Непрощеное воспоминание: мне девять лет, и Хелен зовет меня лечь рядом с ней; гладит ладонью мой шрам, несвежее сладковатое дыхание касается моей щеки. «Ты – единственный мужчина в семье, Сири. На твоего папу больше нельзя положиться. Только ты да я...»

Я ничего не ответил, но спросил:

– Неужели совсем не помогло?

– Ты о чем?

Я обвел взмахом руки созданную на заказ абстракцию, самоподдерживающийся осознанный сон.

– Здесь ты всемогуща. Пожелай что хочешь, вообрази что угодно, – и вот оно. Я думал, ты сильнее изменишься.

Радужные витражи аккомпанементом заиграли под натянутый смешок.

– Для тебя это – недостаточная перемена?

Нет.

Небеса оказались с изъяном: сколько бы аватар и големов ни строила здесь Хелен, сколько бы скудельных сосудов ни пели ей осанну и ни сострадали несправедливости, которую она претерпела, в конечном итоге все сводилось к разговору с самой собой. Существовала иная реальность, над которой мать не властвовала, и другие люди, которые не подчинялись ее правилам и думали о ней, как заблагорассудится. Если вообще думали. Она могла провести всю жизнь, не встретившись с ними. Но она знала об их существовании, и это сводило ее с ума. Когда я покидал Небеса, мне пришло в голову, что при всем всемогуществе мать стала бы абсолютно счастливой в собственном раю лишь в одном случае – если бы вся остальная вселенная сгинула без следа.

* * *

– Этого не должно было случиться! – отчеканила Бейтс. – Защита держалась.

Банда сидела в своей палатке по другую сторону вертушки и с чем-то возилась. Сарасты в тот день держался за кулисами и отслеживал происходящее из своего логова. В общей комнате остались я, Бейтс и Шпиндель.

– Против чистого ЭМ-поля – может быть. – Шпиндель потянулся, подавляя зевок. – В живых тканях ультразвук проталкивает магнитные поля через оболочки. Могло такое случиться с вашей электроникой?

Бейтс развела руками.

– Кто ее разберет? С тем же успехом там могли поработать эльфы и черная магия.

– Ну, это был не полный провал. Можно сделать несколько интересных предположений.

– Например?

Шпиндель поднял палец:

– Слои, которые мы прорезали, не могли появиться в ходе естественных метаболических процессов, по крайней мере, я таких представить не могу. Так что эта штука не живая в биологическом смысле слова. Если, конечно, в наши дни это что-то значит, – добавил он, окидывая взглядом чрево нашего кита.

– Как насчет жизни внутри объекта?

– Бескислородная атмосфера. Сложную многоклеточную жизнь, скорее всего, можно исключить. Микробы – вероятно, хотя, если они там есть, я жажду увидеть это чудо. Но любой достаточно сложный организм, способный мыслить, не говоря о том, чтобы построить вот это, – Шпиндель указал на изображение в КонСенсусе, – требует высокоэнергетического метаболизма, а значит, кислорода.

– Ты думаешь, что «Роршах» пустой?

– Этого я не говорил. Инопланетянам положено быть загадочными, и все такое, но я не понимаю, зачем кому-то строить заповедник космических масштабов для анаэробных бактерий.

– В этой штуке кто-то должен обитать. Зачем тогда вообще атмосфера, если мы имеем дело просто с терраформирующим автоматом?

Шпиндель ткнул пальцем в сторону палатки.

– Как сказала Сьюзен: атмосфера еще строится. Так что можем потусить в пустом доме, пока хозяева не явились.

– В пустом?

– Типа того. Я прекрасно понимаю, что мы видели лишь крохотную долю от всего объекта. Но кто-то же видел, как мы приближаемся! И, насколько помню, очень сердился. Если они разумны и враждебны, почему не стреляют?

– А может, уже выстрелили.

– Если что-то внутри и расстреляло твоих роботов, оно поджарило их не быстрее обычной естественной среды.

– То, что ты называешь «обычной естественной средой», может оказаться активной защитой. Иначе, почему орбитальная станция настолько необитаема?

Шпиндель закатил глаза.

– Ладно, я ошибся. Для предположений мы знаем недостаточно.

Нельзя сказать, что мы не пытались раздобыть больше информации. Когда сенсорная головка «чертика» напрочь сгорела, мы разжаловали его в землекопы; зонд по волоску расширял шахту, терпеливо выжигая края проделанной первоначально замочной скважины, пока та не достигла метра в диаметре. Тем временем мы переделывали пехотинцев Бейтс – навесили столько защиты, что те не отказали бы и в ядерном реакторе, и внутри циклотрона, – и в перигее сбросили их на «Роршах», словно камушки с опушки в зачарованный лес. Каждый из них по очереди прошел воротца «чертика», разматывая за собой нити оптоволокон для передачи данных в ионизированной атмосфере.

Мимолетный взгляд – вот и все, чего им удалось добиться. Мы получили несколько эпизодических сцен. Видели, как шевелятся стены «Роршаха»: волны перистальтики лениво колыхали его внутренности. Видели, как из стен в мучительных спазмах вылезают похожие на патоку новообразования, которые с течением времени должны были совершенно перекрыть проход. Сквозь некоторые помещения наша пехота проплывала с легкостью, в других спотыкалась и с трудом находила дорогу среди магнитного шума. Роботы пролезали сквозь странные пасти, ощеренные бритвенно-острыми зубами, тысячами спирально изогнутых треугольных лезвий, выложенных параллельными рядами. Они осторожно обходили облака тумана, слепленные в абстрактные фрактальные фигуры, смещающиеся, бесконечно повторяющие себя, чьи заряженные капли были нанизаны на мириады сходящихся линий электромагнитного поля.

Рано или поздно каждый солдат сгорал. Или мы теряли с ним связь.

– Можно улучшить радиационную защиту? – полюбопытствовался я.

Шпиндель взглянул на меня.

– Мы и так уже замуровали все, кроме датчиков, – объяснила Бейтс. – Если закрыть и их, мы ослепнем.

– Но видимый свет относительно безопасен. Как насчет чисто оптического...

– Мы уже пользуемся оптической связью, комиссар, – отрезал Шпиндель. – Мог бы заметить, что всякая хрень все равно просачивается.

– Но есть же эти... как их... – я поискал слова, – полосовые фильтры? И приспособления, которые будут пропускать видимые частоты, срезая смертельное излучение?

Шпиндель фыркнул.

– Ага! Такая штука называется «атмосферой», и если бы мы приволокли ее с собой – раз в пятьдесят толще земной, – она могла бы частично отфильтровать эту кашу. Правда, Земле еще здорово помогает магнитное поле, но я не стал бы полагаться на нашу ЭМ-защиту.

– Если мы и дальше будем сталкиваться с такими всплесками, – уточнила Бейтс. – Настоящая проблема в них.

– Они повторяются со случайными интервалами? – поинтересовался я.

Шпиндель пожал плечами, как вздрогнул:

– Не думаю, что в здешних местах есть что-то случайное. Хотя кто знает? Нужно больше данных.

– Которые мы вряд ли получим, – закончила Джеймс, подползая к нам по потолку, – если зонды и впредь будет коротить.

Условное наклонение оказалось чистой фигурой речи. Мы рискнули, жертвовали зондами одним за другим – в надежде, что хотя бы одному повезет. Чем дальше они уходили от базы, тем быстрее их шансы на выживание стремились к нулю. Мы пытались экранировать оптоволокно для уменьшения протечек; замотанный в несколько слоев феррокерамики кабель получался настолько жестким и негибким, что мы фактически размахивали зондом на палочке. Решили обойтись без помочей и отправляли роботов на самостоятельную разведку в радиоактивный буран, надеясь потом скачать данные – но ни один не вернулся. В общем, испробовали все.

– Мы можем отправиться туда сами, – сказала Джеймс.

Ну, все, приехали...

– Ага, – выдавил Шпиндель голосом, который мог значить только «нет!».

– Это единственный способ выяснить что-то дельное.

– Например, за сколько секунд твои мозги превратятся в циклотронное рагу.

– Скафы можно экранировать.

– В смысле – как зонды Мэнди?

– Не надо меня так называть, пожалуйста! – вмешалась Бейтс.

– Суть в том, что «Роршах» тебя убьет, будь ты из мяса или металла.

– Суть в том, что мясо он убивает иначе, – отозвалась Джеймс. – Медленнее.

Шпиндель покачал головой.

– Через пятьдесят минут тебе все равно каюк. Несмотря на защиту. Даже в так называемых «холодных зонах».

– Три часа лучевая болезнь протекает бессимптомно. Смерть наступает лишь через несколько дней, но мы успеем вернуться на «Тезей», и корабль подлатает нас в два счета. Это даже мы знаем, Исаак! Все – в КонСенсусе. А если это знаем мы, ты точно в курсе. Так что спорить не о чем.

– Такая у тебя идея? Каждые тридцать часов накачиваться жестким излучением, а мне потом вырезать опухоли и по клетке склеивать всех заново?

- Капсулы работают автоматически, тебе даже пальцами шевелить не придется.
- Не говоря о фокусах, которые выделяют с мозгом магнитные поля. Мы начнем галлюцинировать с первой секунды, как...
- Отфарадеить скафандры.
- Ага, то есть мы полезем туда глухими и слепыми. Здорово!
- Пусть только свет проходит. Инфракрасное...
- Сюзи, это все излучение! Даже если мы замажем шлем черной краской и будем ориентироваться по видеосигналу, радиация просочится через кабельное гнездо.
- Немного, да. Но это все же лучше, чем...
- Господи! – от тремора из уголка губ Шпинделя брызнула слюна. – Дай мне поговорить с Ми...
- Я обсудила это с остальной Бандой, Исаак! Мы все согласны.
- Все согласны? Сюз, вы решаете не большинством голосов. Оттого, что ты порезала мозг на мелкие кусочки, каждый из них не получает избирательного права.
- Не понимаю, почему нет. Каждый из нас, как минимум, столь же разумен, как и ты.
- И все они – ты. Только распараллеленная.
- Ты, кажется, без труда воспринимаешь Мишель как отдельную личность.
- Мишель, она... Я хочу сказать – да, вы все – совершенно разные грани, но оригинал один. Твои альтер э...
- Не называй нас так, – вмешалась Саша. Ее голос был холоден словно жидкий кислород. – Никогда!
- Шпиндель попытался отступить.
- Я не имел в виду... ты же понимаешь...
- Но Саша ушла.
- И что ты имел в виду? – поинтересовался вместо нее мягкий голос. – Ты думаешь, что я просто... ипостась Мамочки? Что когда мы вместе, ты наедине с ней?
- Мишель, – жалким голосом пробормотал Шпиндель. – Нет. Я хотел сказать...
- Не важно, – перебил Сараста. – Мы не голосуем.
- Вампир парил над нами в центре вертушки, скрытый непроницаемым забралом. Никто не заметил его появления. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, не выпуская нас из виду, пока мы вращались вокруг него.
- Запускаем «Сциллу». Аманде нужны два солдата без привязи с вооружением только для защиты. Камеры с диапазоном от одного до миллиона ангстрем, экранированные микрофоны без автономного контроля. К 13.50 всем принять тромбоцитарный стимулятор, дименгидринат ⁴² и йодистый калий.
- Всем? – переспросила Бейтс.
- Сараста кивнул.
- Окно открывается на четыре часа двадцать три минуты.
- Вампир снова повернулся к хребту.
- Кроме меня, – сказал я.
- Сараста замер.
- Я не участвую в полевых работах, – напомнил я.
- Теперь участвуешь.
- Я синтез.
- Он это знал, как и все остальное: нельзя наблюдать систему изнутри.

⁴² Дименгидринат – хлортеофиллиновая соль димедрола. Также известен под названием «драмамин». Используется как препарат против тошноты.

– На Земле ты синтез, – отчеканил вампир. – В Койпере ты синтез. А здесь – балласт. Делай, что говорят.

Сарастии исчез.

– Добро пожаловать в общую картину, – пробормотала Бейтс.

Остальные уже расходились. Я взглянул на нее:

– Ты же знаешь, я...

– Мы очень далеко забрались, Сири. Нельзя ждать решений твоего начальства четырнадцать месяцев, и ты это знаешь.

Она подпрыгнула с места и пронеслась сквозь голограммы в невесомость, царящую в центре вертушки. Там остановилась, будто отвлекшись на внезапное озарение, и, ухватившись за спинной хребет, развернулась ко мне лицом:

– Тебе не стоит себя недооценивать. Как и Сарастии. Ты наблюдатель, верно? Могу держать пари, внизу будет, за чем понаблюдать.

– Спасибо, – отозвался я.

Но я уже знал, зачем Сарастии отправил меня на «Роршах», и наблюдение не являлось главной причиной. Трое ценных работников – под огнем, а подсадная утка хоть немного увеличивала шанс на то, что первый раз выстрелят не по ним.

* * *

И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь пророчествовать с ними,
и сделаешься иным человеком.

Первая книга Царств, 10:6⁴³

– Вероятно, на протяжении почти всей эволюционной истории мы были раздробленными, – сказала мне Джеймс, когда мы еще только знакомились, и постучала себя по виску. – Там, внутри, места много. Мозг современного человека без всякой перегрузки может вести десятки мыслительных процессов одновременно. А параллельная многозадачность имеет очевидное преимущество в плане выживания.

Я кивнул.

– Десять голов лучше одной.

– Наша интеграция могла произойти совсем недавно. Некоторые эксперты считают, что в определенных обстоятельствах и сейчас мы можем вернуться к множественным личностям.

– Само собой. Ты – живой пример.

Она покачала головой.

– Я не о физическом разделении. Конечно, мы – почти произведение искусства, но теоретически хирургия не нужна. Достаточно сильного стресса, причем в раннем детстве.

– Шутишь?

– Это в теории, – призналась Джеймс и мутировала в Сашу:

– Хрена с два «в теории». Отдельные случаи фиксировали еще полвека назад.

– Правда? – Я устоял перед искушением воспользоваться имплантатами; рассеянный взгляд мог меня выдать. – Не знал.

– Сейчас те времена вспоминать не принято. В те времена с многоядерниками поступали по-варварски – считали это «расстройством» и лечили как болезнь: оставляли одно из ядер, а остальных кончали. Естественно, убийством такие действия не называли, говорили «интегра-

⁴³ Смысл этого эпиграфа теряется в синодальном переводе Библии. В английском тексте, которым пользуется автор (он также полностью не совпадает ни с одним из канонических переводов Ветхого Завета на английский), говорится буквально так: «Господь овладеет тобой: станешь плясать, и бесноваться, и сделаешься иным человеком».

ция» и прочая хрень. Люди создавали других людей, обрекали их на пытки и мучения, а затем, когда отпадала нужда, убивали.

Обычно таким тоном при первом знакомстве не разговаривают. Джеймс аккуратно выпихнула Сашу с водительского места, и беседа понемногу вошла в пристойное русло.

Однако мне не приходилось слышать, чтобы кто-то из Банды называл других «альтер эго» – ни тогда, ни теперь. В устах Шпинделя это прозвучало почти безобидно. Я удивился, почему они так оскорбились; и теперь, пока я парил в пустой палатке, убивая минуты одиночества перед вылетом, никто не видел, как остекленели мои глаза после подключения к КонСенсусу.

Понятие «альтер эго» больше ста лет несет на себе груз отрицательных ассоциаций, сообщил он мне. Саша не ошибалась: было время, когда комплекс многоядерной личности считали расстройством, болезнью, и его никогда не вызывали намеренно. Специалисты тех лет считали, что множественные личности рождаются спонтанно, в невообразимых котлах насилия – осколки индивидуумов приносили в жертву, именно на них сваливались изнасилования и побои, пока дитя пряталось в неведомом приюте среди мозговых извилин. Стратегия выживания и одновременно ритуальное самоубийство: бессильные души рвались на куски, возлагая на алтарь трепещущие куски себя в тщетной надежде умиловить мстительных, ненасытных богов – Маму и Папу.

Все это оказалось вымыслом. Во всяком случае, подтверждения теории не нашлось. Тогда специалисты были, по сути, шаманами, исполнявшими импровизированный танец с бубном: петлистые извивы свободных бесед, полные наводящих вопросов и невербальных символов; возня падальщиков в помойке переваренного детства. Иногда – доза лития или галоперидола (если бубен с погремушкой оказывались бессильны). Технология картографирования разума только начиналась, до уровня коррекции оставались годы. Психотерапевты и психиатры докапывались до своих жертв и придумывали названия тому, чего не понимали, ведя диспуты над алтарями Фрейда, Кляйна и древних астрологов; из всех сил делали вид, что они тоже – Наука.

В конечном итоге, именно Наука и размазала их по асфальту. Расстройство множественной личности оставалось полузабытой фантазией до появления синаптической корректуры. Но оборот «альтер эго» сохранился, и его значение не изменилось. Среди тех, кто помнил историю, это выражение стало синонимом предательства, человеческих жертвоприношений и пушечного мяса.

Представив себе топологию сосуществующих душ Банды четырех, я понял почему Саша поддалась этому мифу, и почему Сьюзен позволила ей такое поведение. В конце концов, ничего невозможного в самом понятии не было – его доказывало само существование Банды. А когда тебя отшелушили от уже существующей личности и вызвали из небытия прямо во взрослую жизнь – осколок личности, лишенный полноценного собственного тела, – можно понять и простить некоторую озлобленность. Да-да, вы все равны и одинаковы, ни одна не превосходит другую. Но фамилия есть у одной Сьюзен.

Лучше направить эту злобу на старые обиды, реальные или вымышленные. Это конструктивнее, чем срывать гнев на тех, кто делит с тобой одну плоть.

И в тот момент, когда вокруг сияли диаграммы, документирующие непреклонный рост левиафана в глубине, я понял еще одно. Не только, почему Саше было так не по душе это слово, но и почему Исаак Шпиндель бессознательно его произнес.

С точки зрения Земли, все мы на борту «Тезея» были альтер эго.

* * *

Сараста остался на корабле (для него сменщика не предусмотрели).

В челнок набились мы, все остальные: в переделанных скафандрах, так обвешанных радиационной защитой, что они походили на старинные водолазные костюмы. Здесь следовало

соблюдать тщательный баланс, слишком сильное экранирование могло навредить больше, чем его полное отсутствие, так как расщепляло первичные частицы на вторичные корпускулярные – столь же смертоносные, но более многочисленные. Придется терпеть невысокий уровень излучения, иначе оставалось только нырнуть в свинец и застыть, как комару в янтаре.

Мы отбыли за шесть часов до перигея. «Сцилла» мчалась вперед с детским нетерпением, оставив позади родителя. На лицах за моей спиной особого энтузиазма не было за одним исключением: Банда четырех едва не мерцала за забралом шлема.

– Волнуешься? – спросил я.

– Еще бы, твою мать! – отозвалась Саша. – Это ж полевые исследования. Китон. Первый контакт.

– А если там никого нет?

Или есть, но мы им не понравимся?

– Тем лучше! Почитаем их дорожные знаки и этикетки от печенья без присмотра местной полиции.

Мне стало интересно, выражает ли она общее мнение. В том, что Мишель считает иначе, я не сомневался.

Иллюминаторы «Сциллы» были задраены. Наружу не выглянуть, внутри смотреть не на что, кроме роботов, тел и корявого контура, что разрастается на дисплее внутри шлема. Но я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чувал, как он приближается: как обугленный полог выгоревшего инопланетного леса; скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял, как титанические разряды проскакивают между его ветвями и себя на их пути.

Какие существа согласятся жить в подобном месте?

– Ты правда считаешь, что мы договоримся? – пробормотал я.

Джеймс пожала плечами – под броней было едва заметно.

– Может, не сразу. Может, мы не с того начали. Скорее всего, придется распутывать массу недопониманий. Но, в конце концов, мы друг друга поймем.

Очевидно, она решила, что ответила на мой вопрос.

Челнок заложил вираж, и мы повалились друг на друга, словно кегли. Тридцать секунд микроманевров ушли на торможение. На внутришлемном дисплее засветилась веселая картинка в сине-зеленых тонах: шлюзовой рукав проталкивался сквозь мембрану, служившую проходом в надувную прихожую «Роршаха». Даже в виде мультяшки это выглядело слегка порнографически.

Бейтс заранее пристроилась у шлюза. Она отодвинула внутреннюю дверь.

– Берегите головы.

Это не так просто, когда ты закутан в феррокерамику и костюм жизнеобеспечения. Шлемы колыхались и сталкивались. Пехотинцы, распластанные по потолку, как гигантские смертоносные тараканы, с гудением пробудились к жизни и оторвались от поверхности. Протолкнулись в тесную щель над головами, загадочно покивали хозяйке и скрылись за кулисами.

Бейтс затворила внутреннюю дверь. Шлюз вдохнул-выдохнул и открылся снова, уже пустой.

Если верить приборам, все в норме. Зонды терпеливо ждали в прихожей, на них никто не набрасывался. Майор последовала за ними.

Картинки пришлось ждать целую вечность. Сквозь каналы связи просочились лишь капли информации. Речь проходила туда и обратно без проблем, но каждый кадр весил больше миллиона слов.

– Пока никаких сюрпризов, – доложила Бейтс голосом поврежденного варгана ⁴⁴.

⁴⁴ Врган – один из древнейших музыкальных инструментов из семейства языковых.

Вот оно: глазами второго пехотинца мы увидели первого. Тот стоял неподвижный на зернистой черно-белой картинке. Это была открытка из прошлого: слух, обращенный в зрение, отражение неуклюжих вибраций густой метановой атмосферы о корпус. Чтобы каждый испещренный помехами кадр дополз до внутришлемного дисплея, нужно было несколько секунд: вот пехотинцы спускаются в яму, вползают в кишку «Роршаха», вот мерными шагами продвигаются через загадочный, враждебный мир. В нижнем левом углу каждой картинке стояло время снимка и показатель мощности магнитного поля.

Когда не доверяешь ЭМ-спектру, многое теряется.

– На вид все в порядке, – отчиталась Бейтс. – Захожу.

В менее враждебной Вселенной роботы катились бы по главной улице, отсылая нам кристально-четкую картинку в идеальном разрешении. Шпиндель и Банда потягивали бы кофе в вертушке, указывая пехотинцам здесь взять пробу, а тут сделать снимок крупным планом. В менее враждебной Вселенной меня бы тут вообще не было...

На открытке появилась Бейтс: она вылезла из фистулы. На следующей – повернулась спиной к камере – очевидно, осматривала периметр. На следующей – глядела прямо на нас.

– Н... нормально, – выдавила она. – Сп... спускайтесь.

– Не так быстро, – упредил Шпиндель. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Немного... странно, но...

– В каком смысле «странно»?

Первый признак лучевой болезни – тошнота, но если расчеты верны, он должен проявиться не раньше, чем через час-другой. Когда мы хорошенько «прожаримся» под излучением.

– Легкая дезориентация, – отозвалась Бейтс. – Тут жутковато малость, но... Должно быть, «синдром зеленых человечков». Терпимо.

Я покосился на Банду. Лингвист посмотрела на Шпинделя. Тот пожал плечами.

– Лучше не станет, – донесся издалека голос Бейтс. – Часы... часики тикают, ребята. Спускайтесь.

Мы спустились.

* * *

На жилой дом «Роршах» не походил. Вообще. Скорее на обиталище призраков.

Даже когда стены замирали, они все равно двигались: уголок глаза ты постоянно замечал ползущее шевеление. А спиной всегда чувствовал, как за тобой наблюдают, испытывал жуткую уверенность в том, что где-то сидят недобрые чужие наблюдатели и следят за тобой. Я оборачивался, надеялся застать призраков врасплох, но не видел ничего, кроме полуслеплого пехотинца, плывущего вдоль тоннеля, или нервного испуганного коллеги, пялящегося на меня. Стены из блестящей черной лавы прорастали сотнями глаз, которые захлопывались за миг до того, как их могли заметить. Наши фонари разгоняли тьму метров на двадцать, дальше царили туман и тени. И еще звуки – «Роршах» поскрипывал, словно древний парусник, затертый в паковых льдах. Гремучими змеями шипели разряды.

Говоришь себе, что это иллюзия. Напоминаешь, что такие симптомы уже давно исследованы – неизбежные последствия слишком тесного контакта плоти с высокоэнергетическими полями, которые пробуждают призраков и кошмары в височных долях, вызывают из среднего мозга парализующий ужас и пропитывают им сознание. Они путают двигательные нервы и заставляют спящие имплантаты петть, подобно хрупким звонким кристаллам.

Артефакты, вот что они такое! Ты повторяешь это про себя так часто, что мантра теряет даже подобие смысла, вырождаясь в магическое заклинание, абракадабру против злых сил. Голоса, шепчущиеся за броней шлема, и полузаметные твари, видимые лишь искоса, ненасто-

ящие. Они – обман разума, нейрологический балаган, который на протяжении веков убеждал людей, что их мучают призраки, похищают пришельцы, преследуют...

...вампиры...

И начинаешь думать, остался Сараста на борту или все это время был тут, рядом, и ждал тебя.

– Очередной пик, – предупредила Бейтс, когда на моем дисплее начали зашкаливать теслы и зиверты ⁴⁵. – Держитесь!

Я ставил колокол Фарадея ⁴⁶. Точнее говоря, пытался: уже протянул от входа главную растяжку к вялому мешку, повисшему посреди тоннеля, и вдруг все вылетело из головы. Да, что-то насчет якорного каната... Чтобы... отцентровать колокол.

В свете нашлемного фонаря стена поблескивала мокрой глиной. В моих глазах вспыхивали сатанинские руны.

Я налепил якорную пластину на стенку. Готов был поклясться, что материал передернуло! Пальнул из реактивного пистолета, отступив к середине прохода.

– Они здесь, – прошептала Джеймс.

Что-то было рядом. Я чувствовал за спиной чужое присутствие, куда бы ни повернулся. Ревущая тьма клубилась на краю поля зрения: жадная пасть, широкая как тоннель. Она была готова в любой миг с невероятной быстротой надвинуться и поглотить нас.

– Они прекрасны... – прошептала Джеймс.

В ее голосе не было страха, только изумление.

– Что? Где? – Бейтс не переставала крутиться на месте, пытаясь смотреть сразу на все четыре стороны. Зонды, похожие на бронированные фигурные скобки, под ее управлением беспокойно ворочались, туда-сюда тыкая пушками. – Что ты заметила?

– Не там, здесь. Повсюду! Разве вы не видите?

– Ничего не вижу, – дрожащим голосом выдавил Шпиндель.

– Это электромагнитные поля, – произнесла Джеймс. – Вот как они общаются. Конструкция полна языков, это...

– Я ничего не вижу, – повторил биолог. Его дыхание громко и часто отдавалось в наушниках. – Я ослеп.

– Черт. – Бейтс повернулась к нему. – Как оно может... радиация?

– Н-не думаю, что д-дело в ней.

Девять тесла, и призраки повсюду. Пахло жимолостью и асфальтом.

– Китон! – окликнула Бейтс. – Ты с нами?

– Д-да, – едва-едва.

Я снова стоял рядом с клеткой, сжимая в руке вытяжной трос. Пытался игнорировать то, что похлопывало меня по плечу.

– Бросай! Вытаскивай Шпинделя!

– Нет! – Тот беспомощно болтался посреди коридора. Пистолет мотало на поводке. – Нет! Брось мне что-нибудь!

– Что?!

Это все у тебя в голове. Все у тебя в...

– Брось мне что-нибудь! Что угодно!

Бейтс заколебалась.

– Ты сказал, что ослеп...

– Давай!

⁴⁵ *Зиверт* – единица измерения эффективной дозы ионизирующего излучения.

⁴⁶ *Колокол Фарадея* – в этом термине сочетаются водолазный колокол и клетка Фарадея: замкнутое пространство, ограниченное листом или сеткой из токопроводящего материала, которое является защитой от электромагнитного излучения.

Бейтс сорвала с пояса запасную батарею и швырнула ее Исааку. Шпиндель потянулся за ней, достал, но та выскользнула из его пальцев и отскочила от стены.

– Я в порядке, – выдохнул он. – Только запихните меня в палатку.

Я рванул шнур. Клетка надулась, словно огромный бронзовый попкорн.

– Все внутрь! – Бейтс одной рукой палила из газового пистолета, а другой тащила Шпинделя. Она толкнула его ко мне и налепила на шкуру колокола короб с датчиками. Я сорвал экранированный клапан с входа, как струп с раны. Под ним мыльной пленкой блестела и вихрилась единственная, бесконечно длинная, навитая сама на себя молекула.

– Тащи его внутрь. Джеймс, давай сюда!

Я протолкнул Шпинделя сквозь мембрану. Та смыкалась вокруг скафа с неприличной теснотой, обнимая по мере прохождения каждую вмятину и щелочку.

– Джеймс! Ты...

– Уберите это от меня! – Грубый голос, напуганный и пугающий. Настолько мужской, насколько позволяли женские голосовые связки. Головолом у руля. – Уберите это от меня!

Я обернулся. Тело Сьюзен Джеймс медленно кувыркалось посреди тоннеля, обеими руками сжимая правую ногу.

– Джеймс! – Бейтс подплыла к ней. – Китон! Помоги! – Она схватила Банду за руку. – Головолом? Что случилось?

– Это! Ты чего, ослепла?

Он не просто держал себя за ногу, сообразил я, а дергал ее. Пытался оторвать.

Кто-то истерически расхохотался у меня под шлемом.

– Держи его за руку, – приказала Бейтс, стискивая лингвиста за запястье и пытаясь оторвать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в бедро. – Лом, пусти! Сейчас же!

– Уберите это от меня!

– Это твоя нога, Головолом.

Мы боролись всю дорогу до колокола.

– Это не моя нога! Вы гляньте, как оно... оно дохлое. Прилипло ко мне...

Почти добрались.

– Лом, слушай меня! – рявкнула Бейтс. – Ты меня сл...

– Уберите!

Мы затолкнули Банду под купол. Бейтс отступила, когда я нырнул следом. Поразительно, как она держалась. Ей каким-то образом удавалось не подпускать демонов к себе и загнать нас в безопасное убежище, работала, как овчарка в шторм. Она...

Майор не последовала за нами – Аманда Бейтс исчезла. Обернувшись, я увидел ее тело рядом с палаткой: рука в перчатке сжимала край полотнища; даже сквозь слои каптона, хромеля и поликарбоната⁴⁷, сквозь искаженные блики на забрале шлема я увидел, чего не хватало – ее грани рассеялись.

Это не Аманда Бейтс! У существа передо мной было не больше графов, чем у манекена.

– Аманда?

Банда тихонько бредила у меня за спиной.

– В чем дело? – вдруг спросил Шпиндель.

– Я остаюсь, – ответила майор. Без всякого выражения. – Я все равно мертва.

– Что?.. – У Шпинделя не хватало слов. – Сейчас будешь, если не...

– Оставьте меня! – отрезала Бейтс. – Это приказ.

Она запечатала нас в палатке.

⁴⁷ *Kapton* – полиамидный пластик, отличающийся стойкостью в большом интервале температур. Из каптона делают, в частности, наружную оболочку космических скафандров. Хромель – хромоникелевый сплав (10 % хрома).

* * *

Для меня такое было не впервой. Невидимые пальцы и прежде ковырялись в моем мозгу, взбаламучивая грязь и срываая струпья. Воздействие «Роршаха» оказалось намного мощнее, но Челси действовала... точнее. Наверное, так.

Она называла это «макrame»: глиальные замыкания, каскадные эффекты, шинковка критических ганглиев. Если я зарабатывал на жизнь чтением мозговой архитектуры, Челси ее ремонтировала – находила критические узлы, бросала гальку у истоков памяти и наблюдала, как круги на воде превращаются в волны и сливаются в рокоchущий поток где-то в низовьях психики. Она могла за час впаять тебе в мозг счастье, а за три – примирить с тяжелым детством.

Процесс перепайки научился обходиться без людей, как и многие другие области человеческой деятельности до него. Человеческую природу поставили на конвейер, и само человечество из производителя все больше становилось продуктом. И все же искусство Челси озяряло странный старый мир новым светом – верстка мысли не ради всеобщего блага некоего абстрактного общества, а ради простых эгоистичных стремлений индивида.

– Позволь мне подарить тебе счастье, – сказала она.

– Я вполне счастлив.

– Я сделаю тебя еще счастливее. ВКУ, за счет фирмы.

– ВКУ?

– Временную корректировку установок. У меня остались права доступа в «Саксе».

– Меня и так достаточно корректировали. Переправь еще хоть синапс, и я могу превратиться в не пойми что.

– Глупости, и ты это понимаешь. Иначе ты от каждого переживания становился бы другим человеком.

Я поразмыслил над ее словами.

– Наверное, так и есть.

Но она настаивала, и даже самые убедительные аргументы против счастья со временем перестают работать. В общем, однажды вечером Челси порылась в ящике и вытащила сетку для волос, облепленную жирными серыми шайбами. Сетка оказалась сверхпроводящей паутиной, тонкой, словно туман, чтобы ловить колебания мысли; шайбы – керамическими магнитами, омывавшими мозг собственным полем. Имплантаты Челси были завязаны на базовую станцию, игравшую на интерференционных узорах между этими устройствами.

– Раньше только для размещения магнитов требовалась машина размером с ванну, – Челси уложила меня на диван и расправила сетку на волосах. – Это единственное чудо, которое позволяет совершить такая портативная штукавина. Можно найти горячие точки и даже потряхнуть их как следует, если нужно, но эффекты ТКМС⁴⁸ со временем стираются. Для долговременной корректуры придется идти в клинику.

– И что же мы ищем? Подавленные воспоминания?

– Таких не бывает. – Она широко улыбнулась, ободряя меня. – Есть только воспоминания, которые мы предпочитаем игнорировать или обходить, как бы мыслить вокруг них, понимаешь?

– Я думал, ты собиралась подарить мне счастье. Почему...

Челси приложила палец к моим губам.

– Веришь или нет, Лебедь, люди временами предпочитают игнорировать даже счастливые воспоминания. Например, если им понравилось что-то, что они считают неприличным. Или, – она поцеловала меня в лоб, – если думают, что недостойны быть счастливыми.

⁴⁸ ТКМС – транскраниальная магнитная стимуляция (коры головного мозга).

– Так мы будем...

– Тянуть фанты. Пока не вытянешь, не узнаешь, что попало. Закрой глаза.

Где-то между ушами зародилось тихое гудение. Голос Челси вел меня в темноте.

– Только имей в виду: память – не исторический архив. На самом деле, это... импровизация. Многое из того, что у тебя ассоциируется с определенным событием, может быть фактически неверно, как бы ясно тебе оно ни вспоминалось. У разума есть странная привычка клеить коллажи, вставлять подробности постфактум. Но это не значит, что память тебе врет. Она честно отражает то, что ты видел мир, и каждое воспоминание влияет на то, как ты видишь его прямо сейчас. Но это не фотографии. Больше похоже на импрессионистские картины. Хорошо?

– Хорошо.

– О! – воскликнула она. – Что-то есть...

– Что?

– Функциональный узел. Задействован постоянно, но несильно, до сознательного восприятия не добирается. Посмотрим, что будет, если...

Мне десять лет, я рано пришел домой и заглянул на кухню, где пахло подгоревшим маслом и чесноком. В соседней комнате ругались папа и Хелен. Откидная крышка кухонного мусоропровода была открыта – временами этого хватало, чтобы мама завелась. Но ссорились они по другой причине. Мать «просто хотела, чтобы всем стало лучше», а папа говорил, «есть же пределы» и «так нельзя». Она отвечала: «Ты не знаешь, на что это похоже», «Ты едва его видишь». Тогда я понял, что родители ссорятся из-за меня. В чем вообще-то не было ничего необычного.

А вот по-настоящему меня испугало то, что папа впервые стал огрызаться.

– К такому нельзя принуждать. Тем более, не сказав ни слова. – Отец никогда не кричал: его голос был, как всегда, негромким и ровным, но холоднее, чем я когда-либо слышал, и твердым будто железо.

– Ерунда, – ответила Хелен. – Родители всегда принимают решения за детей, в их интересах, особенно когда дело касается медицинских во...

– Это не медицинский вопрос, – теперь отец повысил голос. – Это...

– Не медицинский вопрос?! О, ты сейчас сам себя превзошел! Глаза открой! Если ты не заметил, ему вырезали половину мозга. Думаешь, он сможет оправиться без нашей помощи? Опять суровая отцовская любовь засвербела? Может, и кормить-поить его запретишь, раз начал?

– Если бы ему требовались мюопы, врач их прописал бы.

Я чувствовал, как морщусь от незнакомого слова. Из распахнутого мусорного ведра выглядывало что-то маленькое и белое.

– Джим, будь благоразумен! Сири замкнулся в себе, едва со мной разговаривает.

– Они предупреждали, что потребуется время.

– Два года! Ничего дурного в том, чтобы слегка помочь природе. Это ведь не черный рынок! Таблетки продают без рецепта, Господи ты мой!

– Дело не в этом.

Пустая склянка из-под таблеток. Вот, что выбросил один из них, прежде чем оставить распахнутой крышку. Я выудил ее из кухонных отходов и про себя прочел этикетку:

Bondfast_TN Тип IV

Усилитель м-опиоидных рецепторов

Стимулирует зависимость от матери

«Мы укрепляем связь между матерью и ребенком с 2042 года»

– Значит, теперь мужику, который бывает дома всего три месяца в году, хватает, блин, наглости судить о моих родительских способностях? Если хочешь решать, как надо воспитывать сына, то для начала поучаствуй в процессе! А до тех пор – отвали.

– Ты больше не станешь пичкать моего сына этой дрянью, – отчеканил отец.

– Да? И как ты собираешься меня остановить, ботанишка? Ты даже не можешь выкроить время на то, чтобы выяснить, что творится в твоей семье, а теперь, значит, решил, что можешь мной крутить с орбиты? Думаешь...

Внезапно из гостиной перестали доноситься голоса, осталось только слабое бульканье. Я заглянул за угол: отец держал Хелен за горло.

– Думаю, – прорычал он, – я могу остановить тебя и защитить Сири, если придется. И думаю, ты это понимаешь.

Потом она увидела меня. Он тоже.

Отец убрал руки с шеи матери. Его лицо осталось непроницаемым. А на лице Хелен было трудно не заметить торжество.

* * *

Я слетел с дивана, стискивая в руке сетку. Челси смотрела на меня огромными глазами; бабочка на ее щеке застыла как мертвая.

Челси взяла меня за руку.

– Господи... Прости.

– Ты... это видела?

– Нет, конечно. Я не читаю мысли. Но это явно было невеселое воспоминание.

– Не так все страшно.

Где-то поблизости я ощутил острую, непонятную боль, как пятно чернил на белой ска-
терти. Миг спустя зафиксировал ее: оказывается, прикусил губу.

Челси погладила меня по плечу.

– Тебя здорово выбило из колеи. Ты в порядке?

– Да, ничего, – снова привкус соли. – Но мне кое-что интересно.

– Спрашивай.

– Зачем ты так со мной поступила?

– Потому что мы можем это убрать, Лебедь. В этом смысл. Что бы там ни было, что бы тебя не расстраивало, теперь мы знаем, где оно сидит, можем вернуться и пригасить его, раз – и все! А потом у нас будет несколько дней, и мы удалим это воспоминание навсегда. Если захочешь. Просто надень сетку, и...

Она обняла меня и привлекла к себе. От нее пахло песком и потом; мне нравился этот запах. На какой-то миг я почувствовал себя в безопасности. Сделал вид, что земля на месте и не может уйти из-под ног в любой момент. Когда я был с Челси, становился значимым.

Я хотел, чтобы она обнимала меня вечно.

– Не думаю, – ответил я.

– Нет? – она моргнула и уставилась на меня. – Почему?

Я пожал плечами.

– Знаешь, что говорят о людях, которые не помнят свое прошлое?

* * *

Хищник бежит за едой.

Жертва бежит от смерти.

Старая поговорка экологов

Мы были беспомощны и слепы, втиснулись в хрупкий пузырек безопасности во вражеском тылу. Но шепоты, наконец, смолкли. Чудовища остались за пологом.

И Аманда Бейтс с ними.

– Вот хрень, – выдохнул Шпиндель.

Его взгляд за смотровым стеклом был ясен и внимателен.

– Видеть можешь? – спросил я.

Он кивнул.

– Что случилось с Бейтс? Скаф пробило?

– Не думаю.

– Тогда почему она сказала, что мертва?

– Она имела в виду – буквально, – пояснил я. – Не в смысле «мне конец» или «я умираю». Мертва сейчас, как говорящий труп.

– Откуда... – Ты знаешь? Дурацкий вопрос. Лицо Шпинделя подергивалось и кривилось за стеклом. – Это же безумие.

– Дай определение безумия.

Банда молча висела в воздухе, едва не прижимаясь в тесноте к спине биолога. Стоило нам задраить клапан, и Головолома отпустило. Или его просто оттеснили: мне показалось, что в спазмах пальцев, скованных перчатками, я вижу топологию мыслей Сюэзен.

Дыхание Шпинделя сдвоенным эхом отдавалось в динамиках.

– Если Бейтс мертва, нам конец.

– Может, и нет. Переждем всплеск и выберемся. Кроме того, – добавил я, – она не мертва, а лишь так сказала.

– Блин. – Протянув руку, биолог прижал перчатку к полотнищу палатки. Пощупал что-то за пленкой. – Кто-нибудь поставил приемник?

– На восемь часов, – подсказал я, – метром ниже.

Ладонь Шпинделя легла на стену напротив. Поток чисел с чужого плеча хлынул вверх по его руке, ринулся в наши скафы и затопил мой дисплей.

Снаружи было еще пять тесла, но напряжение поля спадало. Палатка то раздувалась вокруг нас, то опадала, будто дыша, когда мимо проходили волны низкого давления.

– Когда к тебе вернулось зрение? – поинтересовался я.

– Как только мы забрались внутрь.

– Раньше. Ты видел батарею.

– Но упустил, – он хмыкнул. – Хотя я и зрячий, еще тот паралитик, а? Бейтс! Ты там?

– Ты потянулся к ней и почти поймал. Это была не слепая случайность.

– Нет. Это была ложная слепота. Аманда? Отзовись, пожалуйста.

– Ложная слепота?

– С рецепторами все в порядке, – рассеянно проговорил он. – Мозг обрабатывает изображение, но не имеет к нему доступа. Управление перехватывает ствол мозга.

– То есть ствол видит, а кора нет?

– Что-то вроде того. Заткнись и дай мне... Аманда, ты меня слышишь?

– ...Нет...

Голос не принадлежал никому в палатке. Едва слышный, он вместе с остальными данными пришел снаружи и скользнул по руке Шпинделя.

– Майор Мэнди! – воскликнул Шпиндель. – Живая!

– ...Нет... – шепот, как белый шум.

– Ну, раз разговариваешь, точно не дохлая.

– ...Нет...

Мы со Шпинделем переглянулись.

– В чем проблема, майор?

Молчание. Банда легонько прислонилась к стене за нами. Все ее грани были мутными.

– Майор Бейтс? Слышишь меня?

– Нет. – Мертвый голос – спокойный и безразличный, как после препаратов, пойманный в банку, переданный сквозь плоть и свинец на скорости в три бода. Но это определенно была Бейтс.

– Майор, тебе нужно забраться внутрь, – предложил Шпиндель. – Можешь залезть в палатку?

– ...Нет...

– Ты ранена? Тебя что-то держит?

– ...Н-нет...

Может, это не она, а только ее голосовые связки?

– Слушай, Аманда. Это опасно. Снаружи слишком жарко, понимаешь? Ты...

– Меня здесь нет, – ответил голос.

– Где ты?

– ...Нигде.

Я взглянул на Шпинделя. Он посмотрел на меня. Все молчали.

Заговорила Джеймс – не сразу и очень тихо:

– Аманда, где ты?

Нет ответа.

– Ты – «Роршах»?

Здесь, во чреве зверя, в это было легко поверить.

– Нет...

– Тогда что?

– Н... ничто. – Голос ровный, механический. – Я ничто.

– Ты говоришь, что тебя не существует? – протянул Шпиндель.

– Да.

Палатка вокруг нас вздохнула.

– Тогда как ты можешь говорить? – спросила у голоса Сьюзен. – Если тебя не существует, с кем мы разговариваем?

– С кем-то еще, – дыхание. Шорох помех. – Не со мной.

– Черт, – пробормотал Шпиндель. Его графы вспыхнули решимостью и внезапным прозрением. Он отнял ладонь от стены, и мой дисплей тут же поблек. – У нее мозги варятся. Надо затащить ее внутрь.

Биолог потянулся к клапану. Я тоже.

– Всплеск...

– Уже проходит, комиссар. Худшее позади.

– Хочешь сказать, это безопасно?

– Это смертельно опасно. Там всегда смертельно, и она снаружи, может сильно пострадать в своем нынешнем со...

Что-то врезалось в палатку снаружи, ухватило внешний клапан и потянуло.

Наше убежище распахнулось как глаз: из открывшегося зрачка на нас смотрела Аманда Бейтс.

– У меня по датчикам уровень три и восемь десятых, – проговорила она. – Это же терпимо, да?

Никто не пошевелился.

– Давайте, ребята. Перекур окончен.

– Ама... – Шпиндель уставился на нее. – Ты в порядке?

- Здесь? Черта с два. Но нас работа ждет.
- Ты... существуешь? – спросил я.
- Что за дурацкие вопросы? Шпиндель, как насчет напряженности поля? Работать можно?
- Э... – Он отчетливо сглотнул. – Возможно, нам стоит прервать работу, майор. Этот пик...
- По моим данным, пик почти прошел. У нас меньше двух часов на то, чтобы разбить лагерь, установить наземный контроль и унести отсюда ноги. Справимся без галлюцинаций?
- Не думаю, – признался Шпиндель, – что мы до конца придем в себя. Но об... экстремальных проявлениях не стоит беспокоиться до новой волны.
- Хорошо.
- Которая может накатить в любой момент.
- Мы не галлюцинировали, – тихо заявила Джеймс.
- Обсудим позже, – перебила Бейтс. – Сейчас...
- Там была система, – настаивала Джеймс. – В магнитном поле. И в моей голове. «Роршах» разговаривал. Может, не с нами, но разговаривал.
- Хорошо, – Бейтс отплыла, пропуская нас. – Может, теперь мы научимся отвечать.
- Может, научимся слушать, – отозвалась Джеймс.

* * *

Мы бежали с «Роршаха», как испуганные дети, соорудив храбрую мину. Бросили базовый лагерь: «чертика», чудесным образом до сих пор работающего на входе; тоннель в дом с привидениями; оставили на погибель одинокие магнитометры в смутной надежде, что им удастся ее избежать. Грубые актинометры и термографы, старомодные радиоустойчивые устройства, измерявшие мир через изгибы металлических трубок и высекавшие свои летописи на рулонах пленки. Лампы, водолазные колокола, связки направляющих канатов. Мы оставили все – и обещали вернуться через тридцать шесть часов, если выживем.

Внутри каждого из нас мельчайшие раны превращали ткани в кашу. Клеточные мембраны текли от бесчисленных щелей. Замученные ремонтные ферменты в отчаянии цеплялись за рванные гены, едва оттягивая неизбежное. Оболочка кишечника отслаивалась клочьями, решив покинуть хозяина первой, пока остальные не выстроились в очередь, когда начнет умирать остальное тело.

К моменту стыковки с «Тезеем» меня и Мишель уже подташнивало. Остальную Банду, как ни странно, нет; понятия не имею, как такое возможно, но им предстояло испытать то же самое через несколько минут. Без медицинской помощи нас бы выворачивало наизнанку в течение двух следующих суток. Потом тело сделало бы вид, что поправляется; примерно неделю не чувствовало бы боли и не имело будущего. Мы бы ходили, разговаривали, двигались как живые и, вероятно, убедили бы себя, что бессмертны. А затем схлопнулись бы внутрь и сгнили бы изнутри. Истекли бы кровью из глаз, десен, задниц, и если хоть один Бог милосерден – умерли бы до того, как лопнуть, словно перезревшие плоды.

Но искушитель «Тезей» избавит нас от такой незавидной судьбы. Из челнока мы цепочкой проследовали в огромный надувной шар, который Сарастии установил для хранения личных вещей; сбросили там зараженные скафы, одежду и нагими вынырнули в хребет корабля. Чередой летающих мертвецов проследовали через вертушку. Вампир ждал в благоразумном отдалении, пока мы пройдем; затем подскочил и скрылся на корме – пошел скармливать наши радиоактивные обноски декомпилятору.

В склеп! Гробы стояли распахнутыми у кормовой переборки, и мы с облегчением опустились в их объятия. Когда крышка опускалась, Бейтс уже начала кашлять кровью.

Капитан запустил процесс, и мои кости тут же загудели. Я заснул мертвецким сном. Лишь теория да обещания наших братьев-механизмов убеждали в том, что впереди меня ждет возрождение.

* * *

Восстань, Китон.

Я очнулся от дикого голода. Из вертушки доносились слабые голоса. Несколько секунд я парил в своем стручке, закрыв глаза, наслаждаясь отсутствием боли и тошноты. Исчез подсознательный ужас от мысли, что тело постепенно превращается в кашу. Слабость и голод – всё остальное в порядке.

Я открыл глаза.

Надо мной нависло что-то вроде руки. Серое, блестящее и слишком тощее для человеческой конечности. Без кисти. С невероятным количеством сочленений: кость словно перебита в десяти местах. Тело, с которым соединялась рука, едва виднелось из-за края саркофага намеком на темную тушу, шевелились вывихнутые щупальца. Оно парило передо мной неподвижно, будто я застал его за каким-то непристойным занятием.

Я не успел набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, как существо метнулось прочь.

Я выскочил из гроба, выпучив глаза. Вокруг никого: покинутый склеп с голым летописцем. В зеркальной переборке отражались пустые капсулы, стоявшие по сторонам. Я вызвал КонСенсус: все системы в норме.

Оно не отражалось, вспомнил я. Не отражалось в зеркале!

Я отправился на корму. Сердце колотилось. Передо мной отворилась вертушка. Шпиндель вполголоса беседовал о чем-то с Бандой. При виде меня он помахал дрожащей рукой.

– Меня надо проверить, – сказал я совсем не так уверенно, как хотел бы.

– Первый шаг – признать, что с тобой не все в порядке, – бросил Шпиндель в ответ. – Только не жди от меня чудес.

Он снова повернулся к Банде, сидевшей в диагностическом кресле; у руля стояла Джеймс, но тестовые таблицы, мерцавшие на кормовой переборке, они изучали вместе.

Я ухватился за верхнюю ступеньку и притянул себя к полу. Сила Кориолиса сдувала меня вбок, точно флаг на ветру.

– Или я брежу, или на борту что-то есть.

– Ты бредишь.

– Я серьезно.

– Я тоже. Бери номерок, становись в очередь.

Он не шутил. Я с трудом успокоился, прочитал его и понял, что мои слова Шпинделя не слишком удивили.

– Небось, изрядно проголодался, утомившись от лежания, а? – Шпиндель махнул рукой в сторону камбуза. – Перехвати что-нибудь. Я займусь тобой через пару минут.

Пока ел, я с немалым трудом, но все-таки поработал над очередным конспектом; правда, это заняло только одну половину мозга; вторая все еще дрожала, не вырвавшись из-под ига примитивных инстинктов, которые призывали то ли бежать, то ли драться. Я попытался развеяться, подключившись к потоку данных из медотсека.

– Оно было реальным, – волновалась Джеймс. – Мы все видели.

Не может быть!

Шпиндель прокашлялся.

– Эту попробуй.

В потоке было видно, что он ей показывал: черный треугольник на белом фоне. В следующий миг тот разбился на десяток идентичных копий, потом на сотню. Метастазирующий рой крутился в центре экрана, как на балу геометрических фигур – танцуя в строю, отраживая по углам крохотных собратьев, фрактализуясь, эволюционируя в бесконечный, причудливый узор...

Шпиндель держал в руках скетчпад, на котором интерактивная реконструкция увиденного, без пустой болтовни – программы распознавания образов в мозгу Сюзен, реагировали на то, что она видит: нет, их было больше, и ориентация неправильная; да, так, но побольше – а машина Шпинделя выхватывала реакции прямо из ее мыслей и в реальном времени корректировала изображение. Большой шаг вперед, по сравнению с бестолковым эрзацем под названием «язык». Впечатлительные даже могли бы назвать это «чтением мыслей».

Ничего похожего, конечно. Просто обратная связь и корреляция. Чтобы преобразовать один набор структур в другой, телепат не нужен. К счастью.

– Вот оно! Вот! – воскликнула Сюзен.

Треугольники видоизменились до самоуничтожения. Теперь дисплей наполняли переплетающиеся асимметричные пентаграммы – паутина из рыбьей чешуи.

– И не говори, что это случайные помехи, – триумфально произнесла она.

– Нет, – скучно ответил Шпиндель. – Это форма Ключера ⁴⁹.

– К...

– Это была галлюцинация, Сюз.

– Конечно! Но кто-то подсадил ее к нам в голову, так? И...

– Она всегда была там. С того дня, как ты появилась на свет.

– Нет!

– Это артефакт глубинных структур мозга. Его даже слепые от рождения иногда видят.

– Никто из нас раньше их не видел. Никогда!

– Верю. Но никакой информации в них не содержится, понимаешь? Это не разговоры «Роршаха», а просто... интерференция. Как и все остальное.

– Но оно было такое яркое! Не мерцание, которое постоянно маячит на краю поля зрения. И такое плотное. Реальнее настоящего.

– Это и доказывает, что оно ненастоящее. Поскольку ты на самом деле ничего не видишь, разрешение не ограничивается мутной оптикой.

– О, – выдавила Джеймс и шепотом добавила: – Твою мать.

– Ага. Извини, – и потом: – Закончишь – подходи.

Я взглянул вверх: Шпиндель махал мне рукой. Джеймс поднялась из кресла, но это Мишель приобняла его с несчастным видом, а Саша, ворча, проплыла мимо меня в сторону палатки.

К тому времени, когда я добрался до биолога, Шпиндель развернул кресло в полукушетку.

– Ложись.

Я подчинился.

– Тут такое дело, но я говорил не о «Роршахе». Мне что-то померещилось здесь прямо сейчас, когда я очнулся.

– Подними левую руку, – проговорил он. Потом: – Только левую, а?

Я опустил правую и поморщился от укола.

– Немного примитивно.

⁴⁹ Генрих Ключер (1897–1979) – немецкий, а затем американский физиолог, который внес существенный вклад в изучение анатомии нервной системы. Исследуя влияние мескалина на человека, он обнаружил, что определенные геометрические фигуры (постоянные формы) появляются в галлюцинациях разных пациентов, вызванных разными причинами.

Он покатал в пальцах наполненную кровью пробирку, дрожащую рубиновую слезу размером с ноготь.

– Для некоторых целей тканевая проба подходит лучше всего.

– Разве капсулы не должны справляться сами?

Шпиндель кивнул.

– Считай это проверкой качества. Чтобы корабль не зазнавался. – Он уронил образец на ближайший лабораторный стол. Слезинка растеклась и лопнула; поверхность впитала мою кровь, будто страдала от жажды. Шпиндель причмокнул губами. – Повышенный уровень ингибиторов холинэстеразы в ретикуломе. Вкуснотища.

Не удивлюсь, если мои анализы и вправду казались ему вкусными. Шпиндель не просто считывал результаты – он их ощущал, видел, нюхал и перекачивал каждый бит данных на языке как лимонные леденцы. Весь биомедицинский отсек был частью протеза Исаака: расширенное тело с десятками разных органов чувств, вынужденное мириться с мозгом, который знает лишь пять. Неудивительно, что он связался с Мишель. Биолог был почти синестетом.

– Ты провалялся в капсуле чуть дольше остальных, – заметил он.

– Это важно?

Шпиндель как-то дергано пожал плечами.

– Может, твои внутренности прожарились чуть больше наших. Может, у тебя просто конституция хлипкая. Капсула выловила все... неизбежное, так что, думаю... А!

– Что?

– Отдельные клетки в основании мозга перешли на форсаж. И еще больше – в почках и мочевом пузыре.

– Опухоли?

– А ты чего ждал? «Роршах» – не курорт.

– Но капсула...

Шпиндель поморщился; это было что-то вроде обнадеживающей улыбки в его исполнении.

– Ну, да, исправляет девяносто девять и девять десятых процента повреждений. К тому времени, когда добираться до последней одной десятой, эффективность системы начинает падать. Опухоли мелкие, комиссар. Скорее всего, тело само с ними справится. Если нет – мы знаем их адреса.

– А те, что в мозгу... они не могут вызывать?..

– Шансов мало. – Он пожевал нижнюю губу. – Правда, рак – не единственное, чем нас наградила эта штука.

– То, что я видел. В склепе. У него были... многосуставчатые щупальца, отходящие от центрального узла. Существо было размером, наверное, с человека.

Шпиндель кивнул.

– Привыкай.

– Остальные тоже видят такое?

– Сомневаюсь. У каждого свой взгляд, как... – «Сказать ли?» – передало его подергивающееся лицо, – ...на пятна «Роршаха».

– Там галлюцинации понятны, – признался я, – но здесь!

– Это эффекты от магнитной стимуляции. – Шпиндель прищелкнул пальцами. – Они прилипчивые, а? Нейроны как войдут в одно состояние, потом долго не могут прийти в себя. ВКУ тебе никогда не делали? Такому уравновешенному да отлаженному?

– Пару раз было, – ответил я. – Наверное.

– Тот же принцип.

– Мне и дальше будет мерещиться эта ерунда?

– Если официально, то со временем глюки сходят «на нет». Неделя-другая, и по идее ты должен прийти в норму. Но здесь, с этой штуковиной... – Он пожал плечами. – Слишком много переменных. К тому же, полагаю, мы будем туда возвращаться, пока Сараста не скажет «хватит».

– То есть, по сути, это влияние магнитного поля.

– Вероятно. Хотя, что касается этой хрени, я бы не поручился на сто процентов.

– А что-то еще может вызывать галлюцинации? – спросил я. – На борту.

– Например?

– Ну, не знаю. Протечки в магнитозащите «Тезея», например.

– В норме – нет. Только у нас всех в голове по маленькому компьютеру. А у тебя вообще целое полушарие протезов. Кто знает, какие побочные эффекты могут возникнуть. А что, «Роршаха» в качестве причины тебе недостаточно?

«Я их и раньше видел», – хотел сказать я. Но тогда Шпиндель спросил бы: «О, и когда? Где?» И я бы, может, ответил: «Когда шпионил за тобой и Мишель», – и любые шансы продолжать бесконтактное наблюдение разнесло бы на атомы.

– Да нет, ничего, просто я в последнее время... нервничаю. Померещилось, будто видел что-то странное в хребтовой шахте, еще до высадки на «Роршахе». Всего на секунду, и оно пропало, стоило мне сосредоточить взгляд.

– Многосуставчатые лапы и центральный узел?

– Господи, нет! Просто мелькнуло что-то. Если там и был какой-то предмет, то, скорее всего, это Аманда опять упустила свой мячик.

– Возможно, – Шпинделя мои слова почти позабавили. – Но защиту нужно проверить на предмет протечки. На всякий случай. Нам лишние глюки без надобности, а?

Я покачал головой, вспоминая увиденный кошмар.

– Как остальные?

– Банда в порядке, только разочарована немного. Майора пока не видел, – он пожал плечами. – Может, она меня избегает.

– Ей здорово досталось.

– Не сильнее, чем нам, правду сказать. Она могла даже не запомнить случившееся.

– Как... может человек поверить, что его не существует?

Шпиндель покачал головой.

– Бейтс не верила. Знала. Как факт.

– Но как?..

– Представь индикатор заряда на приборной панели автомобиля. Иногда контакты ржавеют. Индикатор стоит на нуле, и ты думаешь, что аккумулятор сел. А как иначе? Ты же не можешь вручную пересчитать электроны.

– Хочешь сказать, в мозгу стоит экзистенциометр?

– В мозгу стоят самые разные индикаторы. Ты можешь знать, что слеп, когда на самом деле видишь; и можешь знать, что видишь, когда слеп. И – да, ты можешь знать, что тебя не существует, когда это не так. Список длинный, комиссар. Синдром Котара, синдром Антона-Бабинского, «дамасская болезнь». Это для начала.

Он не сказал о ложной слепоте.

– На что это было похоже? – спросил я.

– Что? – хотя Шпиндель прекрасно понял, что я имею в виду.

– Твоя рука... словно действовала сама по себе. Когда потянулась к батарее.

– О, нет. Ты сознания не теряешь, просто... чувствуешь, и все. Чуешь, куда потянуться. Отделы мозга играют друг с другом в шарады, а? – он махнул рукой в сторону кушетки. – Слезай. Я уже посмотрелся на твои гнилые кишки. И пригони сюда Бейтс, если найдешь, где она прячется. Должно быть, строит новые полки на фабрике.

Дурные предчувствия мелькали на его лице, словно блики.

– Ты ей не доверяешь.

Он хотел возразить, но вспомнил, с кем говорит.

– Не лично ей. Она – просто... человеческий центр управления механической пехотой. Электронные рефлексy, подчиненные синапсам. Догадайся сам, где находится слабое звено.

– По-моему, там, внизу, на «Роршахе», все звенья слабые.

– Я не о «Роршахе», – уточнил Шпиндель. – Мы спускаемся туда. Что помешает им подняться сюда?

– Им?

– Может, они еще не приехали, – согласился он. – Но когда появятся, держу пари, мы столкнемся с чем-то покрупнее анаэробных микробов.

Я промолчал, а он продолжил, понизив голос:

– И в любом случае, ЦУП в принципе не знал о «Роршахе». Они думали, что отправляют нас туда, где всю грязную работу можно поручить роботам. Но дело в том, что не переносят, когда некем покомандовать, понимаешь? Не могут признать, что пехтура умнее генералов. Так что ради политики в нашей обороне проделали дыру – это не то, чтобы свежая новость, – и хоть я не солдат, но мне такая стратегия разумной не кажется.

Я вспомнил, как Аманда Бейтс принимала роды своих дронов. «Я скорее предохранитель...»

– Аманда... – начал я.

– Мэнди мне нравится, славная зверюшка. Но если мы идем полным ходом на поле боя, я не хочу, чтобы мою жопу прикрывала сеть со слабым звеном.

– Если тебя окружает рой машин-убийц – может...

– Да, это я слышал много раз. Нельзя доверять машинам! Луддиты обожают талдычить о компьютерных сбоях и о том, сколько нечаянных войн можно было бы предотвратить, если бы окончательное решение принадлежало человеку. Но вот что забавно, комиссар: никто не вспоминает, сколько войн было начато намеренно и именно по воле человека. Ты все пишешь свои открытки в вечность?

Я кивнул, даже не поморщившись про себя. Таков уж он есть.

– Можешь к следующей приколоть эту беседу. Может, от нее даже будет прок.

* * *

Представь себе, что ты в плену.

Придется признать – сама напросилась. Ты ломала «железо» и рассеивала биозоли восемнадцать месяцев подряд; это по любым меркам достижение. Карьера реалиста-саботажника долгой не бывает, рано или поздно всех ловят.

Так было не всегда. Когда-то у тебя теплилась надежда тихо выйти на пенсию, но потом из плейстоценовой эпохи вытянули вампиров и – силы небесные! – поставили баланс сил с ног на голову. Эти суки любого опережают на десять шагов. Что неудивительно: в конце концов, кровососы рождены для охоты на людей.

В старом учебнике по популяционной динамике, совсем древнем, чуть ли не XX века, есть одна запомнившаяся тебе строчка. В твоём ремесле эта фраза является чем-то вроде мантры, почти молитвы. «Хищник бежит за едой, – гласит она. – Жертва бежит от смерти». Вывод напрашивается следующий: обычно добыча ускользает от хищника за счет лучшей мотивации.

Может, это и было правдой, пока соревнования проходили по бегу. Но если стратегия выживания включает тактическое предвидение и трехслойное очковтирательство, деваться некуда – вампиры неизменно выигрывают.

Теперь ты в плену, и, хотя ловушку расставили монстры, на спусковой крючок нажимали обыкновенные исходники, предатели. Ты уже шестой час висишь, прилепленная к стене безымянной и неведомой подземной тюрьмы, глядя, как люди забавляются с твоим парнем и созаговорщиком. Забавляются изощренно: в ход идут кусачки, раскаленная проволока и части тела, которые в норме не должны отделяться от туловища. Сейчас ты уже мечтаешь о том, чтобы твой любовник умер, как те двое в камере, чьи ошметки разбросаны по полу. Но они не позволяют ему умереть, ведь им так весело!

Это же не допрос, и есть менее инвазивные способы добывать более достоверные ответы. Тут просто развлекаются очередные зверовидные садисты, облеченные властью; убивают время и не только его, а тебе остается рыдать, зажмуриваться и хныкать, как животному, хотя к тебе еще не притронулись. Ты мечтаешь лишь о том, чтобы тебя не оставили напоследок, так как понимаешь, что это значит.

Внезапно мучители останавливаются посередине игры и склоняют головы, будто прислушиваясь к коллективному внутреннему голосу. Тот не иначе как приказывает им снять тебя со стены, перетащить в соседнюю комнату и усадить в одно из двух кресел с гелевыми подушками по разные стороны «умного» стола, потому что именно так они и поступают – гораздо аккуратнее, чем ты ожидаешь, – прежде чем удалиться. Похоже, тот, кто распоряжается ими, могуществен и недоволен, весь садистский кураж и гонор слетают с их морд в одно мгновение.

Ты сидишь и ждешь. Стол тускло светится таинственными знаками, но тебе не до них, даже если бы ты их понимала, даже если бы они скрывали самую главную вампирскую тайну. Где-то глубоко внутри разума начинает еле заметно теплиться надежда, но разум не осмеливается ей верить. Ты ненавидишь себя за то, что думаешь о жизни, когда куски тел твоих друзей еще не остыли за стеной.

В комнату входит крепко сбитая женщина с явными индейскими корнями в неопределенно-полевой форме. Ее волосы острижены под ноль, на горле просвечивает мелкая сетка подкожной антенны. Твоей подкорке кажется, что она около десяти метров высотой, хотя обнаглевшая студенистая кора головного мозга настаивает, что женщина среднего роста.

Бирка на левой груди вновь прибывшей гласит: «Бейтс». Знаков различия нет.

Бейтс вытаскивает оружие из кобуры на бедре. Ты вздрагиваешь, но ствол нацелен не на тебя. Она бросает оружие на стол, к тебе, и садится напротив.

Микроволновой пистолет. Полностью заряжен и снят с предохранителя. На минимальной мощности вызывает ожоги и тошноту, на максимальной – кипятит мозги в черепе, на промежуточных значениях причиняет боль и увечья, степень которых зависит от воображения владельца.

Твоя фантазия по этой части сорвала все барьеры. Ты тупо пялишься на пистолет, пытаешься найти подвох.

– Двое твоих друзей мертвы, – говорит Бейтс таким тоном, словно ты не наблюдала за процессом. – Необратимо.

«Необратимо мертвы». Хороший оборот.

– Мы можем восстановить тела, но повреждения мозга... – Бейтс прокашливается, словно ей неуютно и... стыдно. Неожиданно по-человечески для такого чудовища. – Последнего мы пытаемся спасти. Не обещаю.

– Нам нужна информация, – переходит она к делу. (Конечно, все, что было до того, – психология, подготовка. Бейтс – «хороший коп».)

– Мне нечего вам сказать, – удастся выдать тебе.

Десять процентов упрямства, девяносто – логики: они не смогли бы тебя поймать, если бы уже не знали все.

– Тогда нам нужно прийти к соглашению, – говорит Бейтс. – К некой договоренности.

Она издевается! Похоже, твое недоверие заметили. Бейтс обращает на него внимание.

– В каком-то смысле я вас понимаю. Мне далеко не по нутру идея менять настоящую жизнь на симуляцию, и меня трудно купить на всякую мишуру, вроде постоянных вопросов «что есть реальность», которые нам втюхивает нынешняя телоекономика. Может, для страха действительно есть повод. Это не моя проблема и не моя работа, а лишь мое мнение, и не обязательно верное. Но если мы тем временем поубиваем друг друга, то правды не узнаем. Это непродуктивно.

Ты видишь расчлененные тела своих друзей и ошметки на полу, в которых еще теплится жизнь, а у этой суки хватает наглости говорить о продуктивности.

– Не мы начали убивать, – говоришь ты.

– Не знаю. И знать не хочу. Повторю: это не моя работа. – Бейтс тычет пальцем через плечо, в сторону двери за спиной, через которую она вошла в комнату.

– Там, – говорит она, – убийцы твоих друзей. Они безоружны. Когда ты войдешь внутрь, камеры уйдут в оффлайн и включатся только через шестьдесят секунд. За все, что случится в этот отрезок времени, ты ответишь перед своей совестью.

Подвох... Тут должен быть подвох!

– Что ты теряешь? – интересуется Бейтс. – Мы и так можем сделать с тобой все, что заблагорассудится. Нам даже причина не нужна.

Ты нерешительно берешь пистолет. Бейтс тебя не останавливает.

«Она права, – понимаешь ты. – Терять совершенно нечего».

Ты встаешь на ноги и, забыв о страхе, тычешь ей дулом в лицо.

– Зачем мне уходить? Тебя я могу пристрелить и здесь.

Она пожимает плечами.

– Попробуй. По мне, так ты упустишь шанс.

– Значит, я захожу, выхожу через минуту – и что тогда?

– Тогда поговорим.

– Мы просто...

– Считай это жестом доброй воли, – говорит она. – Или даже возмещением.

Дверь открывается перед тобой и закрывается позади. Вот и они, все четверо, распластаны по стене, точно кордебалет распятых Иисусов. Их глаза больше не сияют. В них плещется только животный ужас и отражения изменившихся судеб. И когда ты смотришь на них, двое палачей марают штаны.

Сколько осталось? Секунд пятьдесят?

Немного... Будь у тебя чуть больше времени, ты бы много успела наворотить. Но хватит и того, не хочется злоупотреблять любезностью этой... Бейтс.

Похоже, с ней можно договориться.

* * *

В других обстоятельствах лейтенанта Аманду Бейтс отдали бы под трибунал и в течение месяца расстреляли. Неважно, что четверо погибших были виновны в многочисленных случаях изнасилований, пыток и убийств – на войне люди всегда так поступают, нет никакой порядочности и кодекса чести, кроме командной цепочки и боевого строя. Разбирайся с опрометчивыми, если положено; карай виновных, если должен, хотя бы для пущей видимости. Но ради всего святого – закрой дверь и никогда не позволяй врагу видеть раздоры в твоих собственных рядах, не доставляй ему такого удовольствия. Ему положено лицезреть лишь единство и стальную уверенность. Среди нас могут быть насильники и убийцы, но, Господь свидетель, это наши насильники и наши убийцы. И уж точно не годится давать право на месть какой-то террористской мочалке с сотней наших скальпов за поясом.

Но с результатом не поспоришь: договор о прекращении огня с третьей по численности фракцией реалистов в западном полушарии. Немедленное сокращение террористической активности на сорок шесть процентов по всей задействованной территории. Безоговорочное прекращение нескольких кампаний, способных серьезно подорвать работу трех крупных хранилищ тел и полностью вынести Дулутскую зону предподготовки. Все потому, что лейтенант Аманда Бейтс в поисках решения первого боевого задания рискнула воспользоваться сочувствием как оружием.

Это было сотрудничество с врагом, измена и предательство товарищей. Такие вещи положено делать дипломатам и политикам, а не солдатам.

Однако какой результат!

Все это можно было прочесть в личном деле: инициатива, воображение, готовность победить любыми средствами и любой ценой. Возможно, такие склонности следовало пресечь или смягчить. Спор продолжался бы до бесконечности, но тут история просочилась в прессу, и у генералов на шее оказалась героиня.

Где-то посреди трибунала смертный приговор Бейтс сменился оправданием; оставался вопрос, куда отправить преступницу – в тюрьму или на офицерские курсы. Оказалось, в Ливенворте⁵⁰ есть и то и другое; база так туго стиснула отступницу в объятьях, что повышение в звании ей было почти гарантировано, Аманде оставалось только выжить. Три года спустя майор Бейтс отправилась к звездам, где отметилась странной фразой: «Сири, мы готовимся к грабежу со взломом...» В ней сомневался не только Шпиндель. Другие тоже интересовались, чем объясняется ее назначение: превосходной подготовкой или удачным разрешением пиар-кризиса. Я, разумеется, своего мнения не имел, но прекрасно понимал, отчего некоторым Бейтс казалась обоюдоострым оружием. Когда судьба мира висит на волоске, поневоле внимательно приглядишься к солдату, который начал свою карьеру, сотрудничая с врагом.

* * *

Если вы это видите – оно, скорее всего, не существует.

Кейт Кио. Основания для самоубийства⁵¹

Мы пять раз отправлялись в путь: на протяжении пяти оборотов подряд бросались в пасть чудовища, и оно пережевывало нарушителей триллионами микроскопических зубов, покуда «Тезей» не выдергивал нас на поверхность, чтобы склеить заново. Спотыкаясь и вздрагивая, мы ползали по кишкам «Роршаха», сосредотачиваясь на ближайших задачах и стараясь забыть о призраках, щекотавших нам средний мозг.

Временами стены вокруг начинали шевелиться, а порой нам это лишь мерещилось, иногда мы прятались в колоколе, пока ионные и магнитные вихри лениво проплывали мимо, точно капли эктоплазмы в кишечнике бога-полтергейста.

Временами нас накрывало на открытом месте. Банда начинала вздорить сама с собою, не в силах отличить одну личность от другой. Я как-то провалился в нечто вроде осознанного паралича, и чужие руки волокли мое тело вдаль по коридору; но, к счастью, другие руки вернули меня домой, а голоса, нагло заявлявшие о своей реальности, уверяли, что мне все привиделось. Аманда Бейтс дважды обретала Бога: видела его прямо перед собой и была уверена, что Творец не просто существует, а говорит с ней, причем только с ней одной. Оба раза она теряла веру, стоило нам затащить ее под колокол, но до того ситуация была не из приятных. Ее сол-

⁵⁰ *Ливенворт* – имеется в виду база армии США «Форт Ливенворт», где, помимо всего прочего, проходят курсы повышения квалификации командного состава и находится единственная армейская тюрьма строгого режима.

⁵¹ *Кейт Кио* – преподаватель и общественный деятель, член совета директоров Тихоокеанского фонда живой природы. Цитата вымышленная.

датики, пьяные от электричества, однако по-прежнему управляемые по линии визирования, покидали свои посты и неуверенно водили стволами по сторонам, заставив нас понервничать.

Пехота умирала быстро: некоторые не выдерживали и одной вылазки, парочка и вовсе вырубилась за пару минут. Самые стойкие оказывались самыми неторопливыми, полуслепыми, туповатыми; каждую команду и ответ они протискивали через экранированные микрофоны пронзительным высокочастотным скрипом. Иногда мы укрепляли ряды тугодумов дронами, говорившими на оптических частотах: быстрыми, но нервными и еще более уязвимыми. Вместе они охраняли нас от противника, до сих пор не показавшего своего лица.

Да ему и не нужно было. Наши солдаты гибли без всякого вражеского огня.

Мы работали, несмотря ни на что, невзирая на приступы, галлюцинации и, временами, на судороги. Мы пытались присматривать друг за другом, пока магнитные щупальца хватали за внутреннее ухо и доводили до морской болезни. Порой нас рвало в шлемы; тогда мы, бледные, просто висели, втягивая кислый воздух сквозь стиснутые зубы, пока воздухоочиститель убирал с лица комочки пищи и слизь, и молча благодарили небеса за маленький дар антистатических, самоочищающихся смотровых стекол.

Вскоре стало очевидно, что мне уготовили роль не только пушечного мяса. Да, я не владел языковыми способностями Банды и не знал биологию, как Шпиндель, но был лишней парой рук там, где каждый мог выпасть из строя в любой момент. Чем больше народу Сараста отправлял на «Роршах», тем выше становились шансы, что хотя бы один из нас в ответственный момент сможет остаться на плаву. Но даже так мы все находились в ужасном состоянии, а работа шла из рук вон плохо. Мы безрассудно рисковали в каждой вылазке, но все равно шли туда, иначе могли собирать вещички и мотать домой.

Работа двигалась бесконечно малыми шагами: наши старания напоминали ковыляние охромевшего на обе ноги человека. Банда не могла обнаружить в шуме никаких признаков знаковой системы или речи, поддающейся расшифровке, но общее развитие объекта бросалось в глаза без всяких теорий. Временами «Роршах» членился, выдавливал поперек тоннелей перегородки, похожие на хрящевые кольца человеческой трахеи. Некоторые из них на протяжении часов лениво текли расплавленным воском и превращались сначала в сужающуюся диафрагму, а потом и вовсе в плотные мембраны. Мы словно наблюдали прирост объекта отдельными сегментами. В основном, конечно, «Роршах» увеличивался за счет кончиков шипов. Мы проникли внутрь за сотни метров от ближайшей зоны активных изменений, но, очевидно, отголоски докатывались и сюда.

Если это было частью нормального процесса роста, то мы видели лишь слабое эхо того, что творилось в сердце апикальных зон. Наблюдать за ними напрямую, изнутри мы не могли: уже в ста метрах от шпиль в тоннеле становилось слишком опасно даже для самоубийц. Но за пять оборотов «Роршах» вырос еще на восемь процентов, механически и бездумно, как кристалл.

В ходе вылазок я пытался делать свою работу: собирал и склеивал, вымучивал данные, которые никогда не смогу понять. В меру своих возможностей наблюдал за системами вокруг, учитывал каждую причуду и особенность. Одна часть моего рассудка выдавала конспекты и обобщения, другая, невежественная, просто в недоумении глазела по сторонам. Ни та ни другая не понимали, откуда к ним приходит озарение.

Но было трудно. Сараста не позволял мне покинуть систему. Каждое наблюдение оказывалось загрязнено моим собственным губительным присутствием. Я старался как мог, не вносил предложений, способных влиять на принятие критических решений, во время вылазок делал, что приказано, и ни граном больше; старался походить на одного из пехотинцев Бейтс – простое орудие, лишённое инициативы и влияния на психодинамику группы. Думаю, по большей части мне это удавалось.

Мои непонимания копились и, неотправленные, по графику ложились в пакет передачи (из-за обилия помех «Тезей» не мог транслировать сигнал на Землю).

* * *

Шпиндель был прав: призраки последовали за нами. Мы уже на корабле начали слышать шепчущие голоса, не принадлежавшие Сарастии. Порой даже ярко освещенный кольцевой мирок вертушки плыл и колыхался, стоило взглянуть на него краем глаза – я не раз замечал костлявые, безголовые и многорукие миражи среди балок. Они казались вполне реальными, если смотреть на них искоса, исподволь, но стоило сосредоточиться – и существа превращались в тени, в черные прозрачные пятна на фоне металла. Такие хрупкие, что их можно было просверлить насквозь одним взглядом.

Шпиндель сыпал диагнозами как градом. Правда, в основном, всем ставил разные синдромы и помешательства. За просвещением я обратился к КонСенсусу и обнаружил целое иное «я», захороненное под лимбической системой, задним мозгом и мозжечком. Оно обитало в стволе мозга, оказалось старше самого подтипа позвоночных и было самодостаточным: слышало, видело и щупало независимо от всех прочих частей, наслоившихся последышей эволюции. Это «я» стремилось только к собственному выживанию, ничего не планировало, не анализировало абстракций, а тратило усилия лишь на минимальную обработку сенсорной информации. Но оно действовало быстро, не отвлекалось и реагировало на угрозы быстрее, чем его умные соседи успевали их осознать.

И даже когда оно не срабатывало – упрямый, несговорчивый неокортекс отказывался спустить его с поводка, – то все равно пыталось передать увиденное, и тогда неведомое чутье подсказывало Исааку Шпинделю, куда протянуть руку. У него в голове обитала своего рода усеченная версия Банды. Как и у всех нас.

Я шагнул дальше и нашел в мозговой плоти самого Господа источник помех, погружавший Бейтс в экстаз, а Мишель – в судорожный припадок. Проследил синдром Грея до его истоков в височной доле. Слушал голоса, что шепчут на ухо шизофреникам. Находил очаговые инсульты, принуждавшие людей отвергать собственные конечности, и представлял, как их заменяли магнитные поля в тот раз, когда Головолом пытался саморасчлениваться. В полузабытой чумной могиле историй болезни из XX века, под шапкой «синдром Котара», я нашел Аманду Бейтс и ей подобных, чьи мозги вывихнулись в отрицании самих себя. «У меня было сердце, – безвольно шептал из архива один пациент. – Теперь на его месте бьется что-то неживое». Другой требовал похоронить себя, так как его труп смердел.

И дальше – целый каталог хорошо темперированных расстройств, которыми «Роршах» нас еще не наградил. Сомнамбулизм. Агнозии. Одностороннее игнорирование. КонСенсус демонстрировал цирк уродов, при виде которого любой рассудок повредился бы от одного сознания своей хрупкости: женщина, умирающая от жажды рядом с водой не потому, что не может увидеть кран, а потому, что не может его узнать; человек, для которого левая сторона Вселенной не существует, который не может ни воспринять, ни представить левую сторону своего тела, комнаты, строки в книге – для него само понятие «левизны» стало буквально немислимым.

Временами мы можем представлять себе предметы и все же не видеть их, хотя они находятся прямо перед нами. Небоскребы возникают ниоткуда, наш собеседник меняет обличье, стоит отвлечься на секунду. А мы не замечаем! И это не волшебство, даже не обман зрения в полном смысле слова. Это явление называют перцептивной слепотой, и о нем известно уже более ста лет: склонность взгляда не останавливаться на том, что эволюционный опыт считает невероятным.

Я нашел антипод ложной слепоты Шпинделя, болезнь, при которой зрячие уверены, что слепы, а слепые настаивают, будто могут видеть. Сама идея была нелепа до безумия, и все же вот они, пациенты – отслоенные сетчатки, выжженные зрительные нервы, всякая возможность видеть отнята законами физики, – которые врезаются в стены, бьются о мебель, изобретают бесконечные смехотворные оправдания своей неуклюжести. Кто-то неожиданно выключил свет. Пестрая птица пролетела за окном и отвлекла от преграды. Я превосходно вижу, спасибо! У меня с глазами все в порядке.

«Индикаторы в голове», – говорил Шпиндель. Но в мозгу прячутся не только измерительные приборы. В нем есть образ мира, и мы не глядим вовне; наше сознательное «я» видит лишь модель, интерпретацию реальности, которая постоянно обновляется в соответствии с информацией, поступающей с органов чувств. Что случится, если они откажут, а модель, поврежденная травмой или опухолью, не сможет обновиться? Долго ли мы будем пялиться на устаревшую картинку, пережевывая и вымучивая одни и те же мертвые данные в отчаянном, подсознательном, совершенно искреннем отрицании реальности? Скоро ли нас озарит, что мир, который мы видим, больше не отражает мира, в котором мы обитаем, что мы слепы?

Если верить историям болезни, – через месяцы. Одной несчастной понадобилось больше года.

Обращения к логике безуспешны. Как можно увидеть птицу, когда перед тобой нет окна? Как ты решаешь, где кончается видимый тобой полумир, если не видишь вторую, уравновешивающую его половину? Если ты мертв, то почему обоняешь смрад собственного гниения? Если тебя не существует, Аманда, токто разговаривает с нами?

Бесполезно. Когда человека поработощает синдром Котара или одностороннее игнорирование, аргументами его не высвободить. А когда ты во власти инопланетного артефакта, то просто знаешь, что твое «я» мертво, а реальность кончается посередине, причем с той же непоколебимой уверенностью, с какой любой человек ощущает расположение собственных конечностей – намертво впечатанным в мозг чувством, не нуждающимся в дополнительных подтверждениях. Что против этой убежденности разум? Что ему логика?

Им не место на «Роршахе».

* * *

На шестом обороте он нанес удар.

– Оно с нами разговаривает, – неожиданно выдала Джеймс.

Ее глаза за стеклом были широко раскрыты, но не сияли, в них не полыхал огонь безумия. Вокруг нас внутренности «Роршаха» сочились, корчились где-то на периферии зрения; чтобы стряхнуть наваждение, приходилось постараться. Я сосредоточился на колечке пальцевидных наростов, торчавших из стены, а в стволе моего мозга зверюшками копошились нечеловеческие слова.

– Оно не разговаривает, – перебил висевший напротив Шпиндель. – Это ты опять бредишь.

Бейтс промолчала. Посреди прохода висели двое пехотинцев, ведя наблюдение сразу по трем осям разом.

– Сейчас все по-другому, – настаивала Джеймс. – Геометрия... оно не настолько симметрично. Похоже на Фестский диск, – она неторопливо повернулась, указывая вдоль прохода. – Кажется, в той стороне сильнее...

– Дай Мишель порулить, – предложил Шпиндель. – Может, она ума одолжит.

Джеймс тихо рассмеялась.

– Ты никогда не сдаешься, да? – она настроила газовый пистолет и поплыла в темноту. – Да, тут определенно сильнее. В этих узорах есть содержание, и оно наложено на...

«Роршах» отсек ее в мгновение ока. Я никогда прежде не видел, чтобы что-то двигалось так быстро. Ни томного шевеления перепонки, к которому мы успели привыкнуть, ни ленивых, постепенных сокращений; диафрагма захлопнулась разом. Внезапно сосуд перекрыло в трех метрах впереди матово-черной мембраной, изукрашенной тонким спиральным узором.

И Банда четырех осталась по другую сторону.

Пехотинцы разом набросились на преграду. Местный воздух захрустел под лазерными лучами, Бейтс орала: «Назад! К стенам!», кувыркаясь, словно гимнастка на ускоренном просмотре, и занимая некую, очевидную, по крайней мере для нее, тактическую высоту. Я прижался к стене. Сверкающие нити перегретой плазмы пластали атмосферу. Краем глаза я видел, как притиснулся к противоположной стороне коридора Шпиндель. Стены шевелились. Я видел, как действуют лазеры: перегородка от их прикосновения рассыпалась горячей бумагой; черный маслянистый дым клубился над подгоревшими краями, и...

Внезапная вспышка всюду, разом. Воздушную жилу затопило лавиной битого света, тысячу осыпающихся осколков, вспышек и отражений. Мы как будто попали в калейдоскоп, направленный на солнце. Свет... И бритвенно-острая боль в боку, в левом плече. Запах жареного мяса. Оборвавшийся вопль.

Сьюзен? Ты там, Сьюзен?

Мы начнем с тебя.

Сияние вокруг меня погасло; пятна перед глазами мешались с хроническими полувидениями, которые «Роршах» уже подсунил в мою голову. Раздражающе чирикали сигналы тревоги – пробой, пробой, пробой! – пока умная ткань скафа не размягчилась и не заклеила отверстия. Левый бок мучительно жгло. Ощущение было, как будто мне поставили клеймо.

– Китон! Проверь Шпинделя!

Бейтс отключила лазеры. Пехтура перешла в рукопашную, огневые сопла и алмазными когтями впиваясь в радужно сверкающие пятна под сожженной шкурой.

«Волоконный отражатель, – понял я. – Он разбил лазерные лучи, превратив их в световую шрапнель и швырнув нам в лица. Умно...»

Поверхность еще светилась, хотя лазеры были отключены, – рассеянным, неровным и тусклым мерцанием, сочащимся с дальней стороны преграды, пока зонды упрямо жевали ближайшую к нам стенку. Не сразу, но я сообразил – нашлемный фонарь Джеймс.

– Китон!

Точно. Шпиндель.

Его смотровое стекло было целехонько. Лазер расплавил сетку Фарадея, которой ламинирован хрусталь, но скаф уже заделывал пробоину. Вот только другая осталась – аккуратная дырочка прямо во лбу биолога. Глаза Исаака за стеклом смотрели в бесконечность.

– Ну? – спросила Бейтс.

Она видела жизненные показатели так же ясно, как и я, но «Тезей» мог провести посмертную реконструкцию.

Если не поврежден мозг.

– Нет.

Гул сверл и резаков стих, посветлело. Я отвернулся от останков Шпинделя. Пехотинцы пробили дыру в волокнистой подложке, один протолкнулся на другую сторону.

Сквозь шум прорезался новый звук: тихий звериный вой, пронзительный и жуткий. На миг мне показалось, что «Роршах» снова нашептывает нам; стены словно сжались вокруг.

– Джеймс? – рявкнула Бейтс. – Джеймс!

Не Джеймс. Маленькая девочка в женском теле, заключенная в бронированный скафандр и напуганная до полусмерти.

Дрон вытолкнул к нам ее свернувшееся в клубок тело. Бейтс бережно взяла лингвиста на руки.

– Сьюзен? Возвращайся, Сьюзен. Все в порядке.

Пехотинцы беспокойно кружились в воздухе, делая вид, что все под контролем и под прицелом. Аманда бросила взгляд на меня: «Бери Исаака», – и снова повернулась к Джеймсу.

– Сьюзен?

– Н... не-ет, – тихо прохныкал девчоночий голосок.

– Мишель? Это ты?

– Там было оно, – прошептала девочка. – Оно меня схватило за ногу.

– Уматываем. – Бейтс потащила Банду за собой через туннель. Один пехотинец остался позади, на страже у дыры; другой шел ведущим.

– Его больше нет, – мягко проговорила Бейтс. – Тут больше никого нет. Видишь?

– Его не-нельзя увидеть, – прошептала Мишель. – Оно не... не... невидимое.

Мы отступали, и диафрагма скрывалась за поворотом. Пробитая в ее центре дыра смотрела на нас, как рваный зрачок огромного немигающего глаза. Пока она оставалась в поле нашего зрения, отверстие пустовало. Нас никто не преследовал. По крайней мере мы никого не увидели. В голове родилась фраза для какой-то бестолковой надгробной речи; выдернутая из подслушанной исповеди, она все вертелась в мыслях, и, как ни старался, я не мог ее прогнать.

Исаак Шпиндель все же не прошел в полуфинал.

Сьюзен Джеймс пришла в себя на обратном пути. Исаак Шпиндель – нет.

В дезинфекционный купол мы заходили молча. Бейтс первой выбралась из скафа и потянулась к биологу, но Банда остановила ее взмахом руки и покачала головой. Они разоблачали тело; личности сменяли друг друга. Сьюзен сняла шлем, рюкзак и кирасу. Головолом отшкурил серебряную освинцованную пленку, покрывавшую все тело, от воротника до пят. Саша стянула комбинезон, оставив нагой бледную плоть. Только перчатки они не тронули: навеки чувствительные кончики пальцев поверх онемевшей кожи. И все это время Шпиндель остекленевшими глазами, не мигая, смотрел на далекие квазары. Я ожидал, что Мишель появится в свой черед и опустит ему веки, но она так и не вышла.

* * *

Имея очи, не видите.

*Иисус Назарянин*⁵²

«Не знаю, что надо чувствовать», – подумал я. Он был добрым достойным человеком. Хорошо ко мне относился, даже когда не знал, что я его слышу. Мы познакомились недавно, нельзя сказать, чтобы особенно сдружились, и все же... Я должен был тосковать по нему. Скорбеть.

Мне следовало чувствовать нечто большее, чем тошнотворный, обессиливающий страх оказаться следующим.

Сарастии не тратил времени попусту. Свежеоттаявший дублер Шпинделя встретил нас, когда мы вышли из люка. От него несло никотином. Регидратация еще не завершилась – на бедрах нового биолога колыхались мешки с физраствором, – но смягчить жесткие черты его лица она не сможет. При каждом движении слышался хруст суставов.

Он посмотрел сквозь меня и принял тело.

– Сьюзен... Мишель, я...

Банда отвернулась.

Он прокашлялся и стал натягивать на тело мешок-кондом.

– Сарастии вызывает всех в вертушку.

⁵² Марк 8:18.

– Мы светимся, – напомнила Бейтс.

Даже прервав вылазку до срока, мы набрали летальную дозу зивертов. Слабая тошнота уже покалывала в горле.

– Потом дезактивируем, – один взмах руки, и Шпинделя скрыл маслянисто-серый саван. – Ты, – он обернулся ко мне, ткнул пальцем в прожженные дыры в комбинезоне. – Со мной.

Роберт Каннингем, еще один архетип. Темные волосы, впалые щеки, челюсть можно использовать в качестве линейки. Он был спокойнее своего предшественника и жестче. Если Шпинделя дергали тики и спазмы, будто от электрического разряда, лицо Каннингема обладало выразительностью восковой маски. Комплекс, управляющий мимическими мышцами, забрили в другую армию. Даже судороги, сотрясавшие его тело, сглаживал никотин, который биолог впитывал на каждом втором вдохе.

Сейчас у него не было сигареты. Только мертвое тело неудачливого коллеги и свежееотавшая неприязнь к бортовому синтезу. Пальцы биолога дрожали.

Бейтс и Банда поднимались по хребту молча. Мы с Каннингемом ползли следом, направляя труп Шпинделя. После напоминания у меня снова заболели нога и бок. Хотя помочь мне Роберт ничем не мог: лучи прижгли плоть, а если бы задели какой-то жизненно важный орган, я бы уже умер.

У люка нам пришлось выстроиться цепочкой: первым Шпиндель, в ногах у него – Каннингем. К тому времени, как в вертушку пробрался я, Бейтс и Банда уже спустились на палубу и заняли свои обычные места. С дальнего конца стола на них взирал Сараста, во плоти.

Он снял очки. С того угла, где стоял я, приглушенный белый свет смывал блеск из его глаз. Если не приглядываться внимательно, их почти можно было принять за человеческие.

Медотсек к моему прибытию затормозили. Каннингем ткнул пальцем в сторону диагностической кушетки на участке застывшего пола, служившего нам лазаретом. Я подплыл туда и пристегнулся. В двух метрах от нас, за проросшими из палубы перилами высотой до пояса, катилась мимо основная часть вертушки. Бейтс, Банда и Сараста кружились передо мной, точно грузики на леске.

Чтобы их слышать, я подключился к КонСенсусу. Говорила Джеймс, тихо и без выражения:

– Я заметила новый узор среди постоянных форм. Где-то в решетке. Он походил на сигнал. Чем дальше я уходила по коридору, тем сильнее он становился. Я пошла за ним и отключилась. Больше ничего не помню до нашего возвращения. Мишель мне рассказала, что случилось. Насколько могла. Это все, что я знаю. Извините.

В ста градусах дуги от меня, в зоне невесомости, Каннингем укладывал своего предшественника в саркофаг, выполняющий иные функции, нежели стоявшие ближе к носу корабля. Я сразу задумался, начнет ли машина вскрытие прямо во время разбора полетов. И услышим ли мы при этом какие-то звуки.

– Саша... – сказал Сараста.

– Ага, – отозвался голос с фирменной Сашиной растяжкой. – Я висела на шее у Мамочки. Когда та вырубилась, я оглохла и ослепла нафиг. Попыталась встать к рулю, но что-то мне мешало. Мишель, должно быть. Не подумала бы, что у нее сил хватит. Я даже не видела ничего.

– Но ты не теряешь сознания.

– Сколько мне помнится, я все время была в себе. Но в полной темноте.

– Обоняние? Осязание?

– Когда Мишель обоссалась в скафе, я почувствовала. И только.

Вернулся Каннингем. В зубах у него торчала непременная сигарета.

– Тебя никто не трогает, – предположил вампир. – Никто не хватается за ногу.

– Нет, – отозвалась Саша.

Она не верила в байку Мишель о невидимых чудовищах. Никто из нас не верил. Зачем, когда все, что мы испытали, легко объяснялось безумием?

– Головолом.

– Ничего не знаю, – я так и не привык слышать, как мужской голос слетает с губ Джеймс. Лом был трудоголиком. В смешанной компании он обычно не выходил на свет.

– Ты на месте, – напомнил ему Сараста. – Ты должен помнить...

– Мамуля передала мне данные для анализа, и я их обрабатывал. Обрабатываю до сих пор, – добавил он с намеком. – Ничего не заметил. Это все?

Я никогда не мог его хорошенько прочесть. Временами казалось, что у Головолома больше общего с десятками бессознательных модулей, работающих в голове Джеймс, чем у разумных ядер, составляющих остальную Банду.

– Ничего не чувствуешь? – настаивал Сараста.

– Только данные.

– Что-то существенное?

– Обычная феноматика, спирали и решетки. Но я еще не закончил. Могу быть свободен?

– Да. Позови Мишель, пожалуйста.

Что-то бормоча про себя, Каннингем обкалывал мои раны анаболиками. Между нами висел синеватый дымок.

– Исаак нашел несколько опухолей, – заметил он. Я кивнул и закашлялся. Саднило в горле. Тошнота отяжелела настолько, что начала продавливать диафрагму.

– Мишель, – повторил Сараста.

– Я обнаружил еще несколько, – продолжал Каннингем. – В основании черепа. Всего пара десятков клеток, не стоит пока выжигать.

– Здесь, – голос Мишель был едва слышен даже через КонСенсус, но, по крайней мере, она снова стала взрослой женщиной. – Я здесь.

– Что ты помнишь, расскажи нам, пожалуйста.

– Я... почувствовала... я просто висела у Мамули на шее, а потом она ушла, и никого больше не было, так что мне пришлось... взять управление...

– Ты видишь, как закрывается диафрагма?

– Нет. Я заметила, что потемнело, но когда обернулась, мы уже были в ловушке. А потом я почувствовала, что у меня за спиной кто-то есть: бесшумно, несильно оно просто толкнуло и схватило меня, и... и... Извините, – пробормотала она после некоторой задержки. – Меня немного... ведет...

Сараста ждал.

– Исаак, – прошептала Мишель. – Он...

– Да, – пауза. – Нам очень жаль.

– Может... можно его починить?

– Нет. Мозговая травма.

В голосе вампира прозвучала нота, похожая на сочувствие, – заученное притворство опытного лицедея. И сквозило что-то еще: почти неуловимый голод, слабая тень искушения. Правда, вряд ли кто-то, кроме меня, это заметил.

Мы были неизлечимо больны, а хищников тянет к слабым и раненым.

Мишель замолчала. Когда она заговорила снова, ее голос лишь чуть дрогнул:

– Много не расскажешь. Оно меня схватило и отпустило. Я сошла с катушек и не могу объяснить, если не считать того, что это проклятое место достает тебя до печени... Я... не справилась. Простите. Больше нечего сказать.

– Спасибо, – после долгой паузы проговорил Сараста.

– Могу я... если можно, я бы хотела удалиться.

– Да, – отозвался вампир.

Мишель ушла на дно. Кубрик вращался, и я не увидел, кто занял ее место.

– Пехотинцы ничего не видели, – заметила Бейтс. – К тому времени, когда мы пробили перегородку, тоннель за ней был пуст.

– За такое время любой домовой уже сделал бы ноги, – заметил Каннингем. Он опустил ноги на палубу и уцепился за поручень: вертушка тронулась с места. Меня повело, я наискось повис на ремнях.

– Не спорю, – отозвалась Бейтс. – Но стопроцентно мы знаем об этом месте лишь то, что не можем верить там собственным чувствам.

– Поверьте чувствам Мишель, – отчеканил Сараста.

Я чувствовал, как с каждой секундой становлюсь все тяжелее. Вампир открыл окошко: кадры, заснятые пехотинцем. За полупрозрачными волокнами ошкуренной перегородки, как за воощенной бумагой, колыхалось яркое расплывчатое пятно – фонарь Джеймс, видимый сквозь преграду. Изображение дернулось, когда робот пошатнулся на магнитной кочке, потом все повторилось. Качнулось и повторилось. Шестисекундная петля.

– Видите объект рядом с Бандой?

Невампиры ничего не увидели. Сараста, очевидно, это понял и остановил картинку.

– Дифракционные узоры не согласуются с единственным источником света в пустом пространстве. Я вижу более тусклые, отражающие элементы. Два темных предмета, близких по размеру и находящихся недалеко друг от друга, рассеивают свет здесь, – курсор указал на две непримечательные точки в кадре, – и здесь. Один – это Банда, сведений о втором у нас нет.

– Погодите, – вмешался Каннингем. – Если вы это раскусили, почему Сюю... почему Мишель ничего не видела?

– Синестезия, – напомнил ему Сараста. – Ты видишь. Она чувствует.

Медотсек слегка вздрогнул, синхронизировав вращение с большой вертушкой; ограждение втянулось обратно в палубу. Из дальнего угла что-то слепое следило за тем, как я наблюдаю за ним.

– Черт, – прошептала Бейтс. – Значит, дома кто-то есть.

* * *

К слову сказать, они вовсе не так разговаривали. Если бы я передавал их настоящие голоса, вы бы слышали белиберду – полдюжины языков, вавилонское столпотворение личных диалектов.

Конечно, причуды попроще пробивались и в их беседу: добродушная воинственность Саши и неприязнь Сараста к прошедшему времени. Каннингем из-за непредвиденного сбоя при операции на височной доле потерял большую часть гендерных местоимений. Но отличия лежали глубже. Команда через фразу мешала английский с хинди и хадзани⁵³; ни один настоящий ученый не позволит концептуальным ограничениям единственного языка стреножить свои мысли. Временами они вели себя почти как синтетты, общаясь ворчаньем и жестами, бессмысленными для любого источника. Дело даже не в том, что сингулярникам недостает социальных навыков, а в том, что после определенной границы грамматически правильная речь становится слишком медленной.

Но только не для Сюзен Джеймс. Это ходячее противоречие: женщина, настолько преданная идее Общения как Объединяющей силы, что ради нее она раскромсала собственный мозг на отдельные куски. Похоже, ей одной был безразличен собеседник. Остальные говорили сами с собой, даже когда обращались к другому. Более того, даже другие личности в мозгу

⁵³ *Хадзани* – язык племени хадза, живущего на севере Танзании. По последним данным, считается одним из наиболее архаичных языков мира (в частности, в области фонетики сохранил набор щелкающих звуков).

Джеймс вели себя так же, предоставляя окружающим право переводить, как могут. Никаких проблем – на борту «Тезей» каждый мог понять любого. А для Сьюзен Джеймс это просто не имело значения: она каждое слово предназначала конкретному адресату, приспосабливала фразу под реципиента.

Я – проводник, существую, чтобы наводить мосты, но никакого моста не получится, если я передам лишь то, что говорил экипаж «Тезей». Поэтому я рассказываю, о чем он говорил, а вы черпайте столько смысла, сколько в состоянии воспринять. За одним исключением: Сьюзен Джеймс, лингвисту и вожаку Банды, я доверяю говорить за саму себя.

* * *

Пятнадцать минут до апогея; максимально безопасное расстояние на случай, если «Роршах» решит нанести ответный удар. Далеко внизу магнитное поле объекта продавливало атмосферу планеты, словно мизинец Господень. Под ним собирались тяжелые, темные грозовые тучи, а по его следам клубились вихри размером с Луну.

Пятнадцать минут до апогея, а Бейтс еще надеялась, что Сараста передумает.

В каком-то смысле это была ее вина. Если бы она отнеслась к новому испытанию как к очередному кресту, который придется нести, возможно, все пошло бы более-менее по накатанной. Еще жила слабая надежда, что Сараста позволит нам стиснуть зубы и продолжить, включив в список напастей не только зиверты, магниты и чудовищ из подсознания, но и дверикапканы. Но Бейтс подняла шум: для нее этот случай стал не очередным куском дерьма в канализации, а шматом, который забил трубу.

«Мы ходим по краю, мы едва выживаем в среде, которая обычна для этой штуковины. Но если она начнет сознательно с нами бороться... Мы не можем так рисковать».

Четырнадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс до сих пор жалела об этих словах.

За время предыдущих вылазок мы обнаружили двадцать шесть переборок на разных фазах развития. Мы просвечивали их рентгеном и пробовали ультразвуком. Наблюдали, как ими заплывают коридоры и как они неторопливо втягиваются обратно в стены. Диафрагма, захлопнувшаяся за спиной у Банды четырех, была совершенно иной породы.

«Какова вероятность, что первая же мембрана на спусковом крючке будет с противолазерным отражателем? Мы столкнулись не с обычным процессом роста – эту штуку подготавливали специально для нас».

А значит, ловушку кто-то расставил.

Вот и еще одна причина для беспокойства. Тринадцать минут до апогея, а Бейтс волновалась за обитателей «Роршаха».

Конечно, любая наша вылазка была ничем иным как кражей со взломом. Тут ничего не изменилось. Но, вскрывая замок, мы считали, что вторгаемся в пустой недостроенный дом. Думали, о его жильцах можно еще долго не беспокоиться, и не ждали, что один из них выйдет за полночь отлить и застанет нас с поличным. И теперь, когда он скрылся в лабиринте, мы крепко задумались, какой пистолет спрятан у него под подушкой...

«Эти перегородки могут изолировать нас в любой момент. Сколько их? Они перемещаются или привязаны к одному месту? Мы не можем двигаться дальше, не выяснив этого».

Поначалу Бейтс удивилась и обрадовалась от того, что Сараста с ней согласился.

Двенадцать минут до апогея. Отсюда, с высоты, куда не доходили помехи, «Тезей» вглядывался в изломанные, перекрученные очертания «Роршаха», не сводя стального взора с крошечной ранки, которую мы прожгли в боку зверя. Палатка-прилипала закрыла ее, словно волдырь; изнутри «чертик» передавал нам картину разворачивающегося эксперимента в другой перспективе – от первого лица.

«Сэр, мы знаем, что „Роршах“ обитаем. Готовы ли мы рисковать дальше, провоцируя его жителей и подвергая их жизнь опасности?»

Сараста не то чтобы посмотрел на нее, и не то чтобы ответил. Но если бы ответил, то, скорее всего, сказал бы что-то вроде: «Не понимаю, как такое мясо доживает до взрослых лет».

Одиннадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс в очередной раз пожалела, что экспедиция находится не в военной юрисдикции.

Прежде чем приступить к эксперименту, мы дождались максимального отдаления. «Роршах» мог воспринять наши действия как враждебные – с этим Сараста согласился без тени иронии в голосе. Сейчас вампир стоял перед нами, глядя, как на столешнице разворачивается изображение. Блики отражались в его глазах, не до конца скрывая глубокий блеск зрачков.

Десять минут до апогея. Сьюзен Джеймс мечтала, чтобы Каннингем затушил свою чертову сигарету. Дым вонял, втягиваясь в вентиляцию, и никакой необходимости в нем не было. Всего лишь манерный анахронизм, способ привлечь внимание; если биологу так требовался никотин, то пластырь легко подавил бы судороги, но без дыма и запаха.

Однако лингвист думала не только о курении. Она размышляла, зачем в начале вахты Сараста вызвал к себе Каннингема, и почему тот после разговора с вампиром так странно на нее поглядывал. Меня это тоже интересовало. Пробежавшись по меткам времени в КонСенсусе, я обнаружил, что в тот же самый момент кто-то заглядывал в ее историю болезни. Я проверил статистику, образы сновали между полушариями; внимание сосредоточилось на повышенном уровне окситоцина как вероятной причине разноса. Вероятность того, что Джеймс стала, на вкус Сарасты, слишком доверчива, – восемьдесят два процента.

Понятия не имею, как я это подсчитал. И никогда не имел.

Девять минут до апогея.

Пока «Роршах» не потерял по нашей вине и пары молекул воздуха, но сейчас все изменится. Картинка базового лагеря разделилась, точно бактерия: одно окошко показывало палатку-ракушку, другое – широкоугольную панораму поверхности вокруг нее с тактическими диаграммами.

Восемь минут до апогея. Сараста выдернул пробку.

Внизу, на «Роршахе», наша палатка лопнула, словно жук под каблуком. Из раны хлестнул гейзер; по его краям бушевала пурга, вывазывая заряженные кружева снега. Атмосфера рвалась в вакуум, рассеялась, кристаллизовалась. Космос вокруг базового лагеря наполнили искры. Это выглядело почти прекрасным.

Только не для Бейтс! Она наблюдала за кровоточащей раной, и ее лицо было не выразительнее, чем у Каннингема; лишь челюсть свело столбняком. Взгляд перебегал с одного окошка на другое, высматривая существ, задыхающихся в тени.

«Роршах» дернулся.

Вздрогнули колоссальные вены и артерии, по ветвям прокатилась сейсмическая судорога. Эпицентр начал проворачиваться: огромный кусок пробитого отростка вращался вокруг своей оси. По оконечностям вращающегося участка, там, где он касался неподвижной части «Роршаха», пролегли морщины; материал размягчался тянучкой и стягивался, будто кто-то перекручивал длинный воздушный шар, превращая его в нитку сарделек.

Сараста пощелкал глоткой. Кошки порой так делают, заметив птицу за окном...

КонСенсус застонал от грохота сталкивающихся миров: телеметрии с полевых датчиков, припавших ушами к земле. Камера на «чертике» опять потеряла управление. Изображение с нее шло обрезанное, зернистое. Объектив тупо пялился на край пробитой нами дыры в преисподнюю.

Стон прекратился, и последняя хилая тучка хрустальной пыли рассеялась в пространстве, едва видимая даже при максимальном разрешении.

Трупов нет. По крайней мере видимых.

Внезапное движение в базовом лагере. Вначале мне померещилось, что сигнал «чертика» забивают помехи, размывая самые контрастные детали. Но нет! Что-то определенно шевелилось и копошилось по краям прожженного нами отверстия, тысячи серых волокон прорастали сквозь разрез и медленно шевелились в темноте.

– Ничего себе, – пробормотала Бейтс. – Должно быть, их провоцирует падение давления. Вот так способ конопатить пробоину...

«Роршах» принялся заживлять рану – через две недели после того, как мы ее нанесли.

Апогей миновал. Дальше путь шел только вниз. «Тезей» начал долгое падение на вражескую территорию.

– Не пользуется диафрагмами, – констатировал Сараста.

* * *

Гены хитрый развод учинили мозгам,
Сделав траханье слаще всего.
Эти мелкие твари замыслили план,
Размножаться во время него.
Но мозги развели их шикарно в ответ.
Комом выпекся хитрый блин.
Вазэктомия – и всем привет —
Гены могут сосать бензин.⁵⁴

R-отборники. Усеклада⁵⁵

Секс от первого лица – настоящий, как настаивала Челси, – требует привычки: рваные вздохи, грубые шлепки, потная вонь от кожи, испещренной норами и оспинами, целый партнер с набором прихотей и капризов. Определенная животная притягательность в этом присутствовала, не поспоришь. В конце концов, именно так мы делали миллионы лет. Но в этой... местечковой похоти всегда была доля вражды, нестыковки асинхронных ритмов. Ни взаимодействия, ни взаимопроникновения. Лишь перестук сталкивающихся тел в борьбе за господство, где каждый пытается навязать другому свой ритм.

Челси относилась к сексу как к высшему воплощению любви. Я в конце концов начал воспринимать его как рукопашный бой. Прежде, трахая созданий из моего собственного меню или пользуясь моделями из чужих, я всегда мог выбрать контрастность и разрешение, текстуру и позу. Телесные отправления, противодействие несовместных желаний, бесконечные ласки, от которых язык стирается до корня и клейко блестит лицо, – ныне они стали капризами. Опциями для мазохистов.

Но у Челси не было опций, только стандартный набор.

Я ей потакал. Подозреваю, я был не более терпелив к ее извращениям, чем она к моей неловкости. Мои усилия оправдывало совсем другое. Челси любила спорить обо всем на свете, лукавая, вдумчивая, любопытная, точно кошка, и была без предупреждения. Низведенная до уровня избыточного большинства, она продолжала простодушно и ярко наслаждаться жизнью. Взбалмошная и вспыльчивая, Челси была равнодушна. К Пагу. Ко мне. Хотела узнать меня ближе. Проникнуть внутрь.

Это становилось серьезной проблемой.

⁵⁴ Перевод Сергея Пальцуна.

⁵⁵ *R-отбор* – репродуктивная стратегия, сводимая к воспроизводству многочисленного и недолго живущего потомства. Усеклада (в филогенетике и таксономии) – группа организмов, которые являются потомками единственного общего предка и всех потомков этого предка.

– Мы могли бы попробовать снова, – сказала она однажды, когда пот и феромоны еще не рассеялись. – И ты даже не вспомнишь, отчего так мучился. Если захочешь, не вспомнишь, что вообще мучился.

Я с улыбкой отвернулся; грани ее лица внезапно показались мне грубыми и непривлекательными.

– Это уже который раз? Восьмой? Девятый?

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Лебедь. Настоящее счастье – огромный дар, и я могу его тебе дать, если позволишь.

– Ты не хочешь, чтобы я был счастлив, – любезно ответил я. – Ты хочешь меня наладить. Она промычала что-то мне под кадык. Потом:

– Что?!

– Ты просто хочешь переделать меня во что-нибудь более... уживчивое.

Челси приподняла голову:

– Посмотри на меня.

Я обернулся. Она отключила хроматофоры на щеке, трепетавшая татуировка теперь переехала на ее плечо.

– Посмотри мне в глаза.

Я вглядывался в неровную кожу век, в сетку капилляров, выходящих по склерам, и испытывал отстраненное недоумение от того, что подобные несовершенные, ветшающие органы все же способны временами меня зачаровывать.

– Так, – проговорила она. – Ты что имеешь в виду?

Я пожал плечами:

– Ты продолжаешь делать вид, что это симбиоз. Но мы оба знаем, что это конкуренция.

– Конкуренция?

– Ты пытаешься вынудить меня действовать по твоим правилам.

– Каким правилам?

– По которым хочешь строить наши отношения. Я не виню тебя, Челси, ни капельки. Мы пытаемся манипулировать друг другом с тех пор, как... Черт, это даже не в человеческой натуре, а в натуре млекопитающих.

– Просто не верится, – она покачала головой. Перед моими глазами закачались спутанные щупальца прядей. – На дворе середина XXI века, а ты втираешь мне очки про войну полов?

– Ну, да. Твои корректировки – новое слово в отношениях. Проникни внутрь и перепрограммируй партнера на максимальную покорность.

– Ты правда думаешь, что я пытаюсь тебя... выдрессировать? Вышколить, как щенка?

– Ты поступаешь естественным образом.

– Не могу поверить, что ты говоришь мне подобную чушь.

– Я думал, в наших отношениях ты ценишь честность.

– Каких отношениях? Послушать тебя, их вовсе нет. Просто... взаимное изнасилование или что-то вроде.

– В этом и смысл отношений.

– Вот только лапшу мне не надо вешать. – Она села на краю кровати, свесив ноги и спиной ко мне. – Я знаю, что я чувствую. Это единственное, в чем я уверена. Я всего лишь хотела сделать тебя счастливым.

– Я понимаю, ты в это веришь, – ласково отозвался я. – Понимаю, это не кажется тебе стратегией поведения. Так бывает с глубоко прописанными инстинктами. Все кажется естественным, правильным. Это обман природы.

– Нет, черт возьми, вполне человеческий.

Я сел рядом с ней, коснувшись плечом ее плеча. Она отстранилась.

– Я знаю, – проговорил я чуть погодя. – Знаю, как работает мозг. Это моя работа.

И ее тоже, если на то пошло. Человек, который зарабатывает на жизнь корректировкой мыслей, не может не знать основы проводки под «капотом». Челси всего лишь сознательно их игнорировала, иначе ее праведный гнев лишился бы всякого смысла.

Я мог бы и об этом упомянуть, но понимал, какую нагрузку способна выдержать система, и не был готов к разрушающим испытаниям. Не хотел ее терять, как и ощущение безопасности, чувство, что кому-то небезразлична моя жизнь и смерть. Я хотел лишь немного отстранить Челси и передохнуть.

– Временами ты бываешь такой холодный, как ящерица, – пробормотала она.

Цель достигнута.

* * *

Во время первой высадки мы «дули на воду» и выверяли каждый свой шаг. На этот раз мы действовали как спецназ.

«Сцилла» жгла на двух «же» по направлению к «Роршаху», следуя по предсказуемой, плавной дуге, упирающейся в разрушенный базовый лагерь. Возможно, она там и села – не знаю. Сараста вполне мог убить двух зайцев одним выстрелом, запрограммировав челнок самостоятельно собирать образцы. Если и так, людей на борту к тому времени уже не осталось. «Сцилла» выплонула нас в пространство за пятьдесят километров до нового плацдарма, бросив нагими кувыркаться на каркасе ракеты, которому едва хватало реактивной массы для мягкой посадки и спешного взлета. Мы даже управлять им не могли: успех зависел от непредсказуемости, а есть ли лучший способ быть непредсказуемым, чем не знать самому, что делаешь? Логика Сарасты, вампирская. Мы могли хотя бы отчасти проследить за ходом его умозаключений: колоссальный вывих, закрывший пробоину в борту «Роршаха», был гораздо медлительнее и расточительнее капкана, в который попалась Банда. К тому же «Роршах» не задействовал диафрагмы, а значит, им требовалось время для развертывания – то ли для перераспределения массы, то ли для взвода рефлексивной пружины. Это давало нам «окно»: мы могли забраться в львиное логово, покуда его хозяева не в силах предсказать наше появление, расставить ловушки и унести оттуда ноги, прежде чем поставят капканы.

– Тридцать семь минут, – сказал Сараста.

Никто не понял, как он пришел к такому выводу. Спросить осмелилась только Бейтс. Вампир лишь глазами сверкнул.

– Вам не понять.

Логика нежити: от очевидных посылок к непостижимым выводам. И от нее зависела наша жизнь.

Тормозные двигатели следовали заложенному алгоритму, в котором законы Ньютона скрещивались с бросками костей. Наша цель была выбрана не случайно – мы отсекали зоны роста и отводные каналы; места, лишённые близких путей к отступлению, тупики и неразветвленные сегменты («Как скучно», – пожаловался Сараста, вычеркивая их). В нашем распоряжении осталось около десяти процентов объекта. Сейчас мы падали в восьми километрах от места первоначальной высадки, прямо в терновый куст. Здесь, на полпути к цели, даже мы сами не смогли бы точно предсказать место приземления.

Если «Роршах» мог, то он заслуживал победы. Мы летели. Куда ни глянь, пространство раскалывали ребристые шпильки и корявые ветви, рассекая звездную даль и близкий газовый гигант на исчерченные черными жилами витражные осколки. В трех километрах от нас, а может, в тридцати, вздувшийся кончик отростка лопнул неслышным взрывом заряженных частиц, затуманив даль застывающим, рвущимся газом. Прежде чем тот рассеялся, я заметил, как завиваются сложными спиралями клочья и струи: магнитное поле «Роршаха» превращало само дыхание объекта в радиоактивный град.

Я никогда не видел его невооруженным глазом и сам себе казался пролетающей сквозь старое пожарище мошкой в звездной зимней ночи.

Включились тормозные двигатели. Меня швырнуло назад, на ремни упряжи, и ударило о бронированное тело, мотавшееся рядом. «Саша», – вспомнил я. Остальных Каннингем усыпил, оставив в общем теле единственное одинокое ядро. Я даже не подозревал, что при раздвоении личности такое возможно. Она смотрела на меня сквозь смотровое стекло шлема. Скаф полностью скрывал ее графы, и в глазах я ничего не мог прочесть. В последние дни это случилось часто. Каннингема с нами не было, и никто не спросил почему, когда Сараста раздавал задания. Биолог оказался первым среди равных; дублер, которого некому заменить. Второй по незаменимости в нашей незаменимой команде.

Это увеличило мои шансы: ставки повысились до одного к трем.

Каркас спускаемого аппарата неслышно содрогнулся. Я снова посмотрел вперед, через плечо Бейтс, лежащей на противоперегрузочной койке впереди, мимо принаитовленных пехотинцев по сторонам. Наш автомат запустил боевую часть – сборный надувной тамбур на установке взрывного бурения, который пробьет шкуру «Роршаха», точно вирус клеточную мембрану. Тонконое устройство уменьшалось, пока не скрылось из виду. Миг спустя на фоне смоляного пейзажа внизу рассвело и погасло крохотное натриевое солнце – вколоченный прямо в броню заряд антиматерии; мизерный, хоть атомы считай. Намного грубее, чем робкие ласки нашего первого свидания.

Мы совершили жесткую посадку (пока тамбур надувался). Пехотинцы слетели с нарт за миг до столкновения, извергая из сопел тонкие струйки газа, и окружили нас охранным кольцом. Бейтс последовала за ними, выскочив из креплений, и поплыла прямо к распухающему куполу. Мы с Сашей выгрузили катушку оптоволокну – складной барабан толщиной в полметра и диаметром в человеческий рост – и покатали ее вдвоем. Один из роботов проталкивался через шлюзовую мембрану тамбура.

– Пошевеливаемся. – Бейтс цеплялась за поручень надувной палатки. – Тридцать минут до...

Она осеклась. Мне не пришлось спрашивать почему: передовой солдатик разместился над свежепробитым отверстием и прислал нам первую открытку.

Свет из глубины.

* * *

Вы можете подумать, что нам стало легче. Человеческое племя всегда боялось темноты: миллионы лет мы ежились в пещерах и норах, пока невидимые твари рычали, сопели или просто ждали в ночи за порогом, молча и тихо. В идеале любой свет, даже очень слабый, должен разогнать хотя бы часть тьмы, оставив разуму меньше простора для страшных фантазий.

Но мысль – штука неподконтрольная.

Мы последовали за пехотинцем вниз, в тускло мерцающую муть, напоминающую простоквашу с кровью. Поначалу казалось, что горит сам воздух, светящийся туман, в котором тонет все, расположенное на расстоянии больше десяти метров. Но это было иллюзией. Тоннель, в который мы выбрались, имел метра три в ширину и освещался рядами дефисов, размером и формой примерно с оторванный палец, расчертивших стены широкой тройной спиралью. Похожие выступы мы зафиксировали на месте первой высадки, хотя они не светились, и пробелы между ними были не так сильно выражены.

– Видимость лучше в околоинфракрасном спектре, – доложила Бейтс, переключив всем дисплеи в новый режим.

Для гремучей змеи атмосфера казалось бы прозрачной. А для сонара она такой и была: передовой дрон плюнул во мглу цепочкой щелчков и обнаружил, что в семнадцати метрах впе-

реди тоннель выходит в какое-то помещение. Прищурившись, я разглядел сквозь мглу очертания пещеры. Чуть ли не заметил зубастых тварей, словно разбегающихся от взгляда.

– Пошли, – скомандовала Бейтс.

Мы подключили пехотинцев: одного оставили охранять выход, остальных разобрали в качестве передовых ангелов-хранителей. С внутришлемными дисплеями роботы сообщались по лазерной связи; друг с другом переговаривались по негнущемуся кабелю из экранированного оптоволокна, который разматывался с катушки по нашим следам. В среде, где оптимальных выходов нет, это был наилучший из возможных компромиссов. Наши телохранители на поводках позволят держать связь во время одиноких прогулок по тупикам и закоулкам.

Да, именно одиноких. Мы должны были либо действовать поодиночке, либо исследовать меньшую территорию, а потому решили разделиться, словно блиц-картографы в поисках Эльдорадо. Все наши действия основывались исключительно на вере – в то, что общие принципы внутренней архитектуры «Роршаха» можно извлечь из снятых на бегу мерок; в то, что «Роршах» в принципе представляет собой единое целое. Предыдущие поколения поклонялись злобным и непостоянным духам. Наше уверовало в упорядоченность мира. Здесь, в чертовой пахлаве, поневоле задумаешься, не подобрались ли предки ближе к истине...

Мы шли вдоль тоннеля. Наша цель была различима простым человеческим глазом: не столько зал, сколько перекресток, свободное пространство на стыке дюжины проходов, расходящихся в разные стороны. Кое-где на глянцевах поверхностях мерцали рваные сетки ртутных капель; сквозь материю стен прорывались блестящие выступы, как горсть крупной дроби, вмятой в мокрую глину.

Я взглянул на Бейтс и Сашу:

– Панель управления?

Майор пожала плечами. Ее роботы «обнюхивали» провалы тоннелей вокруг, осыпая их сонарными импульсами. Отзвуки расчерчивали на моем дисплее клочковатую трехмерную карту: цветные кляксы, размазанные по невидимым стенкам. Мы были точками в центре нервного узла, стайкой паразитов, обсевших огромного и выеденного изнутри хозяина. Коридоры изгибались плавными спиралями, каждый в своем направлении. Сонар заглядывал в их глубину лишь на пару метров дальше наших взглядов. И ни зрение, ни ультразвук не позволяли с ходу отличить один туннель от другого.

Прежде чем уйти собственной непроторенной тропой, Бейтс ткнула в сторону одного из проходов:

– Китон!

И другого:

– Саша!

Я нервно заглянул во тьму.

– Какие-то особые...

– Двадцать пять минут, – отрезала она.

Я развернулся и медленно поплыл по указанному пути. Тоннель загибался по часовой стрелке пологой, непримечательной спиралью; даже без тумана метре на двадцатом из-за кривизны входа в коридор было бы не видно. Зонд плыл впереди; тысячей крошечных челюстей стучал сонар, с далекой катушки на перекрестке разматывался фал.

Поводок меня успокаивал, хоть он и был короткий: пехотинцы действовали в радиусе девяноста метров, не больше, а мы получили строгий приказ прятаться под их «крылом». Эта мрачная, чумная нора может вести в самый ад, но никто не ждет, что я полезу далеко – мою трусость одобрили сверху.

Еще пятьдесят метров. Пятьдесят, и я смогу развернуться и драпануть, поджав хвост. А до тех пор надо лишь стиснуть зубы, сосредоточиться и записывать. «Все, что видишь! – приказал Сараста. – И чего не видишь. Насколько это возможно». И надеяться, что новый,

сокращенный лимит времени истечет прежде, чем «Роршах» очередным пиком отправит нас в слюнявый маразм.

Стены вокруг сотрясались, будто плоть свежей добычи. Что-то промелькнуло мимо с тихим хихиканьем...

Сосредоточиться. Записывать. Если робот этого не видит, оно не существует.

На шестьдесят пятом метре очередной призрак забрался ко мне под шлем. Я пытался его игнорировать, пытался отвернуться. Но фантом колыхался не на краю поля зрения, а плыл прямо посередине смотрового стекла комком клубящейся тошноты, застывшей между мной и дисплеем. Я стиснул зубы и постарался отвести взгляд, глядя в глухую кровавую мглу по сторонам, наблюдая за судорожно разворачивавшимися траверсами в маленьких окошках, подписанных «Бейтс» и «Джеймс». Там – ничего. А тут, прямо под носом, очередной роршаховский мозгоед заляпал грязными пальцами экран сонара.

– Новый симптом, – сообщил я. – Непериферические галлюцинации, стабильные, но практически бесформенные. Пика нет, насколько могу...

Вкладку с ярлычком «Бейтс» резко занесло.

– Кит...

Голос оборвался, окно погасло.

И не только окно Бейтс. Вкладка Саши и сонар зонда моргнули и погасли в тот же момент, дисплей опустил, если не считать внутренней телеметрии скафа и мерцающего красного индикатора «Связь прервана». Я резко обернулся – пехотинец висел на своем месте, в трех метрах за моим правым плечом. Я хорошо видел оптический порт – вделанный в кирасу рубиновый ноготок.

А оружейные порты нацелились прямо на меня.

Я застыл. Робот, словно от ужаса, трясся на магнитном ветру. Ужаса передо мной. Или... чем-то за моей спиной.

Я начал разворачиваться. В глазах зарябило от помех, откуда-то – тихо-тихо – донесся вроде бы голос:

– ...думай шевели... Кит... не...

– Бейтс? Бейтс?!

На месте «Связь прервана» расцвел новый индикатор. По неизвестной причине пехотинец переключился на радиосвязь, и, хотя мы находились на расстоянии вытянутой руки, я едва мог разобрать его слова.

Фарш из слов:

– ...у тебя... прямо перед то...

И Саша, чуть яснее:

– ...ак он не видит?..

– Вижу что? Саша! Кто-нибудь! Чего я не вижу?

– ...прием? Китон, ты меня слышишь?

Бейтс каким-то образом усилила сигнал. Помехи гремели, словно океан, но теперь я мог разобрать слова на их фоне.

– Да! Что?..

– Не шевелись, ты понял? Замри! Подтверди.

– Подтверждаю, – зонд неуверенно держал меня на прицеле. Темные зрачки стереокамер судорожно моргали, стягиваясь в точки. – Что...

– Китон, прямо перед тобой что-то есть. Между тобой и солдатом. Неужели ты не видишь?

– Н-нет. Дисплей сдох...

– Как он может не видеть, – вмешалась Саша, – когда оно прямо...

– Размером с человека, – Бейтс повысила голос, – радиально-симметричное, восемь-девять конечностей. Вроде щупалец, но... сегментированных. Шипастых.

– Ничего не вижу, – проговорил я.

Но я видел, как что-то тянулось ко мне – в саркофаге, на борту «Тезея». Видел, как оно неподвижно лежало, свернувшись клубком в корабельном хребте, наблюдая, как мы выкладываем свои планы.

Я видел, как сжималась в комочек синестет Мишель. Его нельзя увидеть. Оно не... невидимое...

– Что оно делает? – спросил я.

Почему я его не вижу?

– Просто... висит в воздухе. Руками помахивает. О, ч... Кит!..

Пехотинцу как будто отвесил пощечину великан, и робота снесло в сторону, приложив о стену. Внезапно вернулась лазерная связь, напав дисплей данными: взгляд из глаз Бейтс и Саши, несущихся по инопланетным тоннелям, и сигнал с камеры зонда, чей объектив уперся в скафандр с надписью «Китон», накарябанной на кирасе по трафарету. И рядом с ним что-то наподобие морской звезды, бьющей воздух лишними руками.

Банда вывалилась из-за поворота, и теперь я почти увидел нечто, трепещущее как воздух от жара. Существо было огромное и шевелилось, но всякий раз, когда я пытался остановить на нем взгляд, тот будто соскальзывал. «Оно не настоящее, – с истерическим облегчением подумал я. – Это очередная галлюцинация!» Вдруг появилась Бейтс, и тварь оказалась прямо передо мной – без всякого мерцания и абсолютно реальная; ничего, кроме схлопнувшейся волны вероятности и неоспоримой массы. Обнаруженная, она метнулась к ближайшей стене и промчалась над нашими головами. Суставчатые щупальца хлестали воздух бичами. Короткий гулкий стрекот за спиной, и создание повисло посреди туннеля, обугленное и дымящееся.

Неровный перестук. Вой замирающих подшипников. Три пехотинца висели в строю посреди прохода; один смотрел на инопланетянина. Я заметил, как втягивается под корпус кончик смертоносного хоботка. Бейтс отрубила солдата прежде, чем тот закрыл пасть.

Через оптический линк три пары легких наполняли внутренность моего шлема тяжелым дыханием.

Отключенный робот парил в мутном воздухе. Труп инопланетянина слабо бился о стену, чуть подергиваясь: гидра из позвоночных столбов, обожженная и костлявая. На то, что мне померещилось на борту «Тезея», она походила мало.

Меня это даже обнадежило, хотя я бы не смог ответить почему.

Двое активных пехотинцев сканировали взглядами мглу, пока Бейтс не дала им новый приказ: один взялся за труп, а другой поддержал павшего товарища. Бейтс ухватила задохлый зонд и вырвала фал из разъема.

– Отступаем. Медленно. Я за вами.

Я запустил реактивные двигатели в ранце. Саша промедлила. Витки экранированного кабеля пуповиной плыли вокруг нас.

– Пошли! – скомандовала Бейтс, подсоединяя отключенного робота прямо к своему скафу.

Лингвист двинулась за мной. Майор замыкала процессию. Я вглядывался в дисплей, ожидая, что к нам вот-вот нагрянет свора многоруких чудищ.

Не нагрянула. Но почерневшая тварь на брюхе робота была вполне реальна. Не галлюцинация. Даже не поддающийся осмыслению плод синестезии и ужаса. «Роршах» оказался обитаем, и его обитатели были невидимы.

Временами. Типа того...

И одного из них мы только что убили.

* * *

Бейтс вышвырнула отключенный зонд в пространство, как только мы выбрались в вакуум. Пока пристегивались, собратья дрона использовали его вместо мишени, не прекращая стрелять, пока от бедолаги не осталось ничего, кроме стынувшего пара. Даже эту разреженную плазму «Роршах» заплетал в кружева, прежде чем она рассеялась.

На полдороге к «Тезею» Саша обернулась к Бейтс.

– Ты...

– Нет.

– Но... они ведь могут действовать самостоятельно, да? Автономно.

– Не на ручном управлении.

– Повреждение? Пик?

Бейтс не ответила.

Она послала сообщение на корабль. К тому времени, как мы добрались до «Тезея», Каннингем вырастил на хребте «Тезея» еще один метастаз – дистанционно управляемый секционный зал, набитый манипуляторами и датчиками. Стоило нам забраться под броню, выживший пехотинец подхватил тело и сорвался с места, доставив груз до цели, пока мы только заканчивали стыковку.

После очередного возрождения нас уже ждали плоды предварительного вскрытия. Голографический призрак расчлененного инопланетянина восстал из КонСенсуса, словно освеженная туша на каком-то чудовищном банкете. Раскинутые щупальца напоминали человеческие позвончики. Мы сидели вокруг стола и ждали, когда кто-нибудь приступит к пиршеству.

– Обязательно было палить по нему из микроволновки? – съязвил Каннингем, барабанил по столу пальцами. – Вы его напрочь сварили, клетки изнутри полопались.

Бейтс покачала головой.

– Это был сбой.

Биолог взглянул на нее с кислой миной.

– Сбой, который совершенно случайно не затронул алгоритмы прицеливания по движущейся мишени. Как-то странно.

Майор невозмутимо взглянула на него в ответ.

– Автономное целеуказание включилось самопроизвольно. И случайно.

– Случайность – это...

– Остынь, Каннингем! Только твоего нытья мне сейчас не хватало.

Глаза на мертвенном полированном лице биолога закатились, внезапно узрев что-то под потолком. Я проследил за его взглядом: сверху нас разглядывал Сараста, неспешно дрейфуя на кориолисовом сквозняке, точно неясить над полевками.

Опять без забрала. И очки он явно не потерял.

Вампир остановился на Каннингеме:

– Ваши результаты.

Тот сглотнул, пробежав пальцами по столу. Ошметки инопланетных внутренностей расцвели пестрыми метками.

– Ну, хорошо. Боюсь, на клеточном уровне рассказывать не о чем: внутри мембран почти ничего не осталось. Если на то пошло, и мембран-то почти нет. В терминах базовой морфологии образец имеет, как видите, радиальную симметрию и сплюснут по спинно-брюшной оси. Известковый экзоскелет, кератинизированный пластиковый эпидермис. Ничего особенного.

– Пластиковая шкура – «ничего особенного»? – скептически переспросила Бейтс.

– В такой среде я ожидал и плазмоидов Сандуловичу⁵⁶ увидеть. А пластик – лишь очищенная нефть, органический углерод. Эта штука основана на углероде и даже на белках, хотя ее белки намного устойчивее наших. Многочисленные серные мостики дают латеральную фиксацию, насколько я смог выяснить по остаткам, которые не денатурировала ваша пехота, – Каннингем смотрел мимо нас. Очевидно, его мысли витали очень далеко, в телеметрических датчиках. – Ткани насыщены магнетитом. На Земле такое вещество находят в мозгу дельфинов, перелетных птиц и в некоторых бактериях – у всех, кто ориентируется по магнитному полю. Перейдем к макроструктурам: мы имеем пневматический эндоскелет, он же, насколько можно понять, исполняет роль мышечной системы. Контрактильные ткани выжимают газ через систему пузырей, которые напрягают или расслабляют отдельные сегменты щупалец.

В глаза Каннингема вернулась жизнь – ровно настолько, чтобы сосредоточить взгляд на сигарете: он поднес ее к губам и глубоко затянулся.

– Обратите внимание на инвагинации в основании каждой конечности. – На виртуальном трупе загорелись оранжевым сдувшиеся воздушные шарики. – Их можно назвать клоаками. Туда открываются все системы: они питаются, дышат и испражняются через одну и ту же небольшую камеру. Других естественных отверстий нет.

Банда состроила гримасу, выражая Сашино омерзение.

– А они не... забиваются? Неэффективно как-то.

– Забьется одно – в той же системе остается еще восемь проходов. В следующий раз, когда поперхнешься куриной косточкой, можешь помечтать о такой неэффективности.

– Чем оно питается? – спросила Бейтс.

– Понятия не имею. Вокруг клоак я обнаружил сократительные ткани вроде глоток, что подразумевает питание – сейчас или же в эволюционном прошлом. Сверх того... – Он развел руками, и сигарета оставила слабую струйку дыма. – Кстати, если надуть эту сократительную ткань, образуется герметичная перегородка. В сочетании с эпидермисом это, скорее всего, позволяет организму какое-то время находиться в вакууме. И мы уже знаем, что они переносят радиационный фон. Только не спрашивайте меня как. То, что заменяет им гены, должно быть намного прочнее наших.

– Значит, они могут жить в космосе, – задумчиво пробормотала Бейтс.

– В том же смысле, в каком дельфин живет в воде. Ограниченное время.

– Долго?

– Не уверен.

– Центральная нервная система, – сказал Сараста. Бейтс и Банда внезапно неуволимо застыли. Заменяв манеры Саши, тело лингвиста приняло позу Сьюзен. Вокруг губ и ноздрей Каннингема клубился дым.

– В ней нет ничего центрального: ни цефализации, ни даже сосредоточения органов чувств. Тело покрыто чем-то вроде глазок или хроматофоров, или тем и другим разом. Всюду сплошные реснички. И насколько я могу судить – если эти тоненькие вареные волокна, которые я собрал после вашего «сбоя», действительно нервы, а не что-то иное, – каждое из этих образований управляется независимо.

Бейтс вскинулась:

– Seriously?

Каннингем кивнул.

– Все равно, что независимо управлять движениями каждого волоска на голове, только это существо покрыто щетинками до кончиков щупалец. С глазами – то же самое: сотни тысяч

⁵⁶ Плазмоиды Сандуловичу – в 2003 году группа румынских ученых во главе с Мирчей Сандуловичу зафиксировали возникновение из аргонной плазмы газовых сфер, которые росли, размножались и даже общались с помощью электромагнитической энергии, то есть вели себя как живые существа.

глаз по всей шкуре, и каждый не больше камеры-обскуры, но способен фокусироваться независимо, и, подозреваю, где-то сигналы с них интегрируются. Все тело действует как большая сетчатка. Теоретически это дает существу потрясающую зоркость.

– Распределенный интерферометрический телескоп, – прибормотала Бейтс.

– Под каждым глазком лежит хроматофор – пигмент напоминает криптохром⁵⁷. Вероятно, он имеет отношение к зрению, но параллельно способен распространяться по окружающим тканям или, наоборот, концентрироваться. Это подразумевает динамические пигментные пятна, как у хамелеона или каракатицы.

– Имитация фона? – спросила Бейтс. – Это может объяснить, почему Сири его не видел?

Каннингем открыл новое окно и запустил закольцованный видеоролик: крупнозернистый Сири Китон и его невидимый партнер. Для камер тварь, которую я не видел, была зловеще реальна: парящий диск вдвое шире моего торса, по краям обвешанный щупальцами, как узловатыми канатами. По ее шкуре бегали пестрые волны, точно свет и тени играли на мелководье.

– Как видите, узор не соответствует фону, – отметил Каннингем. – Даже отдаленно.

– Можете объяснить избирательную слепоту Сири? – спросил Сараси.

– Нет, – признался биолог. – Обычной маскировкой – нет. Но «Роршах» заставляет нас видеть много такого, чего не существует на самом деле. По сути, здесь тот же процесс – не видеть то, что есть.

– Еще одна галлюцинация? – спросил я.

Каннингем пососал сигарету и пожал плечами.

– Есть много способов обмануть человеческий глаз. Любопытно, что иллюзия рассеялась в присутствии нескольких свидетелей. Но если вам нужен конкретный механизм, дайте мне больше материала для работы, а не только это, – он ткнул окурком в сторону подгоревших останков.

– Но... – Джеймс перевела дыхание, собираясь с силами. – Мы говорим о системе... как минимум, высокоразвитой, очень сложной, с огромной вычислительной мощностью.

Каннингем снова кивнул:

– По моим прикидкам, нервная ткань составляет почти тридцать процентов массы тела.

– Значит, оно разумно, – почти прошептала Сьюзен.

– Никоим образом.

– Но... тридцать процентов...

– Тридцать процентов моторной и сенсорной проводки. – Еще одна затяжка. – Почти как у осьминога: нейронов огромное количество, но половина уходит на тонкое управление присосками.

– Насколько мне известно, осьминоги умны, – заметила Джеймс.

– По меркам моллюсков – безусловно. Но ты представляешь, сколько потребуется дополнительных проводников, если фоторецепторы в твоем глазу раскиданы по всей поверхности тела? Для начала понадобятся триста миллионов удлинителей от полумиллиметра до двух метров длиной. Это приведет к рассинхронизации сигналов, и потребуются миллиарды дополнительных логических вентилей для согласования входа. А в результате вся система даст тебе всего один неподвижный кадр, без фильтров, опознания и последовательной интеграции.

Судорога. Затяжка.

– Теперь прибавь дополнительную проводку, чтобы сфокусировать на цели все эти глазки или переслать информацию отдельным хроматофорам. И еще вычислительные мощности для запуска хроматофоров по одному. Возможно, тридцати процентов массы тела на это хватит,

⁵⁷ *Криптохром* – группа белков флавопротеинов, представляющих собой чувствительный элемент фоторецепторов животных и растений, реагирующих на синее освещение.

но я сильно сомневаюсь, чтобы там осталось место на философию и науку, – он махнул рукой куда-то в сторону трюма. – Это...

– Шифровик, – подсказала Джеймс.

Каннингем поката́л слово на языке.

– Очень удачно. Этот шифровик – абсолютное чудо эволюционной инженерии. И он туп как пробка.

Краткая пауза.

– Тогда, что они такое? – спросила наконец Джеймс. – Домашние зверюшки?

– Канарейки на руднике, – предположила Бейтс.

– Может, и меньше того, – отозвался Каннингем. – Вероятно, это лишь лейкоцит с манипуляторами. Робот-ремонтник, дистанционно управляемый или действующий инстинктивно. Но мы упускаем более важные вопросы. Как анаэроб может развиваться в сложный многоклеточный организм и тем более – двигаться настолько быстро, как это существо? Подобный уровень активности жрет массу АТФ.

– Может, они не используют АТФ, – предположила Бейтс, пока я полез за справкой в КонСенсус: аденозинтрифосфат, источник энергии для клетки.

– АТФ из него просто льется, – сообщил биолог. – Это видно даже по останкам. Вопрос в том, как оно успевает синтезировать трифосфат настолько быстро, чтобы поддерживать активность. Чисто анаэробного метаболизма недостаточно.

Предположений ни у кого не оказалось.

– В общем, – подвел он итог, – на сем урок закончен. Кому нужны неаппетитные детали – обращайтесь в КонСенсус, – Каннингем пошевелил пальцами свободной руки; вскрытый призрак рассеялся. – Продолжаю работать. Но если вам нужны серьезные ответы, притащите мне живой образец.

Он затушил окурок о переборку и вызывающе оглядел вертушку.

Остальные едва отреагировали; их графы еще плыли под тяжестью недавних откровений. Возможно, показное раздражение Каннингема было важнее для общей картины, или в редукционистской Вселенной биохимия существа всегда имеет приоритет над надстройкой межвидового этикета и проблемами внеземного разума. Но Бейтс и Банда отстали от времени, еще не переварив предыдущие откровения. Они в них погрязли, цеплялись за открытия биолога, как смертники, недавно узнавшие, что могут выйти на свободу из-за судебной ошибки.

Мы убили шифровика, в этом никаких сомнений. Но он не был инопланетянином, не обладал разумом. Лейкоцит с манипуляторами, тупой как пробка. И все.

Гораздо легче жить, когда у тебя на совести порча имущества, а не убийство.

* * *

Проблемы невозможно решать на том же уровне компетентности, на котором они возникают.

Альберт Эйнштейн

С Челси меня познакомил Роберт Паглиньо. Возможно, когда наши отношения пошли под откос, он почувствовал себя ответственным. А может, Челси, любительница клеить битые чашки, попросила его вмешаться. Как бы то ни было, с той минуты, как мы сели за столик в «КуБите», мне стало ясно, что пригласил он меня не только ради компании.

Паг заказал коктейль из нейротропов на льду. Я ограничился «Рикардсом»⁵⁸.

– Все так же старомоден, – начал Паг.

⁵⁸ «Рикардс» – сорт пива.

– Все так же ходишь кругами, – заметил я.

– Так очевидно, да? – Он сделал глоток. – Поделом мне водить за нос профессионального жаргонавта.

– Жаргонавтика тут не при чем. Ты бы и колли не обманул.

По правде сказать, графы Пага никогда не подсказывали мне то, о чем бы я уже не знал. Но, понимая его, я не получал форы. Может, потому, что мы с ним слишком хорошо друг друга знали?

– Ну, – сказал он, – колись.

– Нечего рассказывать. Она познакомилась со мной настоящим.

– Скверно.

– Что она тебе рассказала?

– Мне? Ничего.

Я взглянул на него поверх бокала.

Паг вздохнул.

– Она знает, что ты ей изменяешь.

– Я что?!

– Изменяешь. С моделью.

– Это же ее модель!

– Но не она сама.

– Нет, не она. Модель не пускает газы, не скандалит и не закатывает истерики всякий раз, когда я отказываюсь волочиться на встречу с ее семьей. Я нежно люблю эту женщину, но послушай... ты когда в последний раз трахался вживую?

– В семьдесят четвертом, – признался он.

– Шутишь, – я думал, у Пага вообще не было такого опыта.

– В промежутках между контрактами работал в медицинских миссиях, колесил по странам третьего мира. В Техасе трахи и охи еще в ходу, – Паг глотнул тропа. – Мне в общем-то понравилось.

– Экзотика приедается.

– Не поспоришь.

– И, Паг, я же не делаю ничего необычного. Это у нее особые запросы. И дело не только в сексе. Она же постоянно меня расспрашивает... все хочет чего-то разузнать.

– Например?

– Да ненужные какие-то расспросы. О моем детстве. О семье. А это мое личное дело, что, так сложно понять?

– Ей просто интересно. Знаешь, не все считают детские воспоминания запретной темой.

– Спасибо, просветил!

Можно подумать, раньше никто мною не интересовался. Например, Хелен еще как интересовалась, перешаривала мой шкаф, фильтровала почту и ходила за мной из комнаты в комнату, расспрашивая мебель и занавески, почему я вечно мрачный и замкнутый. Ей было так интересно, что она не выпускала меня из дому без исповеди. В возрасте двенадцати лет у меня хватило дурости отдаться ей на милость. Это личное, мам! Я бы не хотел об этом говорить. А потом долго прятался в ванной, когда она начала допрос: а может, у меня проблемы в сети, или с девочкой, или... с мальчиком; и что случилось, и почему я не могу просто довериться родной матери – разве я не знаю, что во всем могу на нее положиться? Я переждал и непреклонный стук в дверь, и настойчивые озабоченные вопросы, и наконец, озлобленное молчание, пока абсолютно не был уверен в том, что она ушла. Пять часов сидел там, прежде чем выйти, а Хелен все еще стояла в коридоре, сложив руки на груди; ее глаза тлели разочарованием и укором. В тот же вечер она сняла замок с двери ванной, потому что родным незачем друг от друга запирались. Ей было очень интересно!

– Сири, – вполголоса окликнул меня Паг.

Я перевел дух и попробовал снова:

– Она не просто хочет поговорить о моей семье, она желает с ней познакомиться. И постоянно старается вытащить меня к своим родителям. Знаешь, я думал, что лишь встречаюсь с Челси, меня никто не предупреждал, что придется делить место с...

– Вытащила?

– Один раз, – цепкие руки, жадные пальцы, фальшивая приязнь, лживое дружелюбие. – Было очень мило, если тебе нравится, когда тебя ритуально лапает толпа незнакомых лицедеев, которых тошнит от твоей рожи, но кишка тонка в этом сознаться.

Паг без всякого сочувствия пожал плечами.

– Похоже, типичное семейство старой закалки. Ты же синтет, приятель! И с более шизовыми раскладками работал.

– Я имею дело с чужими данными и не выблеываю личную жизнь на всеобщее обозрение. С какими бы гибридами и конструктами я ни работал, они меня не...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.